

*Рекомендовано к опубликованию
Редакционно-издательским советом
ВНИИ МВД России*

Редакционная коллегия:

*А. Л. Ситковский (ответственный редактор),
М. М. Бабаев, М. И. Могачев,
Н. И. Цитуренко (ответственный секретарь),
М. В. Фортунуч, Н. В. Прохорова*

ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Преступность и общество: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. – 224 с.

Рассматриваются актуальные проблемы современного состояния преступности и общества, борьбы с отдельными видами преступлений. На материалах проведенных социально-криминологических исследований выдвигаются предложения по совершенствованию предупредительной деятельности органов внутренних дел.

Для научных сотрудников органов внутренних дел, слушателей и курсантов образовательных заведений МВД России.

УДК 343.5

Ю. М. Антонян,
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
(ВНИИ МВД России)

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПНОСТИ, ЕЕ ВЕЧНОСТЬ

Преступления совершались всегда. Даже в первобытном обществе и на этапах его перехода в иные формации, причем эти этапы могли быть весьма длительными. Исследования историков и этнологов не оставляют в этом сомнений: даже в сообществе дикарей существовал некий свод неписаных правил, нарушения которых влекли карательные санкции, начиная от наказаний имущественного характера (например, таких, которые мы сейчас называем штрафом) до изгнания из племени и лишения жизни. То, что тогда не было написанных уголовных законов, не свидетельствует об отсутствии преступности, просто общество еще не достигло необходимого для этого уровня, люди попросту еще не умели писать. Однако уже в то время действовали известные всему сообществу запреты, которые и выполняли функции таких законов и которые нарушались.

Эти правила были обычаями, освященными традициями, авторитетом предков, магическими либо примитивными религиозными предположениями, одним словом, сугубо жизненной практикой тех лет. Без подобных обычаев общество не могло жить и развиваться, они обеспечивали его целостность, ограждали от наиболее опасных посягательств на жизнь, здоровье и достоинство людей, имущественные интересы общины в целом или ее отдельных членов, на все те ценности, которые носили сакральный характер и составляли духовную основу всего их существования. Последние имели исключительное значение, поскольку первобытный человек немислим без своих идолов, духов предков и духов природы, духов животных и неодушевленных предметов, своих тотемов и табу. Посягательства на такие ценности таили величайшую социальную и психологическую угрозу, в том числе для самой жизни дикарей, которые при лишении их собственного анимистического мира и его символов могли просто погибнуть. Поэтому покушения на указанные ценности карались весьма сурово.

Все то же самое можно сказать и о современных дикарях. Они практически безграмотны и воспринимают уголовные и прочие законы государства, на территории которого проживают (если они, конечно, вообще знакомы

с ними), в качестве правил, многие из которых противоречат их обычаям, но которым они вынуждены подчиняться. Вместе с тем система собственных запретов у них сохраняется, а механизм их функционирования примерно тот же, что и в далекие времена первобытной дикости. Столь же велика среди них значимость духов и различных компонентов магии, они ревностно оберегают свой внутренний мир и те обычаи, которые регулируют их жизнь. Нарушение последних влечет за собой санкции, которые накладывают не только вожди племен, но и шаманы и колдуны, само сообщество.

Самые древние уголовные законы (Законник Хаммурапи, Законы Ману) зафиксировали то, что уже давно существовало в жизни и вызывало реакцию общества. Эти законы не выдумали, например, убийство или кражу, они лишь в письменном виде изложили то, что уже давно расценивалось сообществом в качестве опасного для него, но, конечно, подобная фиксация означала несомненное движение вперед. Могут возразить, что история знает великое множество случаев, когда не закон приспособился к жизни, а с помощью закона старались приспособить жизнь к тому, что в данное время требовалось правящей элите. Такими были многие законы германского Третьего рейха и коммунистического СССР. Однако к тем древним законам, которые впервые письменно установили уголовную ответственность за общеуголовные преступления, наказуемые в любом обществе, это по понятным причинам не относится.

Известно, что в древних законах правовая норма еще не имела четких форм, в нее входили и иные нормы, в том числе религиозные; религиозные же санкции и сила обычая или общественного мнения были призваны активно содействовать реализации нормы. Священные тексты многих религий содержали, по существу, правовые предписания и санкции за их нарушения. Подобные предписания во множестве имеются в Библии, например, в Книге Исход.

Для подтверждения предположения о наличии преступлений в первобытном сообществе особое значение имеют данные эмпирических исследований, осуществленных Б. Малиновским, который несколько лет в начале XX века прожил среди дикарей Меланезии.

В деревне, где он жил, жили три брата, из них старший, глава клана, был слепым. Самый младший брат привык пользоваться этим его недостатком, срывая орехи бетеля с пальм прежде, чем они созревали. Слепой тем самым лишался принадлежащей ему части. Однажды, когда он в очередной раз обнаружил, что его надули, он впал в ярость, схватил топор и, затемно пробравшись в хижину брата, нанес ему удар. Раненый убежал и спрятался в доме третьего брата. Тот, разъяренный нападением на младшего брата, схватил копье и убил слепца. Убийца был посажен в тюрьму на год. В давние времена – в этом были согласны все информаторы Б. Малиновского – он совершил бы самоубийство.

Б. Малиновский отмечает, что ни одно из этих преступлений не играет значительной роли в жизни туземцев. Кража выражается двумя понятиями: «квапату» (буквально «схватить») – слово это означает незаконное присвоение предметов личного употребления, орудий и ценных предметов – и «вайла’у», специальным термином, которым называют кражу пищи растительного происхождения с огородов или из хранилищ Ямса, а также похищение свиней и птиц. Если кража предметов личного потребления считается большим злом, то кража продуктов является наиболее позорной для вора. В каждом из этих случаев наказание заключается в насмешках и позоре, которые обрушиваются на виновного.

Убийство случается крайне редко. Б. Малиновскому, кроме вышеописанного, стал известен только один случай убийства: ночью копьем пронзили колдуна, пользующегося дурной славой, когда он скрытно подбирался к деревне. Это было сделано для защиты больного, жертвы колдуна. Кроме того, рассказывают о нескольких случаях убийства за прелюбодеяния, когда виновных ловят на месте преступления, или за обиду, в драках и поединках, об убийствах во время военных действий. Во всех случаях, когда мужчина погибает от рук людей из другого субклана, существует долг мести. Но его можно избежать, заменяя «платой за кровь»¹.

Большое внимание Б. Малиновский уделяет сексуальным преступлениям. Он пишет, что, как и многие другие народы южных морей, меланезийцы очень свободны и раскованы в сексуальном поведении, особенно до вступления в брак. Между тем адюльтер является наказуемым проступком. Величайшим преступлением в глазах местных жителей является инцест в любой его форме. Уже сама идея такого прегрешения, связи между братом и сестрой, наполняет их непреодолимым ужасом. Брат и сестра, соединенные в обществе, где господствует материнское право, ближайшей родственной связью, не могут даже свободно разговаривать друг с другом, никогда не должны друг над другом подшучивать и улыбаться друг другу, а всякий намек на одного из них в присутствии другого считается крайним проявлением невоспитанности².

Б. Малиновский предлагает новое определение права (в контексте рассматриваемых вопросов) как особой совокупности требований обычая и приходит к выводу, что, помимо основного деления на право квазигражданское и квазиуголовное, надо различать такие степени права, которые можно выстроить в некоторую иерархию: начиная от основного закона к легально терпимому обычаю и, наконец, к отклонению от закона и традиционным способам его нарушения³.

В первобытном обществе тяжким проступком (преступлением) считались не только такие общеуголовные деяния, как, например, кража, убийст-

во или инцест. Острую реакцию общества вызывали посягательства на запреты духовного и магического характера.

Д. Д. Фрезер дает обстоятельный обзор действовавших в первобытном обществе запретных действий и запретных слов. Нарушение запрета могло вызвать санкции, иногда довольно суровые.

Так, акты принятия пищи и питья связаны, по мнению дикаря, с особой опасностью. Ведь в это время душа может выскользнуть через рот или быть извлечена с помощью враждебной магии. Поэтому человеку следует проявлять осторожность, открывая рот, чтобы бездомный дух не воспользовался предоставившейся возможностью и не вошел в тело. Считается, что это скорее всего может иметь место во время принятия пищи. Поэтому на такие случаи предпринимались меры предосторожности, которые применительно к верховным правителям достигали чрезвычайной степени. Ни один человек и ни одно животное под страхом смертной казни не смеют посмотреть на правителя Лоанго во время еды или питья. Когда в комнату, где обедал этот правитель, вбежала его любимая собака, вождь приказал, чтобы ее убили на месте. Однажды собственный сын вождя, мальчик двенадцати лет, по оплошности застал его за питьем. Отец незамедлительно приказал четвертовать его.

Увидеть за приемом пищи царя Дагомеи являлось уголовно наказуемым преступлением.

У дикарей панический страх вызывали женщины во время менструаций (он скорее всего порождался кровью как символом смерти – Ю.А.). Поэтому австралийским женщинам в такой период под страхом смерти было запрещено прикасаться к вещам, которыми пользуются мужчины, и даже проходить с мужчинами по одной тропинке. У индейцев брибри (Коста-Рика) женщина в период менструации пьет из особого сосуда, из которого под угрозой смерти не должен пить никто другой.

Строгие табу существовали на лиц, которые лишали кого-либо жизни, в том числе на убийц и даже воинов, убивших врагов. Фрезер полагал, что поводом для обременительных ограничений, налагаемых на победителей в час их триумфа, возможно, является боязнь гнева духов убитых или врагов. Но можно, на мой взгляд, предположить наличие и другой, не менее весомой, причины: любое лишение жизни есть безусловное соприкосновение со смертью, она же всегда вызывала особый, ни с чем не сравнимый страх. По этой же причине большинство культур осуждает самоубийство и самоубийц – они входят в непосредственный контакт со смертью, причем по собственной инициативе. Фрезер приводит многочисленные примеры наложения табу на лиц, которые совершили убийство. Так, у индейцев омаха из Северной Америки существовал обычай, согласно которому за родст-

¹ См.: Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М., 2004. С. 272.

² См.: Там же. С. 328.

³ См.: Там же. С. 277.

венниками убитого оставалось право предать смерти убийцу, но иногда, соглашаясь принять от убийцы подарки, они от этого права отказывались⁴.

«В большинстве племен Мадагаскара произнесение имени умершего родственника считается святотатством, а имени усопшего вождя или царя – еще большим святотатством. Они боятся, что, услышав знакомое имя, дух умершего вернется, а встречи с духами мертвых они боятся больше всего. Только колдун может отважиться совершить такое святотатство, в иных случаях этот проступок карается смертью. Есть даже народы, например, салакава, у которых под страхом жесточайшего наказания запрещается использовать в обычной речи слова, которые составной частью входят в имена усопших царей или имеют сходное с ними звучание. Такие слова замещают специально создаваемыми для этой цели синонимами»⁵.

В низших обществах, отмечает Л. Леви-Брюль, весьма часто смертные случаи, самые естественные в наших глазах, будучи отнесены на счет действия мистических причин, рассматриваются как случаи насильственной смерти, вопреки самой очевидной, казалось бы, действительности. Так, в Торресовом проливе смерть, последовавшая в результате змеиного укуса, рассматривается обычно как следствие того, что змея подверглась влиянию какого-нибудь колдуна. Туземцам всегда необходима тайная причина. Одна женщина, которая чистила колодец, была укушена в большой палец черной змеей. Через 24 ч. женщина умерла. Однако туземцы утверждали, что смерть не была случайной, ибо эта женщина указала на одного мужчину как на своего убийцу. На основании этого свидетельства, подкрепленного тем фактом, что рана не кровоточила, муж умершей и его друзья вызвали на суд обвиняемого и его друзей. Мир, однако, был сохранен, ибо сторона мужа признала, что женщина ошиблась насчет личности преступника. Тем не менее обнаружили другого виновника, так как укус змеи не мог быть причиной смерти. Точно так же поступают и тогда, когда от старческого истощения умирает старик.

Приемы, употребляемые для обнаружения «истинной» (т. е. мистической) причины, соответствуют, естественно, представлению о ней. Обычно прибегают к гаданию, и преступник, избалованный гаданием, немедленно подвергается казни. В Африке, у кафров, во французском Конго и в других частях этого материка, где колдовские процессы особенно часты, общая схема судопроизводства представляется в следующем виде. Сразу после смерти какого-нибудь важного лица или в случае подозрительной смерти вообще собираются родственники, слуги покойного, а иногда и все население деревни, и «доктор» начинает свои магические операции, которые должны обнаружить преступника. Имеются захватывающие картины этих трагических собраний, где самый мужественный человек дрожит при мысли о том, что указания падут на него и меньше чем в минуту он погибнет

⁴ См.: Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986. С. 188 – 215.

⁵ Фрезер Д. Д. Указ. соч. Дополнительный том. М., 1998. С. 275.

как жертва всеобщей ненависти и злобы. Иногда подозреваемый подвергается ордалии: например, он обязан проглотить известное количество яда, так что те, которые готовят его дозу, наперед решают исход испытания. Л. Леви-Брюль справедливо расценивает подобные приемы как вполне естественные для мистического и пралогического мышления.

В Австралии один весьма распространенный обычай заключается в рытье рва в том месте, где кладется тело покойника, и в наблюдении за направлением, в котором движется насекомое, вырытое лопатой. За его движением все следят с напряженным вниманием: в том направлении, куда ползет насекомое, должен находиться убийца. Сходные приемы обнаружения преступника имеются у многих первобытных народов⁶.

Если преступность была и в первобытном обществе, то, значит, она не является классовым явлением, о чем так любили говорить и писать марксисты, тем самым прогнозируя, что ее не будет при коммунизме. Но материальное неравенство не следует считать единственной причиной совершения преступлений, есть и другие, не менее существенные, о которых будет сказано ниже. Между тем неравное распределение материальных благ существовало (и существует) среди дикарей, там были более обеспеченные (элита – царьки, вожди, их приближенные) и менее обеспеченные. К тому же, переход от примитивного строя к более прогрессивным формам жизни был весьма длительным, со стойкими переходными периодами, в числе прочих включавшими в себя рабовладение и работорговлю.

Итак, практически не должно быть сомнений в том, что преступность существовала всегда. Этот вывод имеет огромное методологическое значение, поскольку в нем имманентно содержится утверждение, что она, как неизбежный спутник человечества, никогда не исчезнет, что бы не думали по этому поводу разные создатели «городов солнца». В коммунистической колыбели постоянно звучали успокоительные гимны по поводу блистательного будущего, рисовавшие благостные картинки, в которых, в частности, не было места преступности.

Утверждение, что преступность – исторически обусловленное явление в жизни общества – пустое сотрясение воздуха, ничего не говорящее. Ее возникновение не связано с появлением частной собственности, разделением общества на классы и образованием государственной власти. Марксизм-ленинизм подходил к пониманию преступления лишь как к проявлению воли господствующих классов, которые, защищая свои интересы, устанавливают посредством права то, какие деяния являются преступными. Такой подход и примитивен, и ложен. Невозможно представить себе, что именно защищая свои интересы эти классы устанавливают уголовную ответственность за убийства, изнасилования, развращение малолетних, бандитизм, разбой, кражи и т. д., хотя, конечно, преступлениями признаются и такие действия, которые действительно посягают на интересы названных классов.

⁶ См.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. С. 219 – 222.

Сторонники классовой теории, во-первых, не признают общечеловеческие ценности, защищаемые, в частности, с помощью уголовного права; во-вторых, они, обманывая, лицемерно, по-фарисейски делали вид, что при социализме господствовал пролетариат, который на самом деле никогда не был правящим классом, а власть всегда принадлежала классу номенклатуры.

Не только советские политики и идеологи, но и многие криминологи, не моргнув глазом, бестрепетно писали, что бесправное положение и эксплуатация большинства в классовом обществе, основанном на частной собственности, являлись той силой, которая неизбежно и закономерно вовлекала это большинство в конфликт с эксплуататорами. Стремясь преодолеть или, скорее, подавить возникающие конфликты, господствующие классы якобы определяли в зависимости от складывающейся обстановки, что именно является преступным.

Это писалось не в 40-60-е годы жесточайшей цензуры, идеологического прессы и суровых расправ с любым свободным словом, а в середине 80-х годов, когда активно развенчивались коммунистические иллюзии, а людей потрясали оглушительные данные о ленинско-сталинских репрессиях. Они унесли, по разным источникам, от 20-40 млн человеческих жизней. Воистину юриспруденцию можно назвать третьей древнейшей профессией.

Так называемые классики марксизма-ленинизма считали задачу ликвидации преступности вполне решаемой и связывали ее с уничтожением эксплуатации человека человеком. Очень оптимистичен был В. И. Ленин. Он писал: «...мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство»⁷. Никаких доказательств для подтверждения столь важного прогноза В. И. Ленин, конечно, не приводил, поскольку исходил из общей концепции построения коммунизма, при котором все будут счастливы и довольны, и причин для совершения преступлений попросту не будет. Нетрудно заметить, что он видел их причины исключительно во внешних обстоятельствах, игнорируя личность и все то, что тысячелетиями аккумулировалось в ней. Иными словами, не будет средовых стимулов, не будет и реакций в виде преступного поведения. Этот существенный теоретический изъян – игнорирование личности и вульгарно-социологический подход к ней – стал родимым пятном всей советской криминологии.

Приведенная ленинская концепция стала краеугольным камнем всей социалистической теории причин преступности и возможности ее преодоления. Например, в первом отечественном учебнике по криминологии утверждалось: предвидение основоположников марксизма-ленинизма о том, что

с победой коммунизма, с изменением общественных отношений будет искоренена и преступность, отнюдь не означало, что они исключали ее существование, хотя и в качественно иных формах, в период перехода от капитализма к социализму. В процессе развития социалистического общества подрываются основные социальные корни преступности, но сохраняются некоторые ее причины. Они не связаны с природой социализма, а вызваны конкретной исторической обстановкой, в которой строится социализм, преодолевающий ряд противоречий и трудностей внутри страны и ведущий острую классовую борьбу на международной арене. Преступность в коммунистическом обществе как социальное явление окончательно отомрет⁸.

Не буду комментировать эти положения, всем известно, чем закончился грандиозный всемирно-исторический спектакль. Известно также, что ни одно государство в мире, кроме самых микроскопических (если преступность там вообще была), не смогло уничтожить преступность. Никто теперь и не строит таких утопических планов, поскольку понятно, что преступность есть неизбежный и естественный спутник человечества на все времена, подобно болезни и смерти. Но это не значит, что с преступностью не нужно бороться. Актуальной задачей остается ее удержание на так называемом цивилизованном уровне, т. е. на таком, когда в процентном отношении корыстная преступность превалирует над насильственной, когда жизнь, здоровье и достоинство человека более или менее ограждены от преступных посягательств и люди не боятся выйти на улицу, когда коррупция не душит общество и не ложится непосильным «налоговым» бременем на плечи граждан, когда они могут найти защиту в суде и правоохранительных органах, когда они, во всяком случае большинство из них, уважают закон и осуждают преступления и т. д.

Вот почему утверждение о естественности преступности вовсе не должно парализовать деятельность по ее предупреждению. Ослабление усилий в этом направлении способно привести к самым печальным последствиям, таким, например, которые можно было наблюдать в России в середине 90-х годов и которые не удастся существенно преодолеть и в настоящее время. Необходимо признать, что преступность одновременно является и патологией, и нормой: патологией потому, что она резко нарушает этические и правовые установления; нормой потому, что человечество не может и не сможет ее преодолеть. Конечно, под преступлением надо понимать только совокупность (сумму) совершенных преступлений и больше ничего. Нас при этом не должно смущать, что некоторые поступки исчезают из особенной части уголовного кодекса, а другие, часто неведомые ранее, появляются в ней. Это неизбежно, поскольку все время изменяются условия жизни людей, их взгляды на то, что следует карать по уголовному закону, а что нет. Но всегда сохраняется группа деяний (убийства, кражи, изнасилования, разбои и некоторые другие), которые во всех обществах признаются пре-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 91.

⁸ См.: Криминология: Учебник. М., 1966. С. 54.

ступлениями – это и есть ядро преступности. Наличие такого ядра тоже свидетельствует о вечности преступности. Наряду с ядром имеется ее периферийная часть, которая тоже обладает вечным свойством – она постоянно меняется.

Преступлением можно считать только то, что названо таковым в уголовном законе. Эту, на первый взгляд, банальную истину иногда подвергают сомнению, исходя из того, что уголовные запреты не всегда справедливы, а некоторые поступки, не расцениваемые в качестве преступных, на самом деле являются преступными. Поэтому криминология якобы должна выработать собственное определение преступления, а не ориентироваться только на уголовное право. Такая постановка вопроса вызывает резкое возражение, поскольку она может привести к произволу. По-моему, определять то, что является преступлением, а что нет, может исключительно уголовное право. Однако криминология в результате собственных исследований может прийти к выводу о криминализации или декриминализации каких-то поступков и на этом основании сделать необходимые предложения уголовному праву. Иначе говоря, нет никакого преступления в криминологическом понимании, а только в уголовно-правовом.

Уголовный закон, очерчивающий рамки преступности, может, как известно, противоречить праву и морали. Но тем не менее даже в самых репрессивных тоталитарных обществах уголовные законы всегда появляются на свет ради чьих-то интересов – всех, большинства людей, иной группы или только властной верхушки, иногда небольшой или единоличного диктатора. В этом (и только в этом!) смысле он целесообразен. Наверное, противоречие морали или устоявшимся обычаям можно обнаружить и в неписанных уголовно-правовых запретах дикарей, когда такие запреты появились в результате самоличного усмотрения какого-нибудь местного царька.

Уголовное право и криминология связаны друг с другом не только тем, что криминология родилась в недрах уголовного права. Они и сейчас обязаны выполнять по отношению друг к другу цензорские обязанности: криминология обязана производить экспертизы действующих и намечаемых к принятию уголовных законов, а уголовное право – следить, чтобы криминология не своевольничала, изобретая свои уголовные «законы», а всегда оставалась в правовых рамках. Криминология, конечно, может и должна изучать околупреступные, но не преступные явления, но только в связи с преступностью, в качестве способствующих ей факторов. Каждая из названных наук суверенна.

Если взять уголовное право в целом, то окажется, что оно не выражает интересов всего общества, причем это является его отличительной чертой не только в современную эпоху, но и во все времена. Просто так уж создан человек, что суждения людей отнюдь не всегда совпадают, и дело здесь отнюдь не в их социальной неоднородности, а в том, что личности индивидуально неповторимы. Даже в тех случаях, когда все (или почти все) люди полностью солидарны по поводу какого-нибудь уголовно-правового запрета,

например на убийство, на практике они находят немало причин, чтобы делать исключения из этого общего правила. Таким образом, они одобряют этот уголовный закон лишь как некий принцип, идеал, абстрактную модель, но не как то, чему нужно неусыпно следовать всегда.

Преступность и преступление нарушают условия существования общества, его согласие по поводу тех правил, которые регулируют жизнь его и отдельных граждан, способов реагирования на нарушение этих правил. Это максимально сближает преступление, преступность и право; наличие права, писанного или неписанного, означает стремление людей к организации, а не к хаосу. Кокетливое суждение о том, что единственной причиной преступности является уголовный закон, мало что добавляет к пониманию такой сложной проблемы, как природа преступности.

Преступление – онтологическая реальность, его таким сделало общество и (или) государство, поэтому оно – и объект, и продукт уголовной политики. Реальностью является и преступность, состоящая из отдельных преступлений – преступных поведений, которые есть не что иное, как сплав социальных, индивидуально-психологических и социально-психологических факторов. Хотя преступление и представляет собой продукт и объект уголовно-правовой политики государства, государство тем не менее не всегда вольно в решении вопроса о том, признавать или не признавать какие-то деяния в качестве преступных. Например, государство обречено всегда считать преступными убийства, кражи, изнасилования и другие поступки, относящиеся к ядерной части преступности, даже если оно само убивает и грабит своих граждан. Иначе говоря, уголовная ответственность за эти преступления определяет их же природа, точнее – степень их общественной опасности. Так было в древние времена, так будет всегда.

Другое дело, что само понятие убийства или изнасилования менялось в разные эпохи и по-разному представлялось в разных странах. Так, если в рабовладельческом обществе убийство раба или изнасилование рабыни не считалось преступлением, то все равно убийство свободного человека или изнасилование свободной женщины (даже у дикарей) обязательно признавалось таковым. Несколькими гипертрофируя, можно сказать, что уголовному наказанию подлежит нарушение самого принципа: «нельзя убивать», «нельзя завладевать чужим имуществом», «нельзя посягать на женскую честь и достоинство», «нельзя предавать Родину (интересы клана, племени)» и т. д. Конечно, не только государство, но и отдельные люди, запрещая преступления, отлично знали, что они все равно будут совершаться.

Государство, а до его появления – родо-племенная верхушка, помимо наказаний за так называемые ядерные преступления, постоянно стремились покарать людей, чтобы ограничить или лишить их возможности преодолеть социальное и политическое неравенство, не дать им завладеть материальными благами и т. д., одним словом, вести себя иначе, чем предписывает власть. Чаще всего такие деяния составляют периферийную часть преступности. Она в целом (с ядерной частью) определяется законом не прямо, а

лишь опосредовано, через отдельное преступление. При всей ее изменчивости ничто другое не может в нее входить. И в древности наказывалось лишь то, что признавалось опасным давним обычаем или усмотрением местного царька (вождя). Появление новых уголовно-наказуемых деяний в первую очередь определяется их общественной опасностью (в современную эпоху, например, экологические преступления или преступления в сфере компьютерной информации).

Отличительной особенностью преступлений, которые я, возможно, не очень удачно назвал периферийными, является то, что они не посягают на общечеловеческие ценности или эти посягательства не слишком опасны. К ним прежде всего следует отнести те, которые не направлены против жизни, здоровья, чести и достоинства личности. Они обычно имеют, так сказать, локальный характер (например, нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней, нарушение законодательства о континентальном шельфе и т. д.). В числе периферийных могут быть даже и такие посягательства на личность, которые отрицательно оцениваются моралью лишь в данной стране или в данной культуре.

При всем том, что преступность изменчива и ее составляют весьма отличающиеся друг от друга по своему характеру и степени общественной опасности деяния, необходимо постоянно, не ослабляя усилий, искать ее причины – всей преступности или отдельных ее видов, выделенных по самым разным признакам. Объяснения причин могут быть различными, в том числе неполными и недостаточными, вообще ошибочными; исследователь может оказаться в тупике перед внушительной массой причудливо изменчивых и разнородных явлений. Безуспешность исследовательских попыток можно объяснить неадекватностью применяемых методик, нечеткой или неправильной постановкой вопросов или общей порочностью научной позиции, недостаточностью знаний и т. д., но только не принципиальной непознаваемостью природы и причин преступности. Можно даже реконструировать причины преступности в первобытном обществе; впрочем, реконструкция здесь не совсем к месту, поскольку первобытные сообщества и сейчас достаточно распространены на земле.

Есть ли собственно причины преступности, т. е. такие явления, которые порождают только преступность (или способствуют только ей в качестве условий) и больше ничего другого? Думается, что таких социальных или психологических обстоятельств не существует, они, наряду с преступностью, детерминируют и другие явления, причем не всегда лишь антиобщественные и не всегда прямо, но и опосредованно. Так было и в первобытном обществе, жизнь в котором только современным людям с вершин прошедших тысячелетий кажется простой и примитивной, а дикарям представлялась столь же сложной, трудной, даже пугающей и враждебной, как и нам наше сегодняшнее существование.

Преступность не есть нечто такое, что синхронно и немедленно изменяется вслед и в зависимости от изменений, которые претерпевают общественные отношения или производительные силы. Новые криминогенные или

антикриминогенные факторы порождают изменения прежде всего в периферийной ее части. Однако природа преступности от дней Каина остается неизменной, поэтому можно говорить о колебаниях и новых явлениях лишь в ее структуре и динамике. Устойчивость природы преступности определяется отнюдь не тем, что она детерминируется биологическими причинами, а тем, что социальная структура общества и особенности личности неизменно продуцируют посягательства на уголовный закон. К тому же преступность обладает способностью к самовоспроизводству, что, впрочем, опять-таки восходит к общественным и личностным факторам.

Человек предрасположен к преступлению как к болезни или смерти, но в силу не биологических, а социальных программ, которые наследуются им по архетипическим механизмам. О биологической природе преступности не свидетельствует распространенность среди преступников психических аномалий: во-первых, некоторые из них вполне социального происхождения (например, травмы головы на производстве); во-вторых, расстройства психической деятельности можно обнаружить и среди лиц, которые никогда не нарушали уголовный закон. Одним словом, патологии в психике создают лишь предпосылки к преступному поведению, но ни в коем случае фатально не обрекают на него.

Имеющиеся результаты биолого-криминологических исследований не доказывают того, что даже агрессивное преступное поведение имеет биологическую природу. Сошлюсь на работу биологов – сотрудников ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. Они указывают на биологически обоснованную предрасположенность к агрессивному поведению. Среди лиц с таким поведением отмечается высокий процент больных эндогенными психозами, эпилепсией, лиц с поражениями височной доли, с алкогольной и наркотической зависимостью (см.: Фромм Э., 1994; Бэрон Р., Ричардсон Д., 1998). Показано, что агрессивность в значительной мере связана с функциональным состоянием универсальных модуляторных систем головного мозга. Изучение базовых свойств личности также свидетельствует о биологической обусловленности различных поведенческих паттернов (см.: Небылицын В. Д., 1966; Русалов В. М., 1990).

В качестве психологических факторов, создающих предпосылки для агрессивного поведения, рассматривались агрессивные влечения, входящие в структуру личности, а также склонность к агрессивным реакциям (или повышенная эмоциональная реактивность на негативную стимуляцию, которая наиболее часто проявляется как фрустрация потребностей индивида). Для изучения центральных механизмов насильственного поведения была выбрана группа расстройств, обозначенных как органические, что подразумевает их обусловленность биологическими факторами. Целью работы, как обозначают ее авторы, явилось проведение количественных ЭЭГ-исследований, направленных на выяснение нейрофизиологических особенностей лиц с органическими психическими расстройствами, которые обвинялись в убийстве. Всего было обследовано 67 человек.

Исследователи делают вывод, что предислокация к насилию определялась, главным образом, левополушарными нарушениями, проявляющимися, с одной стороны, в снижении функционального состояния левой лобной коры и ее контролирующей функции прежде всего по отношению к подкорковым импульсам, исходящим из лимбической системы, и, с другой – в повышении уровня активации моторных систем; полученные данные позволяют, по мнению авторов, высказать предположение о важной роли дисфункции дофаминергической модулирующей системы. Выявленные сдвиги можно рассматривать как нейрофизиологическую основу наблюдающихся у таких больных расстройств самосознания и повышенной готовности к непосредственным действиям. Обнаруженные особенности ЭЭГ, связанные с нарушениями эмоционально-мотивационной сферы, влияли на механизм деликта с реализацией в одних случаях ситуативных форм реагирования, в других – искаженных внутренних программ сексуального поведения⁹.

Эти данные представляют огромный интерес, в том числе для профилактики агрессивного поведения. Стоит подчеркнуть, что изучение именно преступников именно биологами – достаточно редкое исследование, во всяком случае в России. Это профессиональная работа, а не общие соображения, почерпнутые из доступных книг по биологии, не имеющие никакого отношения к преступному поведению и преступникам. Только такими соображениями пользовались И. И. Карпец и И. С. Ной в нелепой дискуссии друг с другом о роли биологического в преступности, не располагая при этом никакими эмпирическими материалами. Тем не менее результаты, полученные биологами ГНЦ им В. П. Сербского, не доказывают биологической природы преступного поведения.

Во-первых, органические расстройства могут быть вызваны и такими социальными причинами, как травмы или отравления.

Во-вторых, неизвестно, имеются ли левополушарные нарушения только у убийц, или же они встречаются и среди вполне законопослушных людей. Это очень важный вопрос, без выяснения которого трудно оценить научную ценность названного биологического исследования. Вполне возможно, что криминогенный эффект упомянутого нарушения может быть снят воспитанием (перевоспитанием) или созданием соответствующих условий жизни и деятельности.

Любое поведение человека связано с его животным происхождением, а животные всегда действуют в соответствии с заложенными в них генетическими программами и они движимы своими потребностями, в первую очередь в еде, питье и продолжении рода. Поэтому многие животные агрессивны, но агрессия является условием их выживания. Человек во многом унаследовал названные программы, однако общество со своей моралью и правом постоянно, чуть ли не на каждом шагу, ограничивает его, заставляет, принуждает жить и поступать так, как ему (обществу) это выгодно и

полезно. Такое отношение к личности вызывает ее протест, который, в частности, находит выход в преступлении. За это следует наказание, но общество (государство) не способно наказать всех, преступивших уголовно-правовой запрет, как не может воспитать всех своих членов законопослушными и удовлетворить их потребности, даже самые элементарные и обыденные.

В преступном поведении участвует не только личность, но и организм, т. е. весь человек. Проблема же заключается в установлении того, социальная или биологическая «часть» играет определенную роль в совершении преступлений. Пока что известно решающее значение в этом личностных особенностей, из чего отнюдь не следует, что социальное поглощает, полностью стирает биологическое. Биологическое действует в любом поступке и можно привести множество примеров, которые убедительно говорят о том, что биологическое весьма активно при совершении преступлений, особенно агрессивных и сексуальных. Но даже в этих случаях не приходится сомневаться в том, что главное – антиобщественные ориентации, бессознательные влечения и установки личности, ее страхи и надежды, все то, что сформировано в ней в течение тысячелетий и составляет глубины ее психики.

Криминология не должна с постоянством попугая твердить одно и то же: преступность социальна, она порождается обществом, она представляет собой разновидность социальных отклонений и т. д., недопустимо ограничивать этим свой научный поиск. Однако именно этим занято множество исследователей, не замечающих того, что они идут по пути, протоптанному много лет назад, и не желающих проводить эмпирические изыскания. Разве можно, используя лишь социологические результаты изучения преступности и ее причин, объяснить, например, серийные убийства, в том числе сексуальные, террористические акты, развратные действия в отношении несовершеннолетних, длительное ведение бродячего образа жизни и ряд других? Между тем социологические объяснения в криминологии продолжают доминировать даже тогда, когда это противоречит элементарному здравому смыслу.

Так называемые теоретики криминологии, видимо, получают несказанное удовлетворение от того, что без конца полемизируют друг с другом, подвергают критике те или иные выводы, подходы и особенно определения, даже не взирая на их давность и утрату какой-либо актуальности. Найдется очень мало таких, которые пожелали бы непосредственно участвовать в эмпирических социологических, психологических, психиатрических и иных исследованиях. Между тем только такие исследования позволяют понять, что такое преступность, каковы связи и соотношения между преступным поведением и преступностью, по каким механизмам осуществляется между ними связь, в чем их причина.

⁹ См.: Агрессия и психическое здоровье. СПб., 2002. С. 323 – 368.

В. А. Плешаков,
доктор юридических наук, профессор
(ВНИИ МВД России)

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ И СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА ПРЕСТУПНОСТИ

Процесс изучения природы и сущности преступности привел ученых к единодушному выводу: «...складываясь из отдельных индивидуальных преступных актов, образуется явление, резко отличающееся от составляющих его частей, образуется преступность как социальное явление, явление, которое существует в обществе благодаря обществу и в связи с условиями этого общества»¹. Признание же преступности в качестве социального явления неизбежно ведет к признанию ее обусловленности социальными условиями, способствующими существованию преступности. Таким образом, возникновение, существование и изменение такого сложного социального феномена, как преступность, – это результат действия многообразного и многоуровневого комплекса факторов – социальных явлений, процессов, ситуаций, обстоятельств. В этом смысле можно было бы сказать, что преступность производна от жизни общества и одновременно является ее составной частью. То есть негативные социальные процессы, происходящие в обществе и способствующие преступности, и составляют ее социальную базу. «Общество создает возможность совершения преступления. Преступник реализует эту возможность, он есть только орудие, проявление свойств и характеристик общества»².

Рассматривая причинно-следственные связи применительно к преступности, необходимо отметить, что преступность как следствие порождается негативными социальными (криминогенными) факторами; вместе с тем выявление «жестких» причинно-следственных связей между криминогенными факторами и преступностью не представляется возможным. «Для выявления закономерностей социологического порядка принципиальным является отказ от представления об однонаправленной причинной связи между социальными явлениями по типу «причина-следствие», где причина первична, а следствие вторично. Исследование социальных явлений выявляет их взаимозависимость, функциональную связь в рамках определенной социальной структуры. Термином «функция» обозначается взаимная зависимость между двумя или более переменными (т. е. постоянно изменяющимися) факторами. Это требует рассмотрения данного явления (в нашем случае – феномена преступности) не как «продукта» («следствия») некоторых отдельно от преступности существующих причин, но как элемента с обратной связью, в которой посредством обратной связи осуществляется

постоянное взаимодействие между функционально связанными факторами. ...Вскрыть такую функцию, показать функциональные связи изучаемого явления (в нашем случае – преступности) – значит получить возможность объяснить и (возможно) рационально воздействовать на него»³. Исходя из вышесказанного, выделим основные криминогенные факторы, характерные для современной ситуации, сложившейся в Российской Федерации, и покажем их функциональную связь с преступностью.

Полный перечень факторов (причин, условий и детерминантов) порождающих преступное поведение, дать, в принципе, невозможно. Процессы и явления, способные прямо или косвенно сыграть малую или существенную криминогенную роль, бесчисленны, они коренятся буквально во всех без исключения сферах жизнедеятельности общества в целом, его институтов и социальных групп, отдельных людей. Поэтому в последующем изложении внимание будет сосредоточено только на тех факторах, повышенное криминогенное влияние которых доказано и подтверждено материалами многочисленных научных исследований.

Говоря в самом общем виде, надо подчеркнуть: сильнодействующие криминогенные факторы, определяющие сложившуюся криминальную ситуацию в России, коренятся как в исторических условиях развития страны, так и в явлениях и процессах, связанных со спецификой нынешнего переходного периода.

Экономические причины. Состояние экономики к началу реформ было таким, что базисные, коренные преобразования, требовавшие тщательной подготовки, продуманной стратегии и тактики, с самого начала стали осуществляться поспешно, импульсивно, зачастую по методу латания дыр. Неоправданные надежды возлагались на возможности саморегуляции рынка. Положение усугублялось некритическим заимствованием в ряде случаев зарубежных моделей реформирования экономических отношений и структур без учета специфики российской действительности. Это не могло не повлечь при проведении кардинальных преобразований серьезных просчетов и ошибок, многие из которых обладают сильным криминогенным потенциалом.

Форсированные темпы разгосударствления и приватизации, принижение роли государства в регулировании экономических процессов создали благоприятную почву для неконтролируемого криминализированного бизнеса и коррупционного «сотрудничества» чиновников и представителей частного сектора. Притязания и интересы криминальной среды, естественно, оказались связанными прежде всего со сферой экономики, где возникли и продолжают сохраняться огромные возможности для противоправного обогащения, безнаказанного паразитирования на трудностях и издержках экономических реформ. Скоротечная либерализация экономической деятельности, передача государственной и общественной собственности в частные руки (нередко по необоснованно заниженной стоимости) при отсутствии

¹ Яковлев А. М. Социология преступности (криминология). Основы общей теории. М.: Московский новый юридический институт, 2001. С. 11.

² Там же. С. 12.

³ Яковлев А. М. Указ. соч. С. 13 – 14.

надежного механизма контроля и защиты от преступных посягательств создали благоприятные условия для внедрения в экономику откровенно криминальных элементов, бесконтрольного распоряжения национальными богатствами со стороны коррумпированного чиновничества.

Определенную криминогенную роль играет инерционное действие привычек и стереотипов поведения населения, возникших в условиях существовавшей десятилетиями социалистической, – фактически ничейной собственности и крайне ограниченного гражданского оборота. Большинство граждан оказались неподготовленными к активному включению в систему рыночных отношений, что, с одной стороны, обусловило их повышенную виктимность в новой обстановке, а с другой – стимулировало криминальное поведение.

Ограниченность экономических ресурсов для надлежащего обустройства государственных границ Российской Федерации является одним из условий, способствующих контрабанде оружия, транзиту наркотиков, другим криминальным проявлениям транснационального характера.

Налицо всеобщая коррозия базисных экономических отношений, которая разрушительным образом действует на все остальные жизненно важные сферы, является питательной средой не только для экономических правонарушений, но и для всей преступности.

В то же время криминогенными последствиями могут обернуться и попытки государственных структур необдуманно пересмотреть итоги приватизации. В настоящее время частный капитал слабо заботит будущее страны, он больше заботится о собственном процветании, в том числе и путем выкачивания денег из страны за рубеж, ухода от налогов через оффшоры, невкладывания инвестиций в производство, с одной стороны, и вызывающих трат на заграничные футбольные клубы, монопольные варварские цены на связь и на бензин для простых людей – с другой. Тем не менее надо учитывать, что новые собственники – влиятельная сила, с которой необходимо считаться. Поэтому необходимо находить политические и экономические пути вовлечения частного капитала в процесс экономического развития страны, предотвращая использование его в криминальных целях.

Социальные причины. Кризисные явления в экономике сыграли решающую роль в возникновении глубоких деформаций социальной сферы, многие из которых имеют выраженное криминогенное значение. При отсутствии последовательной социальной ориентированности реформ, особенно на их начальном этапе, произошли увеличение численности безработных, падение жизненного уровня населения, резкая социально опасная дифференциация населения по доходам. Статистика экономического развития страны по данным показателям наглядно иллюстрирует тот факт, что российское общество продолжает находиться в области кризисных отклонений.

Быстрое нарастание безработицы в России 90-х годов стало одной из наиболее значимых примет переживаемого экономического кризиса. Уро-

вень общей безработицы оценивается в 10% к численности экономически активного населения.

С учетом официального роста безработицы и значительно более высокого ее уровня в скрытых формах этот фактор создает огромный резерв для воспроизводства преступности. Статистические показатели свидетельствуют о том, что в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, доля трудоспособных нигде не работающих и не учащихся за 1993-2003 гг. выросла почти в три раза.

Следует указать, по крайней мере, на следующие криминогенные и криминальные влияния безработицы на негативную динамику преступности:

а) резкое ухудшение психологического климата в семьях безработных, отчуждение родителей от обязанности по воспитанию детей, поиск забвения в пьянстве, состояние стресса, разрядкой которого нередко служат грубые проявления конфликтности, жестокость (в том числе в отношении собственных детей, совершающих в результате побега из дома и в свою очередь переходящих на преступный путь) и т. д.;

б) вынужденный поиск несовершеннолетними собственных источников дохода (нередко не только в целях элементарной физиологической выживаемости, но и содержания родителей), в том числе связанных с попаданием в полукриминальную или околукриминальную среду;

в) формирование постоянного страха у работающих взрослых и несовершеннолетних потерять рабочее место, что определяет их готовность выполнять любые поручения работодателя, включая пособничество в незаконных и непосредственно преступных деяниях;

г) утрата в случае продолжительного периода безработицы профессиональных навыков и желания трудоустроиться, люмпенизация и маргинализация.

В условиях серьезных экономических трудностей происходит резкое снижение уровня и качества жизни основной массы россиян. Проводимые с 1992 г. реформы осуществлялись за счет основной массы населения и привели к более чем двукратному снижению реальных доходов.

Крайне негативно на благосостоянии населения сказался кризис 1998-1999 гг., последовавший за девальвацией рубля и скачком инфляции. В эти годы прошла третья (после 1992 и 1995 гг.) масштабная волна падения доходов населения. В целом за 1998 г. реальные доходы населения сократились на 14,6% к уровню 1997 г., что составило почти половину от их общего снижения за 1992-1997 гг.

Одновременно с падением реальных доходов ослабел и такой фактор социально-экономической устойчивости, как государственная социальная поддержка населения, в частности, произошло сокращение социальных трансфертов как источника денежных ресурсов. Кризис государственных финансов актуализировал проблему переноса бремени финансирования социальной инфраструктуры на само население, что крайне негативно сказалось на уровне жизни.

На фоне катастрофического снижения жизненного уровня основной массы населения, его слабой адаптации к рынку (по оценкам специалистов, примерно пятая часть населения адаптирована, а четверть - не адаптирована и не сможет адаптироваться к условиям рынка) происходит резкая дифференциация доходов населения и соответственно общества в целом, которая не имеет аналогов в восточноевропейских странах.

Моделирование социально-экономической стратификации населения дает следующие результаты: 1) по различным оценкам, от 65 до 80% жителей России оказались за чертой бедности, не имея возможности обеспечить себя даже полноценным питанием; 2) в обществе фактически отсутствует «средний класс» в качестве вполне адаптированной к новым условиям развития страты, обеспечивающей фундамент рыночных отношений и социально-политических структур; 3) число лиц, сосредоточивающих в своих руках производственные мощности, сырьевые ресурсы и высокую долю текущих доходов, колеблется от 1,5 до 5%.

Экономическое расслоение проявилось в разломе общества, который фактически привел к образованию двух неравных социальных зон – зоны богатства и зоны бедности. Образовались два уровня жизни со своими доходами и наборами потребительских благ. По данным известного социолога академика Г. В. Осипова, предельным критическим значением в мировой практике считается соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных групп населения как 10:1⁴. Этот критический уровень в современной России давно и многократно превышен. По мнению многих специалистов, дифференциация по доходам достигла уровня 100:1. При таких условиях криминогенная значимость данного фактора становится экстраординарной.

Результаты так называемых межпоколенческих исследований показывают, что бедные семьи воспроизводят главным образом «новую бедность». Это определяет дальнейшее втягивание нашего общества в некую «социальную воронку», в частности, эволюцию в сторону маргинализации, связь которой с преступностью выглядит вполне определенно.

В результате интенсивной маргинализации появился широкий слой нищих, просящих подаяния; бомжей, лишившихся жилья; беспризорных детей, потерявших родителей либо убежавших из дома; алкоголиков, наркоманов, проституток, ведущих асоциальный образ жизни. По некоторым оценкам, численность маргиналов (в основной массе своей это нищие, бомжи, беспризорные дети, проститутки) составляет сейчас около 10% городского населения.

Уровень законопослушания населения снижается в результате невыполнения государством своих социальных обязательств перед гражданами (отсутствие адресной поддержки социально незащищенных слоев, массовые невыплаты заработной платы, пенсий, пособий, развал системы бесплатной медицинской помощи и др.).

Демографическое неблагополучие проявляется не только в начавшейся с 1992 г. абсолютной убыли населения, небывало возросшей смертности, в сокращении средней продолжительности жизни, в парадоксе сверхсмертности мужчин трудоспособного возраста, но и в росте числа неполных семей и сиротства. Стремительными темпами растет численность детей в расторгнутых браках, ежегодный прирост которой, по сравнению с доперестроечным периодом, увеличился почти в два раза. На данный момент в неполных семьях после разводов насчитывается более 600 тыс. детей.

Стабильно высоким остается показатель количества детей, оставшихся без попечения родителей. Детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, сейчас насчитывают 720 тыс. При этом несовершеннолетние, чьи родители лишены родительских прав и которые в силу различных причин продолжают проживать в семьях, пополняют ряды безнадзорных и беспризорных.

Характеризуя влияние демографической ситуации на состояние преступности, нельзя не обратить внимания на интенсивность миграционных процессов, усилившихся вследствие распада союзного государства и межнациональных конфликтов. Это привело к появлению на территории России миллионов беженцев и вынужденных переселенцев, в большинстве семей которых имеются дети, нуждающиеся в особых мерах социальной защиты, реабилитации и поддержки. Социальная неустроенность и правовая незащищенность этой группы лиц превращает их в группы повышенного криминального и виктимологического риска.

Серьезным дестабилизирующим фактором является состояние физического и психического здоровья населения. Криминогенные факторы в этой сфере существенно влияют на особенности социальной адаптации людей к современным условиям жизни, на возникновение психологической напряженности на личностном уровне и их воплощение в мотивациях предкриминального, криминального и виктимного поведения, на возникновение конфликтных ситуаций и тяжелых жизненных обстоятельств.

В настоящее время отмечается значительное ухудшение здоровья и беспрецедентная психическая патология населения, распространение социально обусловленных болезней. В связи с этим перед Россией стоит угроза этнической деградации нации. О реальности такой перспективы свидетельствуют следующие данные: потребление абсолютного алкоголя почти вдвое превышает установленный ВОЗ критический уровень, достижение которого означает необратимое изменение генофонда нации; алкоголизмом затронуто около 20 млн человек; число больных наркоманией составляет около 3 млн человек; количество самоубийств среди российских мужчин в 2,5 раза выше средневропейского уровня, среди женщин – в 1,5 раза. При этом нельзя не отметить, что среди трудоспособного населения неестественные причины смерти занимают первое место. К примеру, смертность от употребления алкоголя за последние пять лет возросла в 3,5 раза.

Особую озабоченность вызывает здоровье подрастающего поколения: среди школьников младших классов здоровыми можно назвать лишь

⁴ См.: Криминология. СПб., 1999. С. 137.

10-12% (на выпуске их остается всего 5%); в стране уже сейчас 600 тыс. детей-инвалидов; 14 тыс. несовершеннолетних находятся в СИЗО и 21 тыс. – в колониях, эти несовершеннолетние вряд ли смогут рассчитывать на физическое, психическое, а также и нравственное здоровье, равно как и многие миллионы беспризорников. Демографы прогнозируют, что при сохранении существующей тенденции только 54% сегодняшних 16-летних юношей доживут до пенсионного возраста.

По оценкам НИИ психиатрии, распространенность различных десоциализирующих психических заболеваний (расстройств) среди несовершеннолетних возрастает на 1-1,5% ежегодно, и сейчас в контингенте учащихся от 20 до 33% обнаруживают признаки отставания в психическом развитии или психические патологии.

Получила стремительное распространение наркомания, ставшая острой государственной проблемой, угрожающей фундаментальным основам безопасности российского общества. Постепенно на смену алкоголю как атрибуту молодежных досуговых мероприятий приходят наркотики, которые становятся неотъемлемой частью молодежной субкультуры, компонентом общения в подростково-молодежной среде.

За последние пять лет почти в 4 раза увеличилось число потребителей наркотиков, которых по разным оценкам сейчас насчитывается в стране от 3 до 10 млн человек. При этом резко возросло потребление наркотических средств и других психоактивных веществ несовершеннолетними и сопутствующий рост смертельных случаев, в том числе от передозировки и интоксикации (смертность данной категории наркоманов почти в два раза превышает этот показатель по другим возрастным категориям). За последние пять лет число детей и подростков, наблюдавшихся учреждениями здравоохранения по поводу употребления наркотических и токсических средств, увеличилось в 14 раз. За истекшее десятилетие детская смертность из-за употребления наркотиков возросла более чем в 40 раз.

Фиксируется существенное изменение социально-демографической структуры наркотизации молодежно-подростковой среды, составляющей до 70% от общего числа наркоманов, в сторону распространения наркотиков среди адаптированной и благополучной их части; отмечается процесс феминизации наркомании.

Вместе с тем распространение наркомании актуализировало проблему целенаправленного привлечения подростков в преступную деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков. По оценкам специалистов, сейчас в наркобизнес вовлечено около 80% несовершеннолетних наркоманов в возрасте от 14 до 18 лет.

Нравственные причины. Декларируемая значимость общественного сознания, социально-психологического самочувствия россиян часто не получает надлежащей реализации в повседневной социальной практике. Между тем без понимания современного нравственно-психологического состояния общества, переживающего духовный и идеологический кризис, любые мероприятия по противодействию преступности неэффективны.

В сознании значительной части людей преобладают элементарные потребности, мотивы физического выживания, сиюминутные интересы. Неуверенность в завтрашнем дне, ощущение перманентной угрозы благополучию, переживание ненадежности, а то и ущербности социального статуса, материального и служебного положения вызывает у многих людей состояние фрустрации, порождает социальную депрессию, апатию, пессимизм. Социально-психологическими исследованиями все чаще фиксируется утрата смысла жизни в результате обманутых ожиданий, несбывшихся надежд, невыполненных обещаний.

Произошли косвенные изменения мировоззренческих установок, идеологических ориентаций. Так, например, ранее осуждаемая частнособственническая психология в одночасье превратилась в одобряемую и признанную систему взглядов и ценностей. Однако возможности и стиль жизни «новых русских» недоступны для большинства граждан. Несоответствие экономического сознания, психологии и менталитета подавляющего большинства людей изменившейся экономической реальности приводит к неадекватному поведению и усугубляет социально-психологическую дезадаптацию.

В обыденном сознании утрачена ценность продуктивного труда как источника благополучия и главного средства самореализации личности; широко распространились представления о возможности легко достигнуть благополучия обманным путем, спекулятивными операциями, участием в недобросовестных финансовых кругах, криминальном бизнесе.

Снижен престиж образованности, учености, профессионализма. Большинство отдает предпочтение легкодоступным и выгодным видам деятельности, достижению успеха любой ценой.

Коммерциализация искусства, науки, культуры, лишившихся прежней государственной поддержки, сопровождается снижением их качества и уровня потребления. Подлинные духовные ценности нередко подменяются низкопробной, имеющей сбыт продукцией.

Негативную, а порой и криминогенную роль играют средства массовой информации и другие инструменты воздействия на общественное сознание в процессе ориентации морали и сознания людей в сторону рынка. Для привлечения зрителей, слушателей любой ценой используется обращение к самым низменным инстинктам, к событиям и фактам, бьющим по психике своей сенсационностью, эмоциональной мощью. Пропаганда секса и детальная демонстрация трупов, смакование кровавых разборок действительно привлекают внимание, но отключают его от других явлений и нужных человеку дел.

В то же время юмористическая и негативно-критическая подача информации о работниках правоохранительных органов фактически лишает их широкой общественной поддержки, без которой успешная борьба с преступностью просто немыслима.

И все это делается отнюдь не ради свободы слова, а ради увеличения тиражей, зрителей, заказчиков, словом, ради денег. К сожалению, в работе многих отечественных СМИ отчетливо просматриваются на первом месте ценности рынка, а не истины.

Преступность как фактор самовоспроизводства. Рассматривая причинный комплекс изменения преступности, необходимо отметить то, что и сама преступность стала существенным криминогенным фактором, воспроизводя сама себя, подготавливая необходимые условия для своего существования. Влияние преступности на социальные процессы, ее масштабы заставляют оценивать преступность не только как социально-правовой, но и все более значимый политический и экономический криминогенный феномен. Преступность пронизывает самые важные сферы жизнедеятельности государства и общества: экономику, экологию, национальные отношения, политические преобразования и т. п. Любая из этих сфер испытывает на себе деструктивную силу криминальных процессов. Наиболее интенсивным и одновременно наглядным является воздействие криминала на экономику. Экспертный опрос специалистов показал, что совокупный ущерб от противоправного поведения в сфере экономики сопоставим с доходной частью национального бюджета. Сфера экономики, по существу, превратилась в зону тотальной криминальной опасности. Общественная опасность экономических преступлений растет вследствие использования в криминальных целях профессиональных знаний специалистов высокого уровня – экономистов, юристов-финансистов, применения самой современной вычислительной и иной техники. Причем особо активная, наиболее организованная информационно и интеллектуально обеспеченная преступная деятельность локализуется, прежде всего, в жизненно важных для государства и общества сферах, позволяющих извлекать сверхкрупные и трудновывяемые криминальные доходы (банки, биржи, внешняя торговля, валютное обращение, торговля нефтью, металлом, иным стратегическим сырьем, оружием, недвижимостью и т. п.). Активно идущая консолидация преступных группировок в рамках отдельных территорий, а также в межрегиональных масштабах приводит к установлению прочных связей между крупными криминальными формированиями. Происходит раздел территории страны и «отраслей» преступного бизнеса на сферы, в результате чего в руках криминальных авторитетов сосредоточивается контроль над целыми отраслями торговли, производства, транспорта, малого, среднего и крупного предпринимательства. Уже сейчас экономическое поведение во многом воспроизводит нравы и порядки уголовного мира.

Таким образом, есть основания утверждать, что во многих отношениях криминал представляет собой один из существенных методов регулирования современных экономических процессов и средство решения экономических проблем.

Стоит подчеркнуть, что российская преступность превратилась в фактор, отпугивающий многих деловых людей из-за рубежа от инвестиций в

нашей стране. Если положение дел не изменится, то в будущем криминальная опасность грозит разрушить большинство контрактов отечественных бизнесменов с иностранцами, прервать нормальный инвестиционный процесс, стать препятствием для дальнейшего цивилизованного вхождения России в мировое сообщество.

Мощное давление со стороны криминального мира испытывают на себе и российские политические процессы. Особо надо выделить четко обозначившуюся тенденцию – стремление лидеров организованной преступности, накопивших огромные капиталы, вторгнуться в политику в целях лоббирования своих интересов во властных структурах всех уровней. Они подкупают соответствующих представителей власти и должностных лиц, влияют на ход выборов путем продвижения «своих» кандидатов и непосредственно пытаются войти в представительные политические структуры. Такие тенденции приводят к серьезным политическим последствиям, вплоть до контроля над деятельностью тех или иных звеньев власти, принятием политических решений. Сложная ситуация складывается под воздействием уголовного давления, имеющего политическую окраску, когда преступному воздействию подвергаются представители исполнительной власти, несговорчивые банкиры, руководители крупнейших предприятий и иных предпринимательских структур. Речь идет не только о запугивании или устранении нежелательных лиц, конкурентов и т. п. Уголовное давление осложняет процессы перехода к рынку, становится препятствием к нормальной деятельности управленческих, банковских и предпринимательских структур.

Криминальному воздействию подвергаются и участники судебного процесса, судьи, потерпевшие, свидетели по уголовным делам. Угрозами и насилием их заставляют менять показания, отказываться от обвинения, справедливого правосудия. В итоге от уголовной ответственности и наказания освобождаются порой наиболее опасные преступники. Это влияет на эффективность рассмотрения уголовных дел, подрывает авторитет и снижает эффективность работы ряда структур судебной власти.

Связь преступности и многих социальных процессов предельно тесна, между некоторыми из них трудно провести четкую границу. Преступность есть составная и, к сожалению, неотъемлемая часть социальной реальности.

В настоящее время существенно изменяются качественные характеристики преступности, в том числе структура мотивации криминального поведения. Центром преступных устремлений стал крупный капитал, многие преступления совершаются для того, чтобы «вписаться» в экономический оборот, стать обладателем необходимых средств для организации собственного бизнеса либо примкнуть к совместному извлечению доходов, получаемых другими предпринимателями. Развитие частных банковских структур открыло широкие возможности для легализации преступных капиталов. Происходит интенсивная криминализация экономики, включение в коммерческую и финансовую деятельность все большего количества

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ

людей, имеющих опыт противоправного поведения. Через российские банковские структуры «отмываются» и зарубежные капиталы, так как во многих странах Западной Европы и Америки создана отсутствующая в России достаточно эффективная система специальной защиты от «отмывания» денег. Бурными темпами развивается организованная преступность, включающая в себя как силовые структуры (группы боевиков, охранников и пр.), так и коррумпированных чиновников государственного аппарата. Концентрация преступной активности вокруг крупных капиталов сказывается и на географическом распределении преступности. Криминалитет выше в тех регионах, где есть сфера приложения капитала, возможности его быстрого оборота и извлечения высокой прибыли.

На другом полюсе оказалась преступность маргиналов, «аутсайдеров», стремительно нищающих, не видящих реальной жизненной перспективы. Здесь преобладает импульсивная, ситуативная (чаще всего бытовая), «бессмысленная», «пьяная» преступность.

Количественный рост преступности проходит на социально-психологическом фоне, для которого характерны чувства разочарования, усталости от постоянно возникающих новых проблем, раздражения от быстро углубляющейся пропасти между уровнями доходов «бедных» и «богатых». Ведущей психологической окраской значительной части совершаемых преступлений стала агрессия.

Перечисленные криминогенные факторы причинного комплекса, влияющие на изменение преступности в настоящее время, не исчерпывают всех тех явлений и процессов общественной жизни, которые тем или иным образом связаны с преступностью и оказывают на нее влияние. Разработка конкретных управленческих решений предполагает более углубленное изучение факторов, влияющих на изменение отдельных видов преступности. При этом необходимо комплексно использовать весь арсенал социальных, криминологических, математических и иных методов сбора, изучения и анализа информации, выявления корреляционных и иных видов зависимостей⁵. Механизм действия этих факторов сложен, поскольку связан с глубокими социально-психологическими процессами в обществе. Поэтому необходимы не отдельные разрозненные попытки, а целая система продуманных и плановых мер, направленных на выявление, нейтрализацию, ослабление и устранение криминогенных факторов современной преступности.

⁵ См., напр.: Методы анализа влияния различных факторов социально-экономической ситуации на состояние оперативной обстановки: Методическое пособие / Под общ. ред. М. М. Бабаева. М.: ВНИИ МВД России, 1999.

Невозможно понять причины преступности без уяснения побуждающей причины конкретного преступления. Современная, как, впрочем, и практически вся отечественная криминология в качестве причин называет экономические, социальные, демографические, политические, правовые и иные факторы. Скажем, низкая зарплата или отсутствие таковой формирует у человека умысел на поиск, в том числе противоправных, форм приобретения материальных ценностей. Здесь, в зависимости от личностных качеств человека, происходит так называемая борьба мотивов: с одной стороны – мотивы правомерного поведения, с другой – противоправного. А ведь под мотивом правомерного поведения, помимо боязни возможной ответственности за содеянное, мы стыдливо прячем совесть. Когда человек освобождается из мест лишения свободы, мы часто говорим: «На свободу с чистой совестью». А когда человек становится на путь, ведущий в тюрьму, то о совести стараются не говорить, поскольку совесть – категория не правовая и даже не криминологическая, а скорее – духовная.

В основе любого преступления лежат человеческие страсти. Среди основных: славолубие (властолюбие, тщеславие); сластолюбие (реализация сексуальных потребностей в различных формах, желание хорошо поесть и попить и т. п.); сребролюбие (накопительство, жизнь ради денег, деньги ради власти, а в промежутках – целая система развлечений).

Эти страсти живут, иногда даже незаметно, почти в любом человеке. Но чтобы они пришли в действие, нужен толчок, некий пусковой механизм – в духовной литературе он называется помыслом. В криминологии же этот пусковой механизм обозначается все тем же фактором. Различие в названии очень существенно. 1. Помысел конкретизирует реакцию человека на внешние раздражители, т. е. принимает ли человек помысел, возбуждающий страсть, или отвергает его «с порога». И все дальнейшее в большинстве случаев зависит от этого важнейшего момента. Если помысел (например, о противоправном удовлетворении страсти) принят, тогда включается механизм формирования мотива, запускается процесс мотивации. Если помысел отвергнут с порога, то и процесс мотивации отсутствует. 2. Фактор практически ни о чем не говорит. Никакой конкретики, никакого вразумительного и структурно-содержательного объяснения нет.

В основе бытовых преступлений лежат чаще всего зависть, гордость, раздражительность. Сказала жена мужу или сосед соседу неласковое, возможно, даже нецензурное слово – и каждый получает то, что заслужил: кто больничную койку, кто место на кладбище, а кто и пожизненное заключение. Здесь пусковым механизмом явилось нецензурное слово, которое как

скальпель вскрыло гнойное содержание человеческой души – раздражительность, взращенную на тщеславии и самолюбии.

В ограблении или разбойном нападении в качестве пускового механизма явилось поведение потерпевшего, вследствие которого и возник помысел, возбудивший сребролюбивую душу разбойника. На особом счету фильмобоевики, всякого рода порнопродукция. Опыт возбуждения страстей во время проведения футбольного матча с показом его на больших телеэкранах площадей Москвы закономерно привел к массовым беспорядкам. Не меньший вред наносит и реклама.

Но страсти могут возбуждаться независимо от внешних раздражителей. Человек сам по своей воле, вспоминая чувственность или иные состояния, разжигает страстность изнутри. И это тоже своеобразный пусковой механизм мотивации поведения, удовлетворяющего ту или иную страсть. Нередко бывает так, что человек просто запрограммировал свою жизнь, скажем, на ближайшие несколько лет. И в этой программе или распорядке дня, недели, месяца, года находится время и место как для работы, учебы, отдыха и всего прочего, что необходимо для поддержания жизнедеятельности, так и для реализации страстных пожеланий и вождлений, нередко включенных в систему развлечений, являющихся содержанием повседневного образа жизни.

И все же внешние раздражители действуют ощутимо и наглядно. Например, после пожара на останкинской башне около месяца не выходили в эфир развлекательные программы и фильмы. Преступность в Москве упала почти до нулевой отметки.

Кто-то может усомниться в разжигаемости страстей и их связи с преступлением. Но давайте заглянем в Уголовный кодекс РФ, который предусматривает ответственность за разжигание национальной, религиозной розни. Какие же человеческие свойства, скорее, даже страсти при этом задействуются, разжигаются? Конечно же, гордость, как некая исключительность одной национальности над другой либо одной религии над другой, которая актуализируется в конкретном человеке, группе людей. Гордость возбуждает раздражительность, гнев, переходящие в ненависть.

Население условно можно поделить на три группы. Представители 1-й группы (примерно 10%) ни при каких обстоятельствах не совершат преступления. Представители 2-й группы (тоже примерно 10%) совершают преступления всегда, практически независимо от ситуаций. Наконец, наиболее многочисленная 3-я группа (примерно 80%) находится в режиме ожидания.

Современную криминологию и в особенности «потребителей ее продукции» интересуют не причины преступности в целом или конкретного преступления, а причины роста-снижения статистических показателей преступности. И это очевидно, поскольку должностным лицам, ответственным за управление специальными процессами, очень полезно знать, например, с

чего бы это вдруг упали статистические показатели краж, или резко выросла преступность несовершеннолетних?

Из года в год мы объясняем эти явления изменениями в экономической политике, уголовном законодательстве, действующими на фоне неблагоприятной социальной ситуации в обществе. В истории человеческого общества рост преступности всегда связывали с падением нравов. Сегодня эту закономерность мы не учитываем. Априори можно сказать, что чем меньше внимания мы уделяем нравственному воспитанию населения и в особенности молодежи, тем больше неприятностей противоправного характера будет проявляться на наших улицах, в семьях, в других криминологически уязвимых местах.

Проблема эта требует специального изучения. А в учетных карточках нет даже намека на состояние страстей у человека, совершившего преступление. Какие из них наиболее ярко проявились накануне или в момент совершения преступления? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо провести ряд поэтапных исследований. На первом этапе следует составить перечень страстей и ситуаций и провести опрос осужденных за различные преступления с целью последующей классификации (сопоставления) видов противоправного поведения и духовного состояния человека. На втором этапе – провести анализ динамики конкретных видов преступлений с учетом интенсивности воздействия факторов, возбуждающих те или иные страсти в человеке. Третий этап – посвятить разработке мер, способствующих снижению страстности в человеке и тем самым обеспечивающих повышение нравов, терпимости и взаимоуважения в обществе.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Происшедшие в стране коренные конституционно-правовые и социально-экономические реформы объективно предполагают соответствующее обновление государственной политики в области социально-правового прогнозирования как в правотворчестве, так и в правоприменении.

Современный этап деятельности органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации имеет сложный и противоречивый путь становления и развития, историко-правовой анализ которого свидетельствует о недооценке методологических принципов прогнозирования правотворчества и правоприменения.

Многие новейшие отрасли отечественного законодательства (административное, земельное, информационное, оперативно-розыскное, налоговое, таможенное, экологическое и т. д.) имели длительную историю становления по целому ряду причин социально-экономического, конституционно-правового и, наконец, общественно-политического характера.

Но возникновение этих и иных отраслей законодательства, равно как и процессы унификации и кодификации некоторых из них, лишь в последние годы можно объяснить умалением роли прогнозирования в сфере права. Так, Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РСФСР на момент его принятия¹ не предусматривал ни понятия «оперативно-розыскная деятельность», ни регламентации порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии и расследовании преступлений, хотя и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (ст. 29), и УПК РСФСР 1923 г. (ст. 93) предусматривали производство оперативно-розыскных действий в целях проверки информации о совершенных или готовящихся преступлениях.

Принятие в 1995 г. Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»² лишь подтвердило объективную социальную потребность придать данной отрасли законодательства легитимное положение в системе иных отраслей законодательства, органически связать его не только с определенными правовыми источниками возникновения, но и решением задач правосудия в правовых рамках.

Соблюдение методологических принципов социально-правового прогнозирования содержания нормативной правовой базы и практики ее реализации позволяет в определенной мере избежать эмпирического подхода, иными словами, так называемого метода проб и ошибок в проектировании законодательных и иных нормативных правовых актов с учетом последних достижений юридической науки, законодательной техники, исходя из актуальных проблем правового регулирования.

Теоретико-прикладное значение методологических принципов организации правотворческого и правоприменительного процессов состоит в том, что именно они служат определенным гарантом адекватного отношения законодательства и практики правоприменения к тем конкретно-историческим условиям, которые обуславливают природу морально-нравственных ценностей и мировоззренческих взглядов, общественных и государственно-правовых институтов, социально-экономические и конституционные гарантии обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Методологические принципы социально-правового прогнозирования в историческом плане развивались, по крайней мере, по двум основным направлениям: в области прогнозирования законодательства и практики его применения; в области прогнозирования подзаконных актов, равно как и практики их применения органами исполнительной власти.

Но, думается, вышеприведенная классификация носит условный характер, поскольку содержание социально-правового прогнозирования по своей природе едино и направлено на регулирование актуальных проблем современности, общей тенденцией развития которых является консолидация общих и специальных норм в единых законодательных актах прямого действия.

Эти общие тенденции социально-правового прогнозирования обусловили возникновение таких частных, но не менее важных и актуальных проблем, как обеспечение преемственности и непротиворечивого соотношения правовых норм различных отраслей права при регулировании общих правовых институтов, разработка единых законодательных положений, регламентирующих деятельность органов исполнительной власти в условиях федеративного государственного устройства и многосубъектности ее осуществления, проведение кодификационной работы в сфере правового регулирования с учетом требований, вытекающих из научно обоснованного подхода к развитию теории и практики соответствующего законодательства.

Возможно, в этом и усматривается главное содержание и функциональное значение методологических принципов прогнозирования, среди которых, прежде всего, можно выделить такие, как комплексность, т. е. использование в законодательной технике возможности правового регулирования всего комплекса отраслей права, и системность, с помощью которого обеспечивается единство и цельность правового регулирования.

¹ См.: Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // ВВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

² См.: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп. от 18 июля 1997 г., 21 июля 1998 г., 5 января, 30 декабря 1999 г., 20 марта 2001 г., 10 января, 30 июня 2003 г.) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

Практическая реализация этих методологических принципов социально-правового прогнозирования предполагает их органическое сочетание в процессе достижения целей и задач правотворчества и правоприменения. Например, исключение множественности источников правового регулирования в целях их систематизации, обновление юридической терминологии в соответствии с новейшим понятийным аппаратом и т. п.

Несоблюдение методологических принципов социально-правового прогнозирования приводит к отрыву предмета правового регулирования от его конкретно-исторической, а точнее – перспективной характеристики, что может способствовать не только снижению эффективности правового регулирования той или иной совокупности общественных отношений, но и достижению прямо противоположного (отрицательного) результата.

Как видно, методологические принципы социально-правового прогнозирования, обеспечивающие четкое соответствие между понятийным аппаратом и юридической терминологией, выполняют важную регулятивную функцию не только в процессе правотворчества, но и в правоприменении, поскольку, как справедливо пишет Д. А. Керимов, «...вряд ли можно назвать какую-нибудь иную область общественной практики, где ...разрыв между мыслью и ее текстуальным выражением...» может «...повлечь за собой... иногда даже трагические последствия, как в отрасли законодательства»³.

К сожалению, отечественная история свидетельствует о временах, когда широко применялись основанные на законе меры государственного принуждения, подменявшие правоохранительную политику массовыми репрессиями, что стало возможным в связи с принципиальным расхождением между «духом» или понятийным, этико-правовым содержанием нормы права и «буквой» закона или его терминологическим отображением.

Отход от методологических принципов правотворчества и правоприменения особенно недопустим в правовом регулировании экономики. Так, в целях придания правотворческому процессу наибольшей степени соответствия перспективным социально-экономическим явлениям, Федеральный закон от 20 июля 1995 г. «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» определил цели и содержание системы государственных прогнозов социально-экономического развития, которые основываются на системе демографических, экологических, научно-технических, внешнеэкономических, социальных, а также отраслевых, региональных и других прогнозов отдельных общественно значимых сфер деятельности, а их результаты используются при принятии органами законодательной и исполнительной власти России решений в области социально-экономической политики государства.

Федеральный закон определяет государственное прогнозирование социально-экономического развития России как «систему научно обоснованных представлений о направлениях социально-экономического развития Российской Федерации, основанных на законах рыночного хозяйствования»⁴.

Система прогнозов социально-экономического развития получила развитие на региональном уровне. Так, Закон Московской области «О Концепции, прогнозах и государственных программах социально-экономического развития Московской области» устанавливает цели, основные принципы и общий порядок разработки и принятия Концепции, прогнозов и государственных программ социально-экономического развития Московской области и в ст. 1 «Основные понятия и определения» прогноз социально-экономического развития определяет как «оценку вероятного состояния социально-экономической ситуации в Московской области через определенный период времени (прогнозный период)»⁵.

В этой связи соблюдение методологических принципов прогнозирования в сфере экономики означает аксиологический подход к исторически сложившимся ценностям в контексте их теоретической интерпретации в рамках понятийного аппарата таких отраслей научного знания, как теория права и государства, конституционное право и т. д., которые наполняют новым содержанием социально-экономическую политику государства.

Одной из основных проблем в экономико-правовом прогнозировании является соблюдение методологического принципа недопустимости противопоставления законности и целесообразности, согласно которому как изначально, так и в современных условиях процессы регулирования отношений собственности должны осуществляться исключительно на основании банковского, вексельного, налогового, таможенного и т. п. новейшего законодательства.

Но, к сожалению, на момент введения рыночного механизма хозяйствования вышеназванные отрасли законодательства находились лишь в стадии становления; не получила, естественно, легитимного развития и правоприменительная практика в сфере новых отношений собственности.

В этой связи можно утверждать, что одной из причин криминализации экономических отношений явилось отсутствие основанной на методологи-

³ Керимов Д. А. Культура и техника законодательства. М., 1991. С. 89.

⁴ СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2871.

⁵ Закон Московской области от 5 апреля 1996 г. № 11/96/ОЗ (с изм. и доп. от 28 июля 1999 г., 27 апреля 2001 г., 12 февраля 2002 г.) «О Концепции, прогнозах и государственных программах социально-экономического развития Московской области» // Вестник Московской областной Думы. 1996. № 6; постановление Правительства Московской области от 6 февраля 2003 г. № 61/3 «Об организации и сроках разработки прогноза социально-экономического развития Московской области на 2004 год», проектов закона Московской области «О комплексной программе социально-экономического развития Московской области на 2004 год», закона Московской области «Об областном бюджете на 2004 год», параметров прогноза социально-экономического развития Московской области до 2006 года и перспективного финансового плана Московской области до 2006 года» // Информационный вестник Правительства Московской области. 2003. № 3.

ческих принципах прогнозирования достаточно эффективной нормативной правовой базы экономического реформирования.

И хотя постановление Совета Федерации Федерального Собрания от 8 августа 1996 г. «О законодательном обеспечении экономической безопасности Российской Федерации» содержало предложение Правительству Российской Федерации разработать проект Федерального закона «Об основах экономической безопасности Российской Федерации», а также методологию проведения экспертизы законопроектов в части их соответствия Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основным положениям), вопрос о прогнозировании не получил должного разрешения. О нем упоминается лишь в приложении к постановлению, где одним из базисных критериев оценки проектов федеральных законов в части их соответствия Государственной стратегии экономической безопасности признан «прогноз возможных институциональных преобразований»⁶.

Учитывая, что процессы государственно-правового и социально-экономического реформирования еще далеко не завершены, проблему разработки и реализации методологических принципов прогнозирования правотворчества и правоприменения в различных сферах жизнедеятельности общества и государства следует признать крайне актуальной.

Научно-практическое решение проблемы социально-правового прогнозирования связано с мониторингом определения возможных сфер правового регулирования, апробацией проектов законодательных и иных нормативных правовых актов путем экспериментального введения их в действие; изучением вопросов негативных последствий их принятия и реального исполнения, а главное – с соблюдением методологических принципов прогнозирования как правотворчества, так и правоприменения.

П. В. Космынина
(ВНИИ МВД России)

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Проблема истоков конкретных проявлений преступности – одна из самых сложных в криминологии. Ведь выявление реальной картины преступности и ее изменения не дает ответа на вопрос о характере необходимых контркриминальных мер. Организация противодействия преступности без выявления обстоятельств, условий, факторов, способствующих или провоцирующих распространение в обществе преступных моделей поведения, фактически означает борьбу с внешними проявлениями преступности, при которой ее истоки остаются нетронутыми. Иными словами, выяснение причин преступности – это первый шаг в планировании эффективной борьбы с растущей криминализацией общественных отношений. Для предупредительной деятельности, направленной на нейтрализацию порождающих преступность условий и причин, их выявление имеет первостепенное значение.

В условиях чрезвычайных ситуаций основные криминогенные процессы созревают, как правило, на почве кризиса, сложившегося в регионе вслед за окончанием бедствия.

Конечно, преступления совершаются и непосредственно в процессе развития чрезвычайных событий. Этот массив криминальных деяний с трудом поддается исследованию, поскольку в период бедствия практически отсутствует возможность установить факты и обстоятельства совершения преступлений. Выявляются и регистрируются лишь единичные случаи преступных посягательств, составляющие, как правило, факты задержания преступника на месте преступления или насильственные криминальные посягательства.

Наиболее явной причиной преступлений, совершаемых в период чрезвычайных событий, является *превышение пределов крайней необходимости*. Такое превышение может быть неосознанным (неосторожным) или сознательным (умышленным), когда преступник осуществляет преступное посягательство под видом крайней необходимости (проникновение на территории магазинов, складов и т. п.) или объясняет этим свои деяния. В процессе развития бедствия также складываются условия, способствующие совершению преступлений, в числе которых необходимо назвать снижение криминологических защитных свойств объектов преступлений (разрушение дверей, запоров, отсутствие охраны и т. п.).

Проблема преступности в условиях чрезвычайных ситуаций со всей очевидностью и остротой встает по прошествии бедствия, когда люди поэтапно начинают возвращаться к местам проживания, а обстоятельства, нарушающие привычный жизненный уклад, еще не устранены.

⁶ СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4060.

В теории антикризисного управления кризис часто рассматривается как нарушение социально-организационного порядка, угрожающее нормам и ценностям социального бытия¹. При чрезвычайных ситуациях такая дезорганизация общественной жизни имеет криминологически значимые последствия двоякого рода. Во-первых, под влиянием кризиса в регионе произошедшего бедствия складываются обстоятельства, способствующие, а в некоторых случаях провоцирующие формирование противоправной мотивации у жителей пострадавших территорий. Во-вторых, вызванные чрезвычайной ситуацией разрушения и потери определяют возникновение условий, облегчающих совершение преступных деяний.

Большая часть факторов первой группы связана с ухудшением социально-экономической обстановки в регионе в результате произошедшей чрезвычайной ситуации. При этом необходимо заострить внимание не столько на резком падении уровня материального благополучия населения пострадавших территорий в целом, сколько на исключительно бедственном положении отдельных категорий граждан, связанном с *невозможностью удовлетворить абсолютные потребности в пище, одежде и жилье*.

Например, анализ материалов, освещающих обстановку в Южном федеральном округе в период ликвидации последствий наводнения, происшедшего 19–23, 26–29 июня 2002 г., показывает множество просчетов в организации ликвидационных мероприятий и в особенности тех, которые связаны с организацией жизнеобеспечения жителей претерпевших бедствие местностей. Результатом этих просчетов явился, к примеру, тот факт, что около трети всех пострадавших только спустя месяц после стихии получили первоначальные суммы в 2 тыс. рублей, выдаваемые на неотложные нужды и на экстренную закупку продуктов питания².

Другой пример. За утерю имущества полностью или частично пострадавшим от наводнения лицам согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 1 июля 2002 г. «О первоочередных мерах по ликвидации последствий паводка, произошедшего в июне 2002 г. на территории Южного федерального округа» было предоставлено право на получение государственной помощи в размере, соответственно, до 50 тыс. или до 20 тыс. рублей на семью³. На практике размер реально предоставляемых гражданам компенсаций за частичную утрату имущества часто не превышал сумму в 10 тыс. рублей. Это происходило даже в случае утери ими значи-

тельной части своего имущества, в том числе всей одежды и запасов продуктов питания⁴.

Однако даже эти небольшие, но столь необходимые денежные суммы пострадавшие получили не сразу. На подтверждение списков пострадавших, представленных органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации с целью получения финансовых средств на выплату компенсаций за утраченное имущество, федеральным властям потребовалось почти два месяца. Многие жители затопленных территорий, лишившись своего имущества, вообще не получили компенсации по причине недосмотра местных властей, не включивших их в списки на выделение денежных средств⁵.

Поставки гуманитарной помощи также не решали проблему обеспечения первичных потребностей населения. За период осуществления первоочередных ликвидационных мероприятий зафиксировано немало фактов недобросовестных поставок гуманитарных грузов. Случалось, что присылали, например, обувь, по своим функциональным качествам непригодную для удовлетворения насущных потребностей большей части сельского населения (босоножки на высоком каблуке), или только одного, причем «неходового» (35-го, 41-го и т. п.), размера.

Иногда в качестве гуманитарной помощи поставлялись просроченные товары. Так, в Минераловодческий район Ставропольского края однажды для снабжения населения поступили крупы, настолько пораженные амбарными вредителями, что ветеринары согласились отправить их на корм скоту со строжайшими рекомендациями – только после термической обработки и не более 25% от дневного рациона⁶.

Состояние крайней нужды населения в условиях чрезвычайной ситуации, возникающее как итог недостаточной разрешенности социальных вопросов, порождает увеличение числа противоправных посягательств, мотивом которых является стремление людей удовлетворить собственные жизненно важные потребности. При этом недоступность или отсутствие у граждан правомерных средств удовлетворения неотложных потребностей является фактором, облегчающим выбор для достижения тех же целей преступных форм поведения.

Существенным обстоятельством для активизации криминогенных процессов в условиях чрезвычайных ситуаций является *возрастающий уровень тревожности* в обществе. Беспокойство населения объясняется, с одной стороны, неудовлетворенностью основных потребностей и интересов; с

¹ См.: Мозговая А. В. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве. М.: Институт социологии РАН, 2001. С. 12.

² См.: Ставропольская правда. 2002. 17 авг.; www.stpravda.ru; Северная Осетия. 2002. 19 июля.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 1 июля 2002 г. № 492 (ред. от 17 января 2003 г.) «О первоочередных мерах по ликвидации последствий паводка, произошедшего в июне 2002 г. на территории Южного федерального округа» // Российская газета. 2002. 3 июля.

⁴ См.: Информационный бюллетень проекта помощи пострадавшим от наводнения в Южном федеральном округе совместной программы международной организации «Церкви в Союзе» (Action by Churches Together – АСТ) и Русской Православной Церкви. 2003. № 3.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Ставропольская правда. 2002. 9 авг.; www.stpravda.ru.

другой – неопределенностью ближайших перспектив существования для большей части жителей регионов бедствия.

Разрушения, вызванные чрезвычайной ситуацией, для многих граждан связываются не только с потерей жилья и имущества, но и с утратой источника заработка. Это означает, что острая нужда, постигшая граждан в первоначальный период после бедствия, воспринимается ими не как временное состояние, которое необходимо пережить, «перетерпеть», а, скорее, как образ жизни, ожидающий их в обозримом будущем.

В промышленных регионах проблема трудоустройства населения встает наиболее остро в случае вынужденной остановки в результате причиненного бедствием ущерба градообразующих производств или прекращения деятельности иных предприятий, предоставляющих рабочие места для основной массы граждан.

Для сельскохозяйственных областей страны характерным является отсутствие абсолютной зависимости благосостояния жителей от функционирования местных сельскохозяйственных комплексов и других территориальных учреждений. Объясняет такое положение то обстоятельство, что сельчане в большинстве своем живут за счет потребления или продажи продукции, произведенной на собственном приусадебном участке. Спектр последствий чрезвычайных ситуаций разнообразен и широк. В их числе весьма вероятны и такие, которые влекут сокращение площади земель поселений, что неизменно сказывается на характере застройки в регионе. И если перераспределение границ территориальных зон в результате чрезвычайной ситуации исключает или не предусматривает возможности ведения личных подсобных хозяйств, для многих сельских жителей это означает утерю источника средств к существованию и неизменно обуславливает рост тревожности и агрессии в их среде.

Примерно по такому сценарию складывалась ситуация в Южном федеральном округе после наводнения в июне 2002 г. Территории многих поселений, подвергшихся затоплению, в дальнейшем были определены как не подлежащие восстановлению из-за опасности возникновения повторных паводков. В то же время протяженность площадок, отведенных для создания новых населенных пунктов или возведения новых строений в существующих поселениях, была недостаточной даже для того, чтобы произвести мало- или среднеэтажную смешанную жилищную застройку. В итоге руководством соответствующих муниципальных образований было принято решение о возведении многоэтажных и многоквартирных домов вместо отдельных домовладений.

Остановившись на таком варианте осуществления жилищного строительства, органы местного самоуправления пострадавших местностей фактически спровоцировали обострение жилищной проблемы.

В некоторых районах и городах Южного федерального округа по прошествии полутора месяцев после окончания наводнения только началась

подготовительная работа по восстановлению и строительству жилья. Граждане, не желая вместо обустроенного домовладения с земельным наделом поселиться в многоэтажном доме и навсегда лишиться возможности производить личную натуральную продукцию, предпринимали попытки приобрести жилье (домовладение) на вторичном рынке. Так, в Ставропольском крае такое намерение выразили около 70% пострадавших от наводнения⁷. Очевидно, что количество жилья, достаточное для удовлетворения возросшего спроса, найти было нереально.

После долгих попыток муниципальных и субъектов властей воздействовать на ситуацию решение, наконец, было найдено: при заселении в многоквартирные дома гражданам предоставлялся участок земли для занятия сельскохозяйственной деятельностью. Это решение активизировало процесс открытия гражданами заблокированных счетов в Сбербанке для перечисления жилищных субсидий, и с этого момента из федерального бюджета стали поступать денежные средства⁸, столь необходимые для оплаты и проведения подрядных строительных работ по возведению жилья.

Более того, в период с окончания наводнения до принятия наиболее оптимального решения властями по вопросу обеспечения жильем пессимистический оттенок перспектив дальнейшего проживания в пострадавших местностях породил *крайнюю степень враждебности населения и напряженность межличностных отношений*. Безудержное разрастание негативных настроений в обществе обуславливало массовость и обострение конфликтов, в том числе на почве столкновения однородных интересов, часто разрешаемых преступным способом.

Определенную роль в распространении агрессии, враждебности, тревожности среди населения пострадавших от чрезвычайных ситуаций регионов играет неурегулированность в местном масштабе отношений, возникающих на рынке необходимых товаров и услуг. В описанном выше примере, когда в регионах Южного федерального округа в результате не до конца продуманного решения уполномоченных органов по вопросу жилищного строительства резко возрос спрос на вторичное жилье, цены на него моментально выросли сверх размера выделенных гражданам жилищных субсидий.

Спустя примерно месяц после бедствия намерение повысить цены на поставляемые в субъекты Южного Федерального округа ресурсы выразили, а затем реализовали РАО «ЕЭС России» и ОАО «Газпром». Это решение было аргументировано тем, что в случае фиксации цен на энергоресурсы на прежнем уровне указанные акционерные общества не смогут покрыть за-

⁷ См.: Ставропольская правда. 2002. 29 июля; www.stpravda.ru.

⁸ См.: Приказ Госстроя Российской Федерации от 9 июля 2002 г. № 130 «Об утверждении порядка использования средств безвозмездных субсидий, предоставляемых гражданам, лишившимся жилья или части его в результате паводка, происшедшего в июне 2002 г. на территории Южного федерального округа» (ред. от 18 сентября 2002 г.) // Российская газета. 2002. 17 июля.

траты на восстановление разрушенных в результате наводнения объектов энерго- и газоснабжения.

Одновременно в пострадавших от наводнения регионах наблюдалось активное расширение предпринимательской деятельности. Предприниматели специализировались на поставках продуктов питания, одежды, предметов постоянного спроса, но реализовывали их испытывающему нужду населению по ценам, далеким от разумных. Заметим, что подобные факты в нашей стране, к сожалению, являются характерными для любой кризисной ситуации, когда возникает дефицит предметов и товаров, необходимых для поддержания жизни.

Очевидно, что люди, пережившие катастрофу и находящиеся в бедственном положении, наблюдаемый ими искусственный подъем цен на съестные припасы и иные товары справедливо расценивали как попытку нажиться на испытываемых ими страданиях. Осознание пострадавшими гражданами выражаемых по отношению к ним цинизма, равнодушия, прагматизма неизменно вызывает ответную злобу и жестокость.

Невмешательство властных структур в рыночные отношения, складывающиеся в регионах бедствия, предопределено отсутствием законодательных предпосылок к введению каких-либо экономических ограничений и закрепленной в Конституции РФ позицией нашего государства, поддерживающего свободу перемещения товаров, услуг и свободу экономической деятельности в целом. Однако в условиях, когда население ощущает нехватку предметов первой необходимости, а местное самоуправление, не имея достаточно прочной финансовой основы, не в силах при дезорганизации социально-экономической инфраструктуры противодействовать росту цен мерами экономического характера, принудительная фиксация стоимости отдельных видов товаров и услуг в регионах чрезвычайной ситуации необходима.

В противном случае отсутствие грамотной ценовой политики в условиях неудовлетворенности жизненно важных потребностей населения способно спровоцировать не только увеличение числа корыстных преступлений, но и ввиду роста агрессии в обществе обусловить распространение жестоких насильственных посягательств.

В числе факторов, толкающих людей к выбору преступных средств решения своих проблем, необходимо назвать также *психологический стресс, появляющийся в результате чрезвычайных событий*. Он может быть вызван рядом негативных обстоятельств: потерей близких, родных, друзей или наблюдаемой разрухой, испытываемой нуждой, чувством безысходности и др. Стрессовое состояние отдельных граждан может спровоцировать насильственные преступления с их стороны в результате обострения неприязненных отношений, психических отклонений.

Кризисная ситуация и недостаточная реакция властей на становящиеся все более глубокими социально-экономические проблемы делают очевид-

ной для граждан неспособность государства к оперативному разрешению неожиданно возникших трудностей, к созданию и поддержанию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Государство теряет авторитет в глазах собственных граждан, не нашедших поддержки в трудной жизненной ситуации. Нормы, правила, требования, облеченные в правовую форму, действующие от лица государства, испытывающим недоверие к нему населением воспринимаются как объект, враждебный его интересам и желаниям. Подобные взгляды обуславливают прогрессирующую *маргинализацию широких слоев населения*. И, как известно, именно маргинальная среда питает формирование и деятельность асоциальных и антисоциальных общественных (в основном молодежных) организаций и объединений, в том числе криминальной направленности.

Стоит упомянуть и о том, что существенное значение в детерминации преступности на пострадавших от чрезвычайных ситуаций территориях имеет *незанятость местного населения, особенно молодежи*. Истоки проблемы заключены, во-первых, в резком сокращении совокупных возможностей региональных органов труда и занятости, организаций Комитета РФ по делам молодежи, объясняемом временным нарушением их функционирования в результате нанесенного бедствием ущерба. Во-вторых, сказывается, как уже говорилось ранее, недостаток рабочих мест. И, в-третьих, сильное влияние на рост преступности оказывает неустроенность досуговой сферы граждан, обусловленная многими факторами: это недостаток финансовых и иных ресурсов на организацию различных культурных, культурно-образовательных программ, проведение культурно-массовых мероприятий; сосредоточенность усилий практически всех социальных институтов на воссоздании экономической, социальной, политической инфраструктур в пострадавших от чрезвычайной ситуации местностях и т. д.

Анализируя особенности общественной жизни, которая обычно складывается в регионах в условиях чрезвычайных ситуаций, заметим, что возникшими в результате бедствия обстоятельствами, обуславливающими преобладание преступной мотивации у населения, не исчерпывается диапазон детерминант, определяющих состояние преступности на пострадавших территориях. Возрастанию криминальной угрозы способствует не только взаимодействие указанных специфических обстоятельств, но и характер ситуации, в которой это взаимодействие происходит.

Чрезвычайная ситуация, как правило, вносит элементы дезорганизации во все сферы социального бытия территориальных сообществ внутри зоны бедствия. Отчасти именно парализацией социальной инфраструктуры объясняется возникновение условий, облегчающих реализацию преступных намерений.

Немалое «содействие» совершению преступлений при чрезвычайных ситуациях оказывает *минимизация потенциала социального контроля* в борьбе с преступностью. Сказывается в основном дестабилизация функ-

ционирования органов внутренних дел, которая объясняется и многочисленностью разнородных и противоречивых задач, возлагаемых на милицию в период бедствия, и недостатком материально-технических ресурсов, ограниченностью поступающей информации, нехваткой кадров и т. д.

Тенденции преступности, как правило, находятся в непосредственной зависимости от эффективности деятельности подразделений и служб милиции общественной безопасности. Однако уровень раскрываемости преступлений, снижение которого в условиях чрезвычайных ситуаций часто отмечают ученые и практические работники⁹, также оказывает влияние на темпы криминализации общественных отношений. Это влияние может быть прямым, что влечет возрастание рецидивной преступности, и опосредованным. В последнем случае оно приобретает криминогенные свойства, когда сведения о реальном состоянии раскрываемости преступлений из средств массовой информации или из бытовых источников становятся известными населению. Информированность людей о низком уровне раскрываемости преступлений способствует формированию криминального «опережающего» сознания среди населения, распространению мнения о безнаказанности за совершение преступлений.

Одновременно с сокращением возможностей структур официального контроля над преступностью в регионах чрезвычайной ситуации значительно падает активность по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений институтами неофициального социального контроля (бытовая среда, общественное мнение). Это происходит по двум причинам. Во-первых, под влиянием пережитых трагических событий у людей происходит смещение представлений о противоправном и дозволенном, о бесправии и справедливости, и порой это мешает людям расценивать наблюдаемые факты насилия, хищения, мошенничества и т. п. как преступные, аморальные и противодействовать им. Во-вторых, ввиду растущей оппозиции государства и общества в условиях чрезвычайной ситуации, о чем упоминалось ранее, часто преступники более импонируют населению, чем представители закона. Совершаемые противоправные деяния находят оправдание и молчаливую поддержку общества, и люди отказываются от инициативного содействия правоохранительным структурам в выявлении, пресечении преступлений, поимке преступников.

Обострению проблемы преступности в условиях чрезвычайных ситуаций способствует *доступность предметов криминального посягательства*, которая определяется разнообразными обстоятельствами. Например, с угрозой разрушения или разрушением мест производства, хранения, реализации товарно-материальных ценностей, снижением криминологических защитных свойств зданий и сооружений (разрушение дверей, запоров, полом-

ка сигнализации, отсутствие охраны и т. п.) может быть связан рост числа корыстных, корыстно-насильственных преступлений. Совершение более общественно опасных преступных деяний обуславливает разрушение мест хранения объектов разрешительной системы (оружия, драгметаллов, документов, содержащих государственную, коммерческую тайну и иную информацию ограниченного доступа, и т. п.).

Характерно, что при наличии описанных условий вероятность совершения преступлений в отношении разрушенных объектов наиболее высока в период, когда угроза чрезвычайной ситуации нейтрализована, но либо основная часть жителей зон бедствия еще находится в эвакуации, либо только начинается процесс возвращения населения в места постоянного проживания.

Криминологически значимыми обстоятельствами в условиях чрезвычайных ситуаций являются *угроза разрушения или разрушение мест содержания, снижение уровня охраны и режима содержания лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений, или осужденных*. К примеру, во время землетрясения в Армении в 1989 г. в результате подземных толчков пострадало здание следственного изолятора и среди заключенных возникла паника. В целях обеспечения безопасности людей сотрудники изолятора вывели их из камер и разместили в безопасной зоне. Воспользовавшись экстремальной ситуацией, часть заключенных бежала¹⁰.

Конечно, в настоящей статье охвачен не весь спектр обстоятельств, возникающих в результате чрезвычайной ситуации и детерминирующих преступность. Однако перечисленные детерминанты в основном либо свойственны большинству чрезвычайных ситуаций, либо составляют элементы их содержания. Они характеризуются яркой выраженностью механизма криминогенного действия и оказания эффективного предупредительного воздействия на выявленные криминогенные обстоятельства, что, по нашему мнению, достаточно, чтобы снизить остроту проблемы преступности в условиях чрезвычайных ситуаций.

⁹ См.: Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях. М.: Академия МВД России, 1994. С. 8 – 12.

¹⁰ См.: Демидов Ю. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с правонарушениями в экстремальных условиях. М.: ГУК МВД России, 1993. С. 16.

ПРИЧИНЫ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В настоящее время одной из актуальных государственных проблем, привлекающих внимание как средств массовой информации, так и представителей государственных структур, является преступность несовершеннолетних. Предупреждение правонарушений среди подростков, устранение причин, этим правонарушениям способствующих, уже давно провозглашается одним из главных направлений правоохранительной деятельности.

Действительно, количество правонарушений несовершеннолетних в России при незначительном снижении ряда статистических показателей вызывает серьезную озабоченность. Каждое 10-е преступление в России совершается несовершеннолетними или при их участии. Высок удельный вес наиболее опасных преступлений, совершаемых ими. Повышается криминальная активность несовершеннолетних младших возрастов, 1/3 из которых отличается твердыми противоправными установками. Ежегодно более 100 тыс. детей совершают общественно опасные деяния (до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности), которые не входят в официальную статистику. Существенно осложняет оперативную обстановку пьянство подростков: каждый 6-й несовершеннолетний совершает правонарушение в состоянии алкогольного опьянения. За последние 5 лет увеличилось количество тяжких преступлений, совершенных подростками, в том числе умышленных убийств, покушений на убийство, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, разбоев, грабежей. Возросло число таких преступлений, как изготовление или сбыт поддельных денег и ценных бумаг, мошенничество, вымогательство. Почти половина всех грабежей, краж и разбоев совершается подростками в составе групп, в том числе с участием взрослых лиц. В структуре подростковой преступности групповая имеет значительный удельный вес (более 60%) и обладает большой общественной опасностью.

Характерно, что рост подростковой преступности опережает рост юношеской популяции: преступность за 10 лет возросла на 30%, а подростковое население уменьшилось на 21%. Правонарушения несовершеннолетних – это ответ на все те негативные процессы, которые происходят в нашем обществе.

Причины, по которым подростковая среда криминализируется, конечно, разнообразны и требуют всестороннего анализа. Среди основных причин, являющихся питательной средой для правонарушений несовершеннолетних, принципиальное значение имеют:

социально-экономическая нестабильность в стране;

увеличение числа подростков, оказавшихся без надлежащего родительского попечения или под криминальным влиянием семьи или ближайшего бытового окружения;

распространение бродяжничества и беспризорности подростков;

распространение алкоголизма и наркомании;

обострение вопросов, связанных с общественно полезной деятельностью несовершеннолетних;

недоступность для них большинства форм досуга и самых необходимых потребительских товаров;

резкое сокращение количества клубов, спортивных секций, оздоровительных лагерей;

снижение роли школы в воспитании подрастающего поколения;

кризис морали, распространение культа насилия на телевидении, в видеофильмах, радиопередачах, литературе;

правовая безграмотность несовершеннолетних, а также ряд других, не менее важных причин.

Среди главных причин роста количества правонарушений можно назвать резкое ухудшение экономической ситуации, снижение жизненного уровня большинства семей и вытекающая из этого невозможность для многих несовершеннолетних законным путем удовлетворять свои потребности. Например, оценивая масштабы порожденных бедностью правонарушений подростков, следует отметить, что каждое третье–четвертое преступление этой группы лиц совершено с целью приобретения продуктов питания или носильных вещей.

Сложившееся имущественное расслоение населения России, безработица, ухудшение жизни большинства граждан отрицательно сказались на их психологии. Негативное влияние социальной среды налагает свой отпечаток на ценностные ориентации подростков. В последние годы все отчетливее обозначается антиобщественная тенденция к обогащению любым, в том числе преступным, путем. Она в значительной мере нашла свое отражение в психологии молодого поколения людей по причине свойственной им обостренной восприимчивости, анархичности и категоричности. По данным криминологических исследований, около 50% респондентов из числа молодых людей оправдывают стремление к получению материальных средств незаконным путем. В настоящее время в преступную деятельность вовлекается студенчество – социальный слой, ранее считавшийся криминогенно благополучным.

С укоренением в сознании стяжательского отношения к жизни для молодежи стало обыденным совершение краж, грабежей, разбойных нападений и других тяжких преступлений корыстной мотивации. Подростки, не достигшие уголовно наказуемого возраста, за деньги совершают заказные убийства. Отслеживается рост преступных проявлений даже среди, казалось бы, антикриминально настроенной молодежи. Зачастую избираются

крайне дерзкие противоправные действия: вымогательство с захватом заложников, нанесением телесных повреждений, уничтожением имущества общественно опасным способом; вооруженные налеты на пункты обмена валюты, кассы магазинов и другие места хранения денежных средств и материальных ценностей; нападения на водителей автотранспортных средств. Опасной тенденцией становится трансформация «простых» групповых правонарушений в организованную преступную деятельность.

Продолжающееся обнищание значительной категории граждан Российской Федерации порождает такое уже давно забытое явление, характерное для 20-30-х годов, как беспризорность. Жестокое обращение с детьми, систематические побои за провинность, издевательство, унижение человеческого достоинства – типичные явления для многих семей. Проводимые исследования показывают, что 80% родителей подростков, совершивших правонарушения и преступления, считают себя умеющими воспитывать детей, вместе с тем 35,8% из них применяли телесные наказания.

Исследования показывают, что лишь в одной из 10 семей родители серьезно занимаются с подростками: ходят с ними на прогулки, в кино, театр, музеи, на стадионы. В семьях неблагополучных подростков подобного вообще не бывает. Не меньше вреда приносит и чрезмерная «забота» о потомстве: потакание всем желаниям, капризам и «шалостям». Подобные перекосы воспитания нередко встречаются в зажиточных семьях. А это приводит к тому, что не приученные к самоограничению подростки легко пренебрегают установленными в обществе законами и правилами, не задумываясь идут на правонарушения, а то и преступления.

Одной из первопричин преступности несовершеннолетних считают пьянство и наркоманию родственников, неблагоприятное бытовое окружение, педагогическую неграмотность родителей. Зачастую именно они становятся причиной ухода подростков из семьи. Среди родителей, в отношении которых органы внутренних дел проводят профилактическую работу, подавляющее большинство нуждается в наркологическом обследовании и лечении. Выборочное криминологическое исследование показало, что 36,5% подростков живут в семьях, где есть ранее судимые. Криминологические исследования показывают, что у несовершеннолетних, совершивших преступление, среди друзей и знакомых было в 6 раз больше ранее судимых, чем у правопослушных подростков, и в 2 раза больше лиц, злоупотребляющих алкоголем. Подобное окружение существенно сужает позитивные интересы подростков. А шансов освободиться от него становится все меньше и меньше в силу сокращения количества учреждений, организуемых досуг несовершеннолетних.

Росту преступности несовершеннолетних косвенно способствует увеличение числа разводов, рождения внебрачных детей. Ныне в стране распадается, в среднем, каждый 2-й брак, при этом в 85% случаев пострадавшими оказываются несовершеннолетние. Анализ многочисленных криминологи-

ческих исследований свидетельствует, что у несовершеннолетних правонарушителей отсутствие одного из родителей встречается в 2-4 раза чаще, чем у правопослушных подростков. Не случайно на протяжении длительного периода удельный вес подростков-правонарушителей, проживающих в неполных семьях, составляет в среднем 35%, т. е. примерно каждый 3-й несовершеннолетний преступник формируется в условиях неполной семьи.

К числу криминогенных факторов, влияющих на увеличение количества правонарушений несовершеннолетних, следует также отнести распространение таких явлений, как попрошайничество, бродяжничество. Эта проблема усугубилась с началом процесса приватизации жилья. Выявлены многочисленные факты, когда после продажи или фиктивного обмена квартир родители скрываются, оставляя детей без средств к существованию. Дети, лишившиеся крова, вынуждены жить на чердаках, в подвалах и подъездах домов, голодать, попрошайничать, совершать мелкие кражи, другие правонарушения. Усиливается опасность попадания их под влияние преступно настроенных лиц.

В условиях рыночной экономики обострилась проблема выделения жилья детям-сиротам. Почти 60% таких детей его лишены. В результате через год после выхода из детского дома каждый 3-й воспитанник становится «бомжем», каждый 5-й – преступником, каждый 10-й – кончает жизнь самоубийством.

Известно, что занятость подростков в свободное время заметно снижает вероятность криминального исхода. В то же время в Российской Федерации за последнее десятилетие число неработающих и неучащихся трудоспособных подростков, совершивших преступления, выросло более чем в 4 раза, что является самым высоким негативным показателем среди других возрастных и социальных групп несовершеннолетних. Вместе с тем во многих регионах сокращается количество подростковых клубов, оздоровительных и профильных лагерей. Местные органы исполнительной власти не занимаются созданием рабочих мест для сезонного трудоустройства несовершеннолетних, не находят средств на оплату путевок для детей из малообеспеченных семей. А подростков, состоящих на учете в милиции, вообще на работу не принимают. Особо остро обозначилась проблема с трудоустройством несовершеннолетних, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, освобожденных из воспитательно-трудовых колоний, а также окончивших специальные учебно-воспитательные учреждения.

В последние годы в 2,3 раза увеличилось число учащихся, выбывших из неполной средней школы по причинам, не связанным с продолжением образования в других учебных заведениях или поступлением на работу. Льготный режим исключения детей из школ без согласия комиссий по делам несовершеннолетних, введение конкурсной основы для приема в старшие классы привели к тому, что сотни тысяч подростков оказались незанятыми. Многие 14-15-летние подростки, отчисленные из школ, остаются

безнадзорными, не имеют возможности продолжить образование либо трудоустроиться.

Сокращение сети учреждений профессионально-технического образования, особенно заметное в последние годы, «выбрасывает на улицу» наиболее «трудных подростков», поскольку около 70% ребят, обучающихся в ПТУ, педагогически запущены и склонны к совершению правонарушений. Требуется изменений сложившаяся система обеспечения занятости несовершеннолетних.

Анализ правонарушений, совершаемых подростками, дает основание прогнозировать, к сожалению, лишь дальнейшее усиление негативных тенденций, обусловленных обострением социально-экономических, нравственно-правовых проблем, ослаблением семейного надзора, системы организации досуга, а также социального контроля за поведением детей. Очевидно, что более высокими темпами будет происходить включение в совершение противоправных деяний малолетних (не достигших 14 лет).

В то же время необходимо учитывать, что положение дел с подростковыми правонарушениями и преступлениями, процессы их развития и преобладающие тенденции в ближайшей перспективе будут в значительной мере определять криминогенную ситуацию в Российской Федерации.

А. С. Лаушкин
(ГУВД г. Москвы)

КРИМИНОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕРАБОТАЮЩИХ И НЕУЧАЩИХСЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Для неработающих и неучащихся несовершеннолетних преступников характерна прежде всего неблагоприятная обстановка в семье. Обращает на себя внимание преобладание у них неполной семьи. Доля полных семей среди неработающих и неучащихся несовершеннолетних преступников составляет лишь 59%. У 29% несовершеннолетних была одна мать, у 7% – только отец, остальные воспитывались у других родственников, опекунов и в учреждениях интернатного типа. Структурная неполноценность семьи служит источником внутреннего психологического конфликта подростка. В такой обстановке увеличиваются проблемы оставшегося с ребенком родителя (как правило, это мать), связанные с ведением домашнего хозяйства, уменьшается возможность контроля со стороны взрослого за поведением и воспитанием детей, совместного проведения досуга и т. д. Ситуация усугубляется еще и тем, что 55% всех семей изучаемого контингента были большими, в том числе и многодетными. Это еще более усложняет возможности родителей в воспитании детей, обеспечении их всем необходимым, создании комфортных условий жизни.

При оценке нравственной атмосферы в семьях неработающих и неучащихся несовершеннолетних преступников прослеживается воздействие одновременно нескольких социально значимых отрицательных факторов, благоприятствующих оставлению подростками учебы или работы и совершению преступлений. У 25% ничем не занятых несовершеннолетних причиной ухода из дома стало систематическое пьянство родителей; у 15% – систематическое насилие, в том числе и постоянное избивание своих детей; у 1/3 семей таких подростков родители часто ссорились и дрались друг с другом; у каждого 6-го ушедшего из дома несовершеннолетнего родители были лишены родительских прав; а в 5% семей беспризорных подростков вообще было нечего есть.

Г. М. Миньковский приводит следующие результаты исследования: «По выборочным данным, примерно каждая десятая семья, воспитывающая детей, оказалась криминогенно неблагополучной в прямом смысле слова (передача преступного опыта старшими). В 30–40 случаях преступлений несовершеннолетних установлено интенсивное отрицательное влияние примера со стороны родителей и других старших членов семьи (злоупотребление алкоголем, грубость и жестокость, образ жизни, заведомо не соответствующий легальным доходам, и бравирование своей «ловкостью», без-

наказанностью и т. д.)»¹. Наши исследования также подтверждают интенсивное криминогенное влияние членов семьи на несовершеннолетних. В четверти семей обследованных несовершеннолетних преступников были ранее судимые родственники, в том числе у 12% обследованных были судимы отцы, у 3% – матери, у 11% – братья.

У этих подростков наиболее интенсивно проявляется фактор бедности родителей и других членов семьи, которые не имеют возможности обеспечить минимально необходимые потребности детей. Только 75% обследованных несовершеннолетних жили за счет заработков родителей и учреждений, где проживали; 12% – добывали себе средства случайными заработками; 18% – жили на украденные ими средства; 4% – питались украденными продуктами питания; 1% – жили за счет попрошайничества; а у 5% детей дома вообще было нечего есть и они вынуждены были вести беспризорный образ жизни. В таких семьях порождаются настроения безнадежности, социальной зависти и озлобленности из-за тяжелого материального положения. Эти факторы формируют мотивацию корыстных преступлений. Неслучайно 4% всех опрошенных совершили преступления просто для того, чтобы поесть, так как были голодными, 3% – для добывания средств родственникам, а 21% – для улучшения своего материального положения. Вместе с тем мы не делаем прямой корреляции между бедностью и преступностью рассматриваемой категории несовершеннолетних. «Дело не в том, бедная или не бедная семья, – подчеркивает Ф. А. Шубер, – а в том, способна ли она правильно воспитывать детей, создать для их учебы нормальные условия, контролировать и корректировать их поведение»². Другой автор – Вермеш Миклош – отмечает: «Надо посмотреть на то, что главное для семьи. Если деньги, то это одно. Если мораль, то это другое... Эти вещи не всегда совместимы. Смотря в чьих «руках» они находятся. Но реальность такова, что меньше всего преступлений приходится на тех лиц, в семьях которых «царствовала» нравственность, и еще: совесть и культура»³. Эти заключения подтверждает и проведенное нами исследование.

Преступление совершает не бедный, а тот, кто пытается бедностью оправдать свое деяние. Еще никому не удавалось убедительно доказать связь бедности с преступным поведением так же, как и связь богатства с безнравственностью, выражающейся в преступлении.

Исследование показало, что у этой категории несовершеннолетних наиболее ярко проявляется конфликт с родителями. Он связан не только с аморальным поведением родителей (пьянство, сквернословие, насилие и т. п.), но и с падением у детей их авторитета как воспитателей, профессионалов

на работе, труд которых дает необходимую материальную отдачу. Многие родители (около 40%) не имели постоянной работы, из них только 13% подрабатывали случайными заработками. Подавляющее большинство родителей трудились рабочими низкой квалификации, разнорабочими, грузчиками, мелкими предпринимателями («челноки», продавцы на рынках и т. п.), уборщиками, зарплаты которых не хватало на достойное материальное обеспечение семьи.

Кроме того, родители этих подростков сформировались и жили в других общественно-экономических условиях, поэтому они в большинстве случаев просто не способны оказывать своим детям или воспитанникам необходимую и адекватную помощь и поддержку даже квалифицированным советом. При таких обстоятельствах фактически прерывается естественный и необходимый процесс передачи преемникам нравственного, духовного, социального наследия старших, поскольку социальные ценности, которыми жили они, в новой исторической ситуации в значительном своем большинстве утратили практическое значение и уже не представляют никакого интереса для подрастающего поколения, оказались непригодными для него⁴.

Падение авторитета родителей в глазах ребенка способствует переориентации ценностных ориентиров несовершеннолетних по мере взросления со старших в семейном кругу на более значимые для них фигуры, «умеющие жить», – часто из числа криминала, «новых русских». Подчас такое восприятие происходит поверхностно, часто с существенным искажением основы их материального состояния, а потому воспринимается как «подарок» судьбы за «умение жить» вне зависимости от затраченного труда на образование, повышение профессионализма. Все это еще более отчуждает несовершеннолетних от учебы, работы, способствует поиску себя в других, в том числе и криминальной сферах, толкает на ведение паразитического образа жизни.

На решающую роль семьи в отчуждении несовершеннолетних от учебы и работы указали и эксперты из числа руководителей подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. 56% из них указали на нежелание родителей исследуемой категории несовершеннолетних заниматься воспитанием детей в семье.

Неуклонно растет число родителей, поставленных на учет в подразделения органов внутренних дел (за последние 5 лет их количество увеличилось более чем на четверть и составляет сейчас около 200 тыс. человек). Однако работа с социально неблагополучными семьями ведется крайне неудовлетворительно. Спасаясь от жестокого обращения, дети уходят от родителей, из-под надзора государственных учреждений и оказываются в ситуациях, опасных для их жизни и здоровья. Органами внутренних дел в истекшем

¹ Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М.: БЕК, 1998. С. 251.

² Социология преступности / Пер. с англ. М., 1969. С. 96 – 97.

³ Вермеш Миклош. Основные проблемы криминологии / Пер. с венг. М., 1978. С. 102 – 103.

⁴ Подробнее об этом см.: Чупров В. И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 94.

году объявлялись в местный или федеральный розыск более 40 тыс. детей. Более 2 тыс. человек привлечены к уголовной ответственности за жестокое обращение с детьми. Кризис семьи привел к росту количества детей, оставшихся без попечения родителей. В настоящее время их насчитывается около 700 тыс., причем только 5% из них – фактические сироты, остальные – «сироты» при живых родителях. «На сегодняшний день в России насчитывается 42 млн семей. Однодетные семьи составляют почти треть от этого числа. В 9 млн семей, а это 20%, по двое детей. За последние 10 лет число многодетных семей сократилось в два раза. Сегодня на их долю приходится менее 4%. Растет число неполных семей – 5,2 млн или более 10%. Как правило, это семьи без отца, и в таких семьях воспитывается каждый седьмой ребенок. К этому следует добавить, что ежегодно около 350 тыс. детей рождается у матерей-одиночек. 77,5 тыс. таких матерей не имеют работы»⁵.

Продолжающийся распад семьи еще больше увеличивает детскую безнадзорность и беспризорность, и как следствие – бродяжничество, раннюю алкоголизацию, наркоманию, нарушение норм морали и противоправные действия⁶. По некоторым экспертным данным, ежедневно в Российской Федерации регистрируются 1,534 тыс. разводов и в результате без одного родителя остаются более тысячи детей, в дома ребенка передаются 30, «отбираются» у нерадивых родителей – 32, убегают из дома – 237⁷.

Отчужденность несовершеннолетних от учебы и последующее их противоправное поведение во многом обусловлены недостатками в деятельности образовательных учреждений, особенно общеобразовательных школ. Важнейшей задачей школы является сохранение детей в системе образования. В соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 4 ст. 43 Конституции Российской Федерации и п. 2 ст. 19 Закона РФ «Об образовании») основное общее образование является обязательным. Требования обязательного основного общего образования применительно к конкретному обучающемуся сохраняют силу до достижения им 15 лет. Обеспечение гарантии получения несовершеннолетними в возрасте до 15 лет основного общего образования имеет важное значение не только в свете реализации

---

⁵ Детская беспризорность – угроза национальной безопасности // Боевое братство. 2001. № 11.

⁶ См.: Торлопов В. А. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в России: проблемы и пути их законодательного решения // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 1998. № 16: Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в России: проблемы и пути их законодательного решения. С. 9; Батырев А. В. О задачах органов власти и общественных организаций по выявлению, учету и устройству безнадзорных детей: Материалы Нижегородского областного межведомственного совещания (19 февраля 1999 г.). Н. Новгород, 1999. С. 3.

⁷ См.: Климантова Г. И. О некоторых мерах по ликвидации детской безнадзорности // Аналитический вестник Совета Федерации... С. 11.

права детей на образование, но и в свете профилактики их безнадзорности и правонарушений.

Вместе с тем многие несовершеннолетние остаются вне стен учебных заведений. По данным Генеральной Прокуратуры России, в последние годы увеличивается число подростков в возрасте 14-15 лет, покинувших по разным причинам учреждения общего и начального профессионального образования и не начавших трудиться. Среди отчисленных из образовательных учреждений немало детей 10-13 лет. Даже согласно крайне оптимистичным сведениям Минобразования России, в 1999 г. выявлено свыше 40 тыс. несовершеннолетних, которые должны были обучаться, в том числе 2,6 тыс. детей, не имеющих даже начального общего образования, более 11 тыс. подростков, которые покинули учебные учреждения, не получив основного общего образования, 3 тыс. – не учившихся никогда, 11 тыс. – не обучались по причине материального положения родителей⁸. В 2002 г. Минобразованием России также была проведена работа по сбору данных о детях, не обучающихся в общеобразовательных учреждениях. По состоянию на 1 сентября 2002 г. выявлено 26,22 тыс. детей и подростков в возрасте от 7 до 15 лет, не обучающихся в нарушение закона, или 0,15% от общего числа несовершеннолетних указанной возрастной категории.

К основным недостаткам, которые оказывают существенное влияние на отчуждение несовершеннолетних от учебных коллективов и способствуют их последующей криминализации, относятся следующие.

Для большинства (более 60%) осужденных подростков из числа бросивших учебу в школе в период, предшествующий совершению преступления, характерна хроническая неуспеваемость, включающая такие наиболее ярко выраженные формы ее проявления, как второгодничество и стойкая неуспеваемость по большинству предметов. Это, как правило, следствие несвоевременного либо недостаточного оказания неуспевающим подросткам помощи (дополнительные занятия, прикрепление к сильным по успеваемости, повышение активности и частоты опросов и т. д.) в восполнении пробелов в знаниях.

Основной причиной оставления учебы в школе 59% опрошенных несовершеннолетних преступников назвали нежелание учиться, 17% – отсутствие интереса к учебе. Предшествовали этому длительные пропуски занятий по неуважительным причинам либо безделье при посещении школы. Это происходило в результате неприятия или несвоевременного и недостаточного принятия мер со стороны администрации школ по пресечению стойкого проявления нежелания учиться и уклонения от учебы.

По мнению экспертов из числа сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, основными причинами высокого уровня ничем не занятых несовершеннолетних являются отсутствие сти-

---

⁸ См. Аналитический вестник Совета Федерации... 2000. № 20. С. 128.

мулов у преподавателей учебных заведений к проведению воспитательной работы (44,1% всех опрошиваемых), отсутствие заинтересованности учебных заведений в удержании несовершеннолетних в учебном коллективе (38,2% всех опрошиваемых), а также низкий уровень обучения школьников (14,7% всех опрошиваемых). Все это доказывает наличие серьезных дефектов в школьном воспитании и образовании, из-за которых педагоги не могут нейтрализовать отрицательное влияние на неуспевающих подростков, слабо взаимодействуют в этом с родителями, не принимают необходимых мер к неблагополучным семьям.

С переходом общеобразовательной школы на всеобщее среднее образование и новую, более интенсивную учебную программу возросла доля учащихся, не справляющихся с этой программой и отторгающихся от школы.

Отсутствие дифференцированного подхода в обучении и воспитании детей и подростков, имеющих отклонения в развитии – одна из существенных причин отставания их в учебе, появления пробелов в знаниях и в конечном итоге формирования отчуждения от школы и замещения учебы праздной жизнью, вплоть до беспризорности, сопровождающейся правонарушениями и преступлениями. «Клинико-психологическое обследование детей, поступающих в первый класс, и наблюдение за ними в течение трех лет обучения в начальных классах общеобразовательной школы (1995-1998 гг.) выявили у 70% из них отклонения в психическом развитии»⁹.

В общеобразовательных школах еще не налажено единства действий администрации и других заинтересованных ведомств по предупреждению отчуждения от учебы в сочетании с мерами профилактики правонарушений. Выборочные исследования показывают, что 9/10 школьников-правонарушителей не успевают или слабо успевают. Это объясняется тем, что уже в младших классах недостающий уровень культурно-образовательной информации, необходимой для формирования правильного отношения к учебе, влечет потерю заинтересованности к этой деятельности, что компенсируется самоутверждением в неформальном общении вне школы.

Развал многих государственных предприятий, увеличивающиеся масштабы безработицы привели к снижению спроса на выпускников профессиональных училищ и, соответственно, к резкому сокращению количества таких училищ. Это существенно осложнило возможности обучения и приобретения рабочих профессий несовершеннолетними, которым не дается учеба в школе, либо теми из них, которые не хотят или не могут учиться в высших учебных заведениях.

Существенным криминогенным фактором является необоснованное психическое насилие, которому подвергаются подростки в школе. Опубликованные данные свидетельствуют о том, что 23% учащихся 6-11 классов

считают, что в школе нарушаются их права на свободу личности, 17% – указали на грубое отношение со стороны педагогов, 23% – признались, что их бьют дома. Из 100 конфликтов между учителями и учениками 69 возникают по вине первых. Дидактогенные неврозы (заболевание, вызванное учителями) составляют 35% всех детских неврозов¹⁰.

Важным компонентом в причинном комплексе преступности неучащихся и неработающих несовершеннолетних являются недостатки в организации трудоустройства и закрепления несовершеннолетних в трудовых коллективах. При анализе положения дел с преступностью рассматриваемого контингента подростков отчетливо видны недостатки в их трудоустройстве. Необходимо отметить, прежде всего, отсутствие единой системы выявления, учета и трудоустройства лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. В Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» лишь упомянуто, что трудоустройством несовершеннолетних должны заниматься комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, центры профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи, органы службы занятости. Координирующими в этом вопросе должны быть комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Однако поскольку положение о таких комиссиях в России еще не принято, то и практическая реализация этой функции отдана на усмотрение местных администраций. Поэтому распределение функциональных обязанностей между органами, осуществляющими трудоустройство несовершеннолетних, не произведено, а эта важнейшая работа пущена, по сути, на самотек.

В настоящее время практически отсутствует заинтересованность руководителей трудовых коллективов в приеме на работу несовершеннолетних. Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» допускает квотирование рабочих мест для несовершеннолетних при условии предоставления работодателям налоговых и иных льгот. Однако случаи предоставления таких льгот единичны. Проблема состоит еще и в том, что возрастная категория 14-15 лет не подпадает под статус безработного, поэтому достоверные сведения о количестве таких подростков отсутствуют, а их трудоустройством практически никто не занимается. Это подтверждается и результатами нашего исследования. На вопрос: «Каковы причины высокого уровня ничем не занятых несовершеннолетних?» – 70,6% опрошенных экспертов из числа региональных руководителей подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел указали на отсутствие возможности трудоустройства несовершеннолетних на предприятия. А из числа всех проанкетированных осужденных несовершеннолетних, ранее ничем не занятых, 63,2% не могли устроиться на работу. При

⁹ Факты без комментариев. Мир детства. 2002. С. 7. Составлен по материалам: Социальная работа с детьми и подростками группы риска. СПб., 2000.

¹⁰ См.: Сафонова Т. Я., Цымбал Е. И. Государство и дети. Реальность и Россия. М., 1995. С. 212.

этом в подавляющем большинстве этим подросткам никто не помогал в трудоустройстве.

Однако наряду с серьезными трудностями с трудоустройством, несовершеннолетние, которым посчастливилось устроиться на работу, часто сталкиваются с отсутствием необходимого внимания к себе со стороны трудового коллектива. Поэтому текучесть, частая сменяемость места работы и длительная незанятость ею – характерное явление для рассматриваемого контингента. Кроме того, отсутствие у значительной части изучаемых несовершеннолетних сформированной потребности в трудовой деятельности на момент поступления на работу препятствует закреплению их в трудовом коллективе. Из опрошенных несовершеннолетних почти треть не хотела ходить на работу. Однако эти и ряд других обстоятельств (неудовлетворенность профессией, слишком маленькие заработки, издевательства со стороны старших и т. п.) администрацией предприятий часто не учитывались и во внимание не брались. На предприятиях нет четко продуманной системы работы с несовершеннолетними. Опыт прошлого, когда создавались специальные учебные бригады, даже цеха для обучения несовершеннолетних, оказания помощи в их адаптации в коллективе, организации им шефской помощи, движении наставничества, утерян на многих, даже крупных предприятиях с хорошими трудовыми традициями. А возрождение новых подобных традиций никак не стимулируется и практически не поощряется.

Остро стоит вопрос устройства детей, лишенных родительского попечения. Статистические данные свидетельствуют о крайне неудовлетворительном решении этой проблемы. Так, из 12,3 тыс. состоящих на учете в органах внутренних дел несовершеннолетних, лишенных родительского попечения, почти треть не имеет опекуна или попечителя. В 2000 г. за совершение правонарушений в органы милиции было доставлено более 29 тыс. несовершеннолетних, не имеющих родителей (в 1995 г. – 24,5 тыс.). Свыше половины доставленных детей (16,9 тыс.) – воспитанники детских домов и школ-интернатов.

Все это существенно снижает возможности государства в организации социальной адаптации несовершеннолетних, особенно отчужденных от формальных структур учебных заведений или трудовых коллективов, у которых значительно снижен социально-адаптивный потенциал.

Е. А. Новосельцева
(ВНИИ МВД России)

СЕМЕЙНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ПРИЧИНА БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Бесспорен тот факт, что конкурировать с семьей, особенно на первоначальном этапе развития подростка, не может ни одно общественное или государственное воспитательное учреждение, ни один социальный институт, как бы они не были совершенны, ни один посторонний человек. Ф. М. Достоевский в одном из своих произведений писал: «Ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят о воспитании, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собой в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить нам во спасение».

Семья занимает центральное место в социализации детей, «закладывает фундамент» личности. И чем глубже процесс дестабилизации других социальных институтов, тем более значимой и важной становится ее роль. Однако в настоящее время приходится констатировать тот факт, что происшедшие в различных сферах общественной жизни российского общества изменения затронули и этот важнейший социальный институт. Воспитание несовершеннолетних почти полностью стало зависимым от материальных и духовных возможностей семей, многие из которых обнищали, деградировали. В данном случае приходится говорить не только о физическом, материальном, но и о нравственном обнищании части российских семей.

Как показывает статистика, сохраняется высокий уровень числа родителей и лиц, их заменяющих, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих обязанности по воспитанию несовершеннолетних детей. Фактически каждый 200-й ребенок в стране оказывается не просто лишенным поддержки семьи, а подвергается материальным, физическим и моральным ограничениям и лишениям. Обращает на себя внимание устойчивая тенденция к распространению так называемого пассивного посягательства на права и интересы ребенка со стороны родителей или иных законных представителей, выражающегося в злостном невыполнении соответствующих обязанностей.

В сложившейся обстановке крайне важное значение приобретают своевременное выявление и постановка на учет неблагополучных семей, их социальная поддержка и принятие мер по нормализации обстановки, а также

защита законных интересов детей, выявление и привлечение к ответственности лиц, не исполняющих обязанности по их воспитанию.

В качестве одного из основных средств этой деятельности следует рассматривать повышение предупредительной роли административной ответственности и наказания. Действующее российское административное законодательство содержит ряд норм, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Однако формирующаяся практика их применения свидетельствует о значительных сложностях как в уяснении их содержания, так и в процедуре реализации. Так, законодателем не решается единообразно вопрос о злостности невыполнения родительских обязанностей из-за отсутствия самого критерия: в одних случаях за него принимают продолжительность антиобщественного поведения, неоднократность нарушения правовых норм, в других – наличие вынесенных ранее предупреждений о неудовлетворительном поведении несовершеннолетнего или самих родителей и т. п. Невыполнение обязанностей может выражаться в уклонении от нравственного воспитания, физического развития, укрепления здоровья детей, в отсутствии должного надзора за их поведением.

Несмотря на проблемы толкования правовой нормы, количество родителей, привлекаемых к административной ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию, обучению и содержанию детей, на протяжении последних 6 лет неуклонно увеличивается. При этом необходимо учитывать, что данные официальной статистики отражают лишь количество составленных административных протоколов, а не реальную картину наложения административного взыскания. К примеру, сотрудниками ГУВД г. Санкт-Петербурга в 2003 г. направлено в КДН и ЗП 5,03 тыс. материалов на родителей, из них рассмотрено 3,52, т. е. около 31% не было привлечено к ответственности; принцип неотвратимости наказания за содеянное был нарушен. Значительная часть материалов не рассматривается на заседаниях комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав из-за нарушения сроков их рассмотрения вследствие как технических проблем (сроки пересылки документов), так и организационных (периодичность проведения заседаний КДН и ЗП). В соответствии с п. 1 ст. 4.5. КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении двух месяцев со дня совершения деяния. Приостановление срока давности может иметь место в случае удовлетворения ходатайства лица, виновного в совершении правонарушения, о рассмотрении дела по месту его жительства, однако, как правило, родителей, привлекаемых к административной ответственности, не интересует место рассмотрения материала. Кроме того, нередки случаи уклонения родителей от явки на заседания КДН и ЗП. Материалы же об административных правонарушениях лиц, не имеющих постоянного места пребывания на территории административного образования, где совершено деяние, вообще, как правило, остаются без рассмотрения. В большинстве случаев они

направляются по месту регистрации данных граждан, хотя сами нарушители фактически, пусть и незаконно, проживают на территории совершения правонарушения.

В связи с изложенным представляется целесообразным пересмотреть положения действующего законодательства, касающиеся рассмотрения данной категории дел об административных правонарушениях. В частности, необходимо передать полномочия по принятию решения о наложении административного взыскания на иногородних родителей, не выполняющих обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей, начальникам органов внутренних дел по месту совершения правонарушения или судам (в идеале – ювенальным судам) либо предусмотреть возможность рассмотрения этих материалов на заседаниях КДН и ЗП «в усеченном составе».

Ежегодно почти 0,5 млн российских родителей подвергаются мерам административного воздействия за злостное невыполнение своих обязанностей по воспитанию и обучению детей, но, к сожалению, заметного позитивного влияния на судьбы несовершеннолетних это не оказывает. Сегодня жизнь детей в кризисных семьях принимает все более острые формы. Жестокость и насилие, унижение достоинства детей и принуждение к противоправному поведению в семье становятся фактами повседневной жизни для многих несовершеннолетних. Ежегодно более 25 тыс. подростков становятся жертвами преступных посягательств, огромное количество детей, не выдерживая жесткого обращения, уходят из семей, кончают жизнь самоубийством.

Одной из мер наказания за жестокое обращение с несовершеннолетними является уголовная ответственность в соответствии со ст. 156 УК РФ.

Однако практика показывает, что только по каждому 5-му факту совершения родителями или иными законными представителями несовершеннолетних деяний, содержащих признаки преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, в отношении них возбуждается уголовное дело по указанной статье. И одной из основных причин сложившегося положения является отсутствие единого подхода к толкованию понятия «жестокое обращение». В большинстве случаев прокуратурой и судом «жестокое обращение» трактуется как причинение вреда здоровью ребенка путем нанесения телесных повреждений, документально зафиксированных актом судебно-медицинской экспертизы. К примеру, сотрудниками УВД г. Кемерово был собран материал в отношении гр-ки К., которая не занималась воспитанием и содержанием несовершеннолетних дочерей 1990 и 1991 г. рождения, грубо нарушала психофизические потребности детей (отсутствие питания, невыполнение элементарных гигиенических норм и т. д.), злоупотребляла спиртными напитками, не работала, источников дохода не имела. В возбуждении уголовного дела заявителем было отказано из-за отсутствия доказательного материала по жестокому обращению, так как физического насилия к детям гр-ка К. не применяла. И этот случай не единичен.

Данное положение противоречит ст. 65 Семейного Кодекса РФ и постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей».

К одному из недостатков содержания ст. 156 УК РФ относится также невозможность привлечь к уголовной ответственности лиц, не являющихся родителями или законными представителями несовершеннолетнего, однако проживающих совместно с ним и допускающих жестокое обращение при бездействии близких родственников (к примеру, сожителей отца или матери). Если при наличии у несовершеннолетних телесных повреждений возможно привлечение вышеуказанных лиц к уголовной ответственности по соответствующим статьям УК РФ (так, в Курганской области в отношении гр-на Д., систематически наносившего побои 12-летней дочери своей сожительницы, возбуждено уголовное дело лишь по ст. 117 УК РФ), то при отсутствии таковых фактически виновные лица остаются безнаказанными.

Кроме того, требует пересмотра и система наказаний, применяемых к гражданам в случае совершения ими правонарушений и преступлений, предусмотренных ст. 5.35 КоАП РФ и ст. 156 УК РФ. Так, при привлечении к ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ КДН и ЗП преимущественно ограничивается наказанием в виде предупреждения или выговора, что является недостаточным, наложение же штрафных санкций в большинстве случаев влечет неисполнение решения ввиду материальных трудностей, свойственных асоциальным семьям. В УК РФ также предусмотрено наказание в виде

штрафа, что также наносит материальный ущерб семье, и в конечном итоге самим детям. Не лишено, на наш взгляд, смысла предложение о рассмотрении возможности применения более жестких мер наказания к таким родителям: от административного ареста на 15 суток до привлечения их к принудительным общественно полезным работам с целью возмещения государству средств, затраченных на содержание и обеспечение их детей (в случае изъятия последних из семьи).

Существует и ряд других проблем, связанных с семейным неблагополучием и требующих решения на современном этапе. К ним, в частности, относятся:

отсутствие действенного механизма временного помещения в специализированные приемники и последующего выдворения на родину родителей-попрошак вместе с детьми;

продолжающаяся гуманизация законодательства, в настоящее время фактически допускающая вовлечение родителями несовершеннолетних в занятие бродяжничеством и попрошайничеством при наличии «тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства» (т. е. примечание к ст. 151 УК РФ).

Крайняя мера гражданско-правового воздействия к родителям, злостно уклоняющимся от воспитания детей, – это лишение родительских прав. В 2003 г. в суды направлено 44,241 тыс. материалов на лишение родительских прав, из них 30,435 тыс. – удовлетворены. В сравнении с 1998 г. количество подготовленных материалов возросло на 69,5%. Однако необходимо учитывать, что и в случаях проживания детей в семьях, где систематически нарушаются их права и интересы (в том числе и в форме насилия), и в случаях изъятия их из таких семей и помещения в специализированные учреждения по социальным показателям психологический статус ребенка подвергается сильнейшим деформациям. Бесспорно, самым благоприятным итогом проведения профилактической работы с семьей является нормализация обстановки.

Сложившаяся ситуация с детской безнадзорностью, криминализацией подрастающего поколения, семейным неблагополучием требует принятия безотлагательных мер по совершенствованию деятельности всей государственной системы субъектов профилактики, определенной Федеральным законом № 120-99 г., направленной на устранение причин и условий данных негативных явлений.

В свое время еще Ш. Монтескье сказал: «Хороший законодатель на столько заботится о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений». Думается, что данное высказывание имеет прямое отношение ко всем людям, ответственным за настоящее и будущее сегодняшних несовершеннолетних.

**Н. Г. Андрухин,
Г. И. Калмыков
(ВНИИ МВД России)**

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ РЕКОМЕНДАЦИЙ
И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Отечественная юридическая наука содержит немало исследований преступности несовершеннолетних с позиции конкретно-исторического подхода и диалектического анализа связей и отношений, существенно влияющих в нынешней ситуации на их антиобщественное поведение.

Учеными и практиками отмечается, что криминогенное действие политических, идеологических, психологических факторов в современных условиях способствует усилению криминального риска несовершеннолетних. «Специфика современной социальной ситуации развития ребенка... в максимальной неопределенности и изменчивости мира и, значит, требует изменяющегося мышления и поиска нестандартных стратегий поведения, различных подходов»¹. Однако это не должно вести к пониманию проблемы как исключительно социально-детерминированному явлению, предполагающему перекладывание «вины» на общество и понуждая тем самым законодателя воздерживаться от адекватной оценки возросшей общественной опасности отдельных категорий несовершеннолетних правонарушителей. Напротив, изменения в объективной социальной ситуации, а также социально-политических целях, мотивах, установках влекут за собой изменение содержания уголовно-правовых норм, их замену.

Поэтому безусловный интерес представляет поиск резервов совершенствования уголовно-правового значения несовершеннолетнего возраста в отечественном законодательстве путем обращения, во-первых, к зарубежной практике развития уголовно-правовой отрасли; во-вторых, к международно-правовым рекомендациям в области отправления правосудия.

Краткий анализ различных уголовных законодательств европейских стран и ряда других стран мирового сообщества показывает, что в правовом регулировании возраста имеются существенные различия, особенно применительно к определению минимального возрастного порога. Это проявляется, в частности, в следующем:

¹ Абраменкова В. В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.: МОДЭК, 2000. С. 125.

1) при регулировании возраста в национальных законодательствах применяются различные подходы. Так, большинство систем уголовного законодательства содержит нормы, в которых фиксируется минимальный возрастной признак субъекта преступления. Однако, например, во французском законодательстве действует правило судебного усмотрения, которое не предусматривает цифрового определения минимальной возрастной границы субъекта, поскольку считается, что только судебное исследование особенностей каждого конкретного ребенка и определить наличие способности к виновной ответственности²;

2) наблюдаются существенные различия в определении минимального возрастного признака субъекта преступления от 7-10 лет до 16-18 лет. Наиболее низкая возрастная характеристика субъекта преступления установлена, например, в Ирландии – 5 лет, Швейцарии – 7, Шотландии – 8, Новой Зеландии и Англии – 10, Турции – 11, Канаде – 12 лет. В США подлежат юрисдикции суда по делам несовершеннолетних лица 6-12 лет, максимум – 15-17 лет (в зависимости от штата)³;

3) просматривается сложный, противоречивый характер критериев, которыми руководствуются законодатели различных государств в выборе возрастных границ ответственности несовершеннолетних. Уместным в этой связи является суждение, высказанное известным русским юристом С. А. Гуревичем еще в начале XX века, о том, что в любой стране решение данного вопроса связано с произволом законодателя⁴.

Анализируя подходы зарубежного уголовного законодательства к дифференциации ответственности несовершеннолетних различных возрастов, отметим, в частности, следующее:

1) установленные в уголовных законодательствах различные как минимальные, так и максимальные границы несовершеннолетия определяют существенные колебания в протяженности периода несовершеннолетия, что, безусловно, для разных государств в неравной степени актуализирует данную проблему. Например, в уголовном законодательстве Швейцарии возрастная протяженность несовершеннолетия, имеющего значение для уголовно-правового регулирования, превышает 10 лет. Этот показатель в 2–2,5 раза превосходит среднеевропейский и в 5 раз – возрастной интервал несовершеннолетия, установленный в уголовном законодательстве Бельгии, Испании Румынии⁵;

² См.: Артеменко Н. В. Актуальные проблемы вменяемости (невменяемости) и возраста уголовной ответственности (сравнительный историко-правовой анализ уголовного законодательства РФ и Франции): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 1999. С. 30.

³ См.: Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира: Справочник. М.: Юрид. лит., 1993. С. 82, 119, 142; Минина С. П. Преступность несовершеннолетних. СПб., 1998. С. 14, 42; Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): Сб. законодательных материалов / Под ред. И. Д. Козочкина. М.: Зерцало, 1998. С. 7.

⁴ См.: Гуревич С. А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники / Под ред. М. Н. Гернета. М., 1912. С. 8.

⁵ См.: Уголовный кодекс Швейцарии. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. С. 37-44.

2) возможность дифференциации ответственности несовершеннолетних в зависимости от их конкретного возраста в той или иной мере установлена практически всеми уголовно-правовыми системами. По нашему мнению, особое внимание следует обратить на опыт французского законодателя. В действующем французском законодательстве об ответственности несовершеннолетних четко определены, во-первых, три возрастные группы несовершеннолетних: до 13 лет, от 13 до 16 лет, от 16 до 18 лет, во-вторых, установлена специфика ответственности для каждой возрастной группы. Так, при условии, что несовершеннолетние в возрасте до 13 лет признаны способными к виновности в совершении уголовно наказуемого деяния, им в качестве общего правила назначаются только воспитательные меры. В отношении несовершеннолетних, достигших 13-летнего возраста, УК Франции предусматривает факультативное применение уголовного наказания. При этом специальные правила применения уголовного наказания, установленные Ордонансом от 2 февраля 1945 г., содержат существенные различия в наказании 13-15 и 16-17-летних⁶. Английское уголовное законодательство об ответственности несовершеннолетних хотя и определяет ее специфику применительно к 10- и 14-летним, однако в уголовных статутах часто содержатся отсылки, делегирующие Государственному секретарю (министру внутренних дел) полномочия по важнейшим вопросам. Так, содержащаяся в Законе о детях и подростках (1969 г.) норма, устанавливающая повышенный возраст наступления уголовной ответственности с 14 лет (по общему правилу уголовная ответственность наступает с 10 лет), может применяться только после издания соответствующего приказа Государственного секретаря⁷;

3) под влиянием негативного развития преступности несовершеннолетних в последнее десятилетие в законодательстве и практике западных стран наметился отход от защитной, покровительственной тенденции⁸.

Например, за последние пять лет в европейских странах число преступлений, совершенных несовершеннолетними, возросло с 40 до 70%. Причем зарубежные криминалисты отмечают, что увеличение контингента правонарушителей в возрасте от 10 до 18 лет идет в основном за счет несовершеннолетних 10-14-летнего возраста. Достаточно часто необходимо адекватного реагирования вынуждает зарубежного законодателя сохранять данную возрастную группу в сфере уголовно-правового регулирования. В частности, английским законодательством предусмотрена возможность привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности с

---

⁶ См.: Артеменко Н. В. Указ. раб. С. 30-31; Крылова Н. Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. М.: Спарк, 1996. С. 40-41.

⁷ См.: Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии)... С. 7.

⁸ См.: Новые законодательные подходы к проблеме наказания несовершеннолетних в ФРГ // Предупреждение преступности несовершеннолетних. М., 1993. С. 30; Никифоров А. С. США: сентябрьский (1994 г.) закон о контроле над насильственной преступностью // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. М., 1996. С. 68.

10-летнего возраста. При этом средний показатель количества лиц мужского пола в возрасте 10-11 лет, подвергнутых в Англии уголовному преследованию, составляет 500-600 человек ежегодно, а число 12-14-летних осужденных превышает 8 тыс., увеличиваясь до 8% в год. Негативная динамика находит свое проявление и в правонарушающем поведении несовершеннолетних женского пола. Так, количество осужденных по возрастной группе 12-14-летних увеличилось к началу 3-го тысячелетия по сравнению с 1990 г. вдвое.

Поэтому процесс совершенствования дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних подчинен цели укрепления общественной безопасности, в связи с чем прослеживается усиление их наказуемости за совершение особо тяжких и тяжких преступлений, рецидива, организованных форм преступной деятельности. В этом плане показательное решение Королевского суда Англии (1993 г.) по обвинению 10-летних Роберта Томпсона и Джона Венейблеза в преднамеренном убийстве 2-летнего Джеймса Балджера. Присяжные признали их виновными в совершении указанного преступления и приговорили к тюремному заключению без определения срока. При этом Государственным секретарем был установлен 15-летний срок, после истечения которого осужденные или их представители получают право на прошение о сокращении срока тюремного заключения⁹.

Под влиянием опыта борьбы с тяжкими преступлениями несовершеннолетних в западных странах, а также исходя из интересов обеспечения общественной безопасности понижены минимальные возрастные пороги в новом уголовном законодательстве ряда стран бывшего СССР. Так, по УК Республики Узбекистан минимальный возраст субъекта преступления за совершение квалифицированного убийства понижен до 13 лет¹⁰. В Эстонии с 13 лет наступает уголовная ответственность не только за умышленное убийство, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, причинение особо тяжкого и тяжкого телесного повреждения, изнасилование и ряд других тяжких насильственных преступлений, но и, например, за кражу, угон механического транспортного средства¹¹.

Анализ содержания международно-правовых актов показывает заинтересованность международного сообщества в том, чтобы национальные законодательства по вопросам уголовной ответственности и правосудия несовершеннолетних соответствовали радикальным изменениям в стиле жизни молодежи, а также формам и масштабах их преступности. Это, безусловно, требует от общества повышения внимания к данным проблемам, а от правотворчества – адекватной законодательной реакции. Международно-правовые нормы в части регламентирования минимального возраста уголовной ответственности построены на признании специфичности обстоя-

---

⁹ См.: Гурнов Б. Громкое дело // Интерполия. 2000. № 1. С. 7 – 16.

¹⁰ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001. С. 62-63.

¹¹ См.: Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб., 2001. С. 19.

тельств, влияющих на мнение законодателя в каждой отдельно взятой стране, и в качестве общих предписаний содержат, в частности, следующие положения:

1) минимальный возраст уголовной ответственности не должен закрепляться на низком уровне возрастного развития личности;

2) универсальным критерием возрастной способности лица к виновной ответственности является его эмоциональная, духовная и интеллектуальная зрелость (п. 4 «Пекинских правил»)¹²;

3) нижняя возрастная граница должна определяться в законе (ст. 40.3а Конвенции о правах ребенка (1989 г.)¹³. По мнению международных экспертов ООН, «если возрастной предел уголовной ответственности установлен на слишком низком уровне или вообще не установлен, понятие ответственности становится бессмысленным»¹⁴.

Таким образом, рекомендации, содержащиеся в международных документах, не препятствуют совершенствованию уголовно-правового значения возраста несовершеннолетних в отечественном законодательстве, в том числе и в случае понижения его минимального предела¹⁵.

Анализ содержания международных норм и стандартов ООН об ответственности несовершеннолетних показывает, что они призваны способствовать формированию единых подходов у законодателей различных государств, прежде всего в вопросах совершенствования дифференциации ответственности несовершеннолетних. Так, например, в «Пекинских правилах» (правило 2.2а) определяется, что «несовершеннолетним является ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому»¹⁶. Таким образом, само понятие «несовершеннолетний» раскрывается через взаимосвязь с дифференциацией ответственности, которая выступает в качестве его ключевого признака.

Исключительно важное, концептуальное значение для совершенствования сферы дифференциации ответственности несовершеннолетних в отечественном уголовном законодательстве имеют, в частности, следующие международно-правовые подходы:

1) развитие уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних представляет собой непрерывный процесс и является состав-

¹² См.: Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. М.: ЮНИСЕФ, 2001. С. 48.

¹³ См.: Там же. С. 44.

¹⁴ Carrelae G., Grandjean A. Введение в концепцию международных стандартов в области правосудия в отношении несовершеннолетних // Там же. С. 15.

¹⁵ Считаем ошибочным распространенное мнение о том, что рекомендации международной практики формируют общую тенденцию повышения минимального возраста. См., например: Яковлева Н. Г., Пристанская О. В. Уголовная ответственность и наказание в новом проекте Уголовного кодекса // Проблемы уголовной ответственности и ее дифференциации. Ярославль, 1994. С. 115.

¹⁶ Сборник международных стандартов... С. 55.

ной частью системы обеспечения для них социальной справедливости («Пекинские правила»: пп. 1.1-1.6)¹⁷;

2) несмотря на то обстоятельство, что дифференциация ответственности несовершеннолетних во многом предполагает совершенствование форм, направленных на ее смягчение, потребности обеспечения общественного порядка являются главной задачей законодательства и практики и в отношении несовершеннолетних правонарушителей, что допускает введение форм уголовной ответственности, связанных с повышением репрессивности (см.: «Пекинские правила», пп. 1.4, 17.1)¹⁸;

3) эффективное решение проблем дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних обеспечивается формированием единой системы уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права (см.: ст. 40 Конвенции о правах ребенка, пп. 6.1, 6.2, 6.3 «Пекинских правил»; раздел VI Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних Эр-Риядских руководящих принципов)¹⁹;

4) реализация в уголовном законодательстве принципов дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних должна осуществляться с соблюдением принципа соразмерности, что предполагает назначение меры уголовно-правового воздействия не только исходя из тяжести деяния, но и особенностей личности (п. 5.1 «Пекинских правил»)²⁰;

5) дифференциация уголовной ответственности несовершеннолетних предполагает увеличение количества форм уголовно-правового характера, обеспечивающих гибкое воздействие на правонарушителей (п. 18.1 «Пекинских правил»)²¹;

6) повышенная общественная опасность несовершеннолетних, виновных «в совершении серьезного деяния с применением насилия против другого лица или в неоднократном совершении других серьезных правонарушений», предусматривает совершенствование уголовного законодательства в их отношении по пути установления строгих мер ответственности и наказания (п. 17.1 «Пекинских правил»)²².

По нашему мнению, исключительно важное значение для определения дальнейшей отечественной уголовной политики в отношении несовершеннолетних имеет принцип, сформулированный в ст. 3 Конвенции о правах ребенка, о том, что «во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, админи-

¹⁷ См.: Сборник международных стандартов... С. 54.

¹⁸ См.: Там же. С. 54, 71.

¹⁹ См.: Там же. С. 43, 60, 100 – 101.

²⁰ См.: Там же. С. 59.

²¹ См.: Там же. С. 73-74.

²² См.: Там же. С. 71.

стративными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка»²³.

В этой связи отметим, что во времена полного господства государства над отдельной личностью значение уголовного наказания абсолютизируется, а факт попадания лица в сферу уголовно-правового регулирования во многом воспринимается как гражданская смерть²⁴. Очевидно, что такой подход для демократического общества неприемлем.

Преобразования, происшедшие во всех сферах российского общества, указывают на необходимость существенного обновления уголовной политики в отношении несовершеннолетних. В настоящее время высокий возраст уголовной ответственности, скорее, имитирует гуманизм и оправдывает бездействие и беспомощность государственных структур в борьбе с преступностью несовершеннолетних²⁵.

Следовательно, действия законодателя должны характеризоваться не дистанцированием от проблем преступности несовершеннолетних и «молчаливым» перекалыванием ответственности на общество, а, напротив, в необходимых случаях продуманным расширением сферы уголовно-правового регулирования в ситуациях, когда социальные институты бессильны противодействовать общественно опасным посягательствам со стороны подростков.

Поэтому расширение возрастных рамок несовершеннолетия, в том числе путем понижения минимального возрастного порога уголовной ответственности, выделение в его пределах возрастных контингентов и определение специфики их ответственности и наказуемости является наиболее приемлемым направлением совершенствования уголовного законодательства, поскольку создает большие временные возможности для «маневренного» уголовно-правового воздействия. Такой подход не исключает применения строгих мер уголовно-правового воздействия, однако это будет происходить на более поздних стадиях формирования личности и в ситуациях, связанных с устойчивым криминальным выбором лица.

ДЕТЕРМИНАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Женская преступность – часть общей преступности. Преступность, как и всякое негативное явление, имеет свои причины, порождающие и воспроизводящие преступления и преступность как закономерное следствие. Под причинами преступности понимаются «такие явления общественной жизни, которые порождают преступность, поддерживают ее существование, вызывают ее рост или снижение»¹.

В теории криминологии от причин преступности отграничивают условия, способствующие возможности возникновения и проявления причины, порождающей следствие. Однако это отграничение относительное. Диалектика признает, что всякая причина является в определенном отношении условием, а всякое условие в другом отношении может быть причиной. Относительность теоретического разграничения причин и условий преступности учтена в данной статье при анализе процессов и явлений, способствующих возникновению женской преступности. Такой подход обусловлен тем, что причина порождает следствие, а условие лишь этому способствует, но они всегда находятся в неразрывном взаимодействии. Без условий причина либо не формируется, либо не реализуется, а одни только условия не порождают следствия.

Выявление причин, «творящих» преступность, объясняет ее происхождение и распространение. Знание причин позволяет разработать и осуществить мероприятия по предупреждению и сокращению преступлений, совершаемых женщинами, что особенно важно сейчас, когда правопорядок находится в кризисном состоянии.

Причины женской преступности и условия, ей способствующие, объединим общим термином «детерминация преступности», т. е. объективной зависимости причинной обусловленности ее от других явлений природы и общества.

Вопросы, связанные с выявлением причин и условий, формирующих и питающих женскую преступность, очень сложны и проблематичны. До сих пор детерминанты женских преступлений не стали объектом полного и всестороннего научного анализа. В определенной мере это связано с различными подходами в осмыслении причинности женской преступности.

Учитывая объем статьи, отметим лишь некоторые детерминационные проблемы женской преступности.

¹ Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М., 2002. С. 178.

²³ См.: Сборник международных стандартов... С. 25.

²⁴ См.: Ананиан Л. Л. Некоторые проблемы уголовной политики в странах Северной Европы. М., 1992. С. 15.

²⁵ «... Чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждена набрасывать покров любви на неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, приукрашивать их или лживо отрицать, одним словом, вводить в практику общепринятое лицемерие». Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 111 Ирокезский род // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 99.

Уровень преступности женщин на протяжении последнего столетия традиционно ниже уровня преступности мужчин в 5-7 раз, хотя женщин в России больше, чем мужчин. Эта закономерность характерна не только для нашей страны, но и для других европейских стран начиная с начала XX века. Так, в Польше на 100 осужденных приходилось 23 женщины, в Болгарии – 9, в Германии – 15, в Англии – 20, в России – 7².

Изучение статистических данных ГИЦ МВД России показывает, что в 2001 г. удельный вес женщин, совершивших преступления, составил 17% от общего количества выявленных преступников. Данные 2002 г. в настоящей статье намеренно не приводятся, так как предположительно с принятием новых УПК РФ и КоАП РФ, вступивших в силу с 1 июля 2002 г., уровень зарегистрированной женской преступности не соответствовал действительному.

Безусловно, такая разница между женской и мужской преступностью привлекала к себе внимание ученых, которые пытались с разных позиций объяснить причины женкой преступности³.

В связи с тем, что современность неотделима от прошлого, изучая сегодняшнюю ситуацию с женской преступностью, нельзя не обратиться к истории данного вопроса.

Появление официальных научно-статистических материалов, отражающих проблему женской преступности, относится к концу XIX века и связано с именами бельгийского ученого А. Кетле и французского министра юстиции А. Герри. Изучая законы преступности, А. Кетле приходит к выводу, что влечение к совершению преступления находится в зависимости от возраста и пола человека, его профессии, времени года, промышленного развития страны. А. Кетле объясняет сравнительно малую долю преступлений, совершаемых женщинами, не столько их физиологическими особенностями и старостью, сколько отрешенностью от общественной жизни, ограниченностью кругом семьи и бременем семейных обязанностей, значительно снижающих возможность использования тех прав и свобод, которые есть у мужчин. По мнению А. Кетле, столь ограниченный правовой статус не может порождать высокую криминальную активность⁴.

Однако женщины со времен А. Кетле все активнее вторгаются в общественные дела, а их интересы не ограничиваются только стенами дома и заботами о семье, но при этом их доля в общем числе преступлений невелика и всегда заметно уступает доле преступников-мужчин.

² См.: Гернет М. Н. Моральная статистика. М., 1922. С. 134.

³ См.: Ломброзо Ч., Ферреро Э. Женщины преступницы и проститутки. Ставрополь, 1991; Тарновская П. Н. Воровки. СПб., 1891; Тарновская П. Н. Женщины-убийцы. СПб., 1902; Зеланд И. Женская преступность. СПб., 1899; Гернет М. Н. Социальные факторы преступности. М., 1905; Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М., 1992.

⁴ См.: Кетле А. Человек и развитие его способностей. СПб., 1865. С. 5 – 8.

Н. Зеланд, объясняя причину существенного соотношения между женской и мужской преступностью, выдвинул «моральную теорию», согласно которой женщина по своей природе более нравственна, чем мужчина⁵.

В середине XX века в противовес этой теории социолог Отто Поллак в своей книге «Преступность среди женщин» выдвигает и развивает тезис о «замаскированном характере» женских преступлений. Он утверждает, что женщина несколько не нравственнее мужчины. За совершение нескольких видов преступлений, за которые мужчины обычно преследуются судом, женщины почти не привлекаются к ответственности. Покровительственное отношение к женщине и сам характер ее роли в обществе позволяют ей пользоваться привилегиями своего пола в преступных целях и совершать противозаконные деяния, мало беспокоясь о возможном их раскрытии и преследовании по суду⁶.

Нельзя согласиться с утверждением О. Поллака о том, что женская преступность может быть столь же масштабной, сколь и мужская, однако все же заслуживает полного признания вывод, что существует значительная связь между социальным положением женщины и образом ее преступных действий.

Теория Н. Зеланда имеет право на существование, как и теория О. Поллака, так как морально-нравственный статус женщин в разные периоды развития общества менялся в зависимости от социальных условий их существования. Во времена Н. Зеланда официальная мораль приписывала им более высокий уровень нравственных качеств, что, впрочем, в основном соответствовало действительности; кроме того, женщина была обычно «прикована» к домашнему очагу. Н. Зеланд такой феномен, как женская преступность, объяснял исходя из нравов конца XIX века.

«Моральная теория» Н. Зеланда не утратила своей актуальности и в настоящее время, а кризис нравственности является одним из детерминантов преступности, в том числе женщин.

Одной из наиболее популярных теорий, пытающихся объяснить существование женской преступности, была антропологическая теория итальянского криминолога Ч. Ломброзо, который одним из первых занялся изучением данного вида преступности. Сущность антропологического учения Ч. Ломброзо заключалась в том, что причину преступного поведения он видел в особенностях человеческого организма, а причину женской преступности – в специфике физиологического строения, «биологической недоразвитости» женщины. Женскую преступность Ч. Ломброзо объяснял наследственностью и преобладанием врожденных мужских качеств.

Ч. Ломброзо впервые масштабно поставил в центр внимания тех, кто совершает преступления. Изучая женщин-преступниц, он применил такой

⁵ См.: Зеланд Н. Указ. соч. С. 9.

⁶ См.: Pollak O. The Grimality of Women. N.Y., 1950.

метод исследования, как системный подход. Выдвинутые Ч. Ломброзо положения о женской преступности вызвали оживленную дискуссию и тем самым способствовали дальнейшим научным поискам.

Взгляды Ч. Ломброзо на причины женской преступности разделяла П. Н. Тарновская. Однако она не исключала действия на женщину и внешних, не зависящих от самой женщины, обстоятельств. Так, она писала, что на процесс формирования преступного поведения «действуют до известной степени еще и другие влияния: каковы, например, космические явления, времена года, случайные встречи и, главным образом, состояние физического здоровья человека»⁷. Она считала, что лишь сочетание таких отрицательных внешних факторов с определенными негативными особенностями личности женщин способно стать причиной совершения ею преступления. Значительное внимание в формировании отрицательных черт личности будущей преступницы исследовательница придавала влиянию бытовой среды, в частности, семьи, в которой она воспитывалась. Таким образом, П. Н. Тарновская, разделяя в основном взгляды антропологической школы на причины женской преступности, в своих объяснениях тем не менее пыталась выйти за рамки учения Ч. Ломброзо и выявить социальные факторы, влияющие на совершение женщинами преступлений.

Что касается развития социологической школы в изучении проблем женской преступности в России, то она наглядно представлена трудами ученого-криминалиста М. Н. Гернета, который, используя анализ статистики преступлений, совершенных женщинами за период XIX – начала XX веков, дал обоснование ее детерминант. Отмечая активный рост женских преступлений в промышленно развитых странах, ученый констатировал зависимость его от роли и положения женщины в обществе и общественной жизни в целом. Используя в качестве примера для подтверждения своих наблюдений анализ положения женщины в государствах с различным уровнем промышленного развития и социального статуса женщины, М. Н. Гернет еще в начале XX века отметил такое важное обстоятельство, как прямая зависимость между ростом социальной активности женщин и их преступным поведением. В частности, он писал: «Чем более женщины приближаются по своим условиям к жизни мужчин, тем более приближается ее преступность размерами к мужской»⁸. Следует отметить, что М. Н. Гернет не объяснял женскую преступность какой-либо одной причиной, например, отличиями физиологии от мужской, как это делали большинство исследователей женской преступности того времени. Предпринимая попытки разобраться в причинах существования этого явления, он использовал комплексный подход, рассматривал преступность женщин с разных точек зрения, привносил социальные аспекты исследования причин этого явления.

Советский криминалист А. Н. Трайнин, обращая взор на женскую преступность, отмечал: «Вовлекаясь в хозяйственный оборот, пролетаризируясь наряду с мужчиной и, таким образом, социально ему уподобляясь, женщина одновременно приближается к нему и криминологически. Социальная грань между мужчиной и женщиной, несмотря на их глубочайшие органические различия, тускнеет, таким образом, одновременно во всех сферах общественной жизни и деятельности, как правомерной, так и преступной. Отсюда с полной отчетливостью следует, что законы движения преступности женщин лежат вне их органических особенностей»⁹.

Как видим, автор обращает внимание на те особенности женской преступности, о которых писал М. Н. Гернет, работы которого долго оставались фактически последним научным вкладом в развитие социологического направления науки, в том числе в сферу проблематики женской преступности.

Женскую преступность изучали также ученые-юристы Е. Н. Анучин, П. И. Стучка, М. Ф. Заменгоф, В. А. Внуков.

Е. Н. Анучин отмечал, что различие преступности мужчины и женщины связано с положением женщины в обществе: «Там, где женщина более свободна, там и разница в степени вероятности ее преступления между полами уменьшается, и наоборот»¹⁰.

П. И. Стучка в своей статье «О женщинах-преступницах» писал, что на причины преступности влияют не пол и другие биологические особенности людей, а условия, в которых живет человек, среда, окружающая его»¹¹.

М. Ф. Заменгоф в своем исследовании «Брак, семья и преступность» делал вывод, что истоки женской преступности в первую очередь следует искать в семье. Ученый связывал такие факторы, как количество детей, заработок, размер семьи, с самим фактом совершения преступления. По его мнению, «мужская преступность увеличивается незначительно, что весьма понятно, ибо она является скорее отражением женской преступности, чем следствием каких-либо специфических условий»¹². Данный вывод М. Ф. Заменгофа актуален и сейчас.

Интересное исследование предпринял криминолог В. А. Внуков. Он пытался объяснить убийство, совершаемое женщинами, специальными психиатрическими и психологическими причинами. Совершение женщиной такого опасного преступления В. А. Внуков сводил к простой силовой реакции на окружающую неблагоприятную среду. Однако вопрос о том, почему из многочисленных вариантов решения проблемы женщина выбирает именно силовой, ученый не ставит. Впрочем, и в современных работах данный во-

⁹ Трайнин А. Н. Уголовное право. Часть общая. Изд. 1. М., 1929. С. 161.

¹⁰ Анучин Е. Н. Материалы уголовной статистики России. Тобольск, 1865. С. 149.

¹¹ См.: Середа Е. В. Применение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин: история и современность. М., 1999. С. 11.

¹² Заменгоф М. Ф. Брак, семья и преступность. Пг., 1916. С. 24.

⁷ Тарновская П. Н. Женщины-убийцы... С. 98 – 99.

⁸ Гернет М. Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. Избранные произведения. М., 1974. С. 254.

прос встречается редко. Положительным моментом исследования В. А. Внукова является то, что автор, стремясь вскрыть мотивы женской преступности, пытается проникнуть во внутренний мир каждой женщины-преступницы. Он детально анализирует личность виновных, их поведение и делает выводы о субъективных причинах совершенных женщинами преступлений. В частности, к последним он относит психопатический характер личности¹³.

Отдельные работы в сфере изучения преступлений, совершаемых женщинами, основывались на медико-психиатрическом анализе личности и поведении преступниц, при этом большое внимание уделялось наследственности. Учитывая односторонность такого подхода, следует все же отметить их вклад в изучение детерминации женской преступности. Среди публикаций такого характера можно назвать работу Б. С. Маньковского «Детубийства», а также исследование Е. К. Краснушкина и Н. Г. Холзаковой «Два случая женщин – убийц-гомосексуалисток», опубликованные в журнале «Преступник и преступность» в 1926 г., труды Б. Змиева, Г. Ю. Маннса, Т. Д. Сергалова, П. Люблинского¹⁴.

Как видим, в криминологических исследованиях конца XIX – начала XX веков прослеживалась тенденция углубленного изучения причин женской преступности. Однако период 20-30-х годов XX столетия, считающийся этапом становления отечественной криминологии, протекал в сложнейшей государственно-политической обстановке, что не позволило науке выработать единую концепцию в изучении и объяснении факторов, детерминирующих женскую преступность.

В 40-50-е годы XX в. криминологические исследования преступности в целом и женской преступности в частности в России практически не предпринимались.

Активное внимание криминологов к проблеме женской преступности возрождается в 60-70-е годы прошлого столетия. Этот этап связан с именами таких ученых, как А. Б. Сахаров, С. В. Бородин, А. М. Яковлев, В. А. Серебрякова, М. Н. Голоднюк и др. Затем к разработке проблем преступности женщин присоединились Ю. М. Антонян, А. Т. Потемкина, Е. В. Середина, Л. Н. Меликашвили, А. А. Габиани и другие ученые. Однако не каждым из перечисленных исследователей проблем женской преступности уделено должное внимание детерминации указанного феномена.

По мнению большинства отечественных криминологов, причины женской преступности коренятся в социальных условиях жизни общества. Действительно, «обстоятельства внешней среды формируют антиобщественные

свойства человеческого сознания, некоторые из них способствуют проявлению этих свойств в конкретные преступления»¹⁵.

Между тем все же были предприняты попытки установить субъективные причины преступлений, совершаемых женщинами. Подтверждение этому – исследование Е. В. Середы, в котором впервые представлены данные о нравственно-психологических особенностях женщин¹⁶.

В рамках указанной проблематики актуальным является исследование Ю. М. Антоняна, который связал причины преступности женщин со следующими явлениями и процессами:

«1) значительно более активным участием женщин в общественном производстве;

2) существенным ослаблением главных социальных институтов, и, в первую очередь, семьи, а также социального контроля;

3) возросшей напряженностью в обществе, тревожностью людей, конфликтами и враждебностью между ними; ростом таких антиобщественных явлений, как наркотизм, алкоголизм, пьянство, проституция, бродяжничество и попрошайничество женщин»¹⁷.

Свое подтверждение указанные детерминанты получили в учебнике «Криминология»¹⁸.

К указанным Ю. М. Антоняном явлениям и процессам, влияющим на причины женской преступности, можно добавить кризис нравственно-правовой культуры. Последний тесным образом связан с проблемами в социально-экономической сфере, ослаблением основных социальных институтов и в первую очередь семьи. Роль семьи в нравственном воспитании ребенка трудно переоценить, именно здесь он с детских лет усваивает необходимые моральные правила, благодаря чему увереннее сопротивляется воздействиям внешних криминогенных обстоятельств. В семье индивид приобретает свой первый опыт общественного существования, в семье закладываются основы его сознания и характер, его взгляды и установки, моральные качества и волевые свойства.

На женскую преступность негативное влияние оказывает современное состояние общественной нравственности. Огромные духовные потери наше общество понесло в результате борьбы с религией. Как известно, религия давала важные нравственные установки, принципы морали и нормы поведения. При помощи выработанных на протяжении нескольких веков нравственных правил и взглядов религия помогала отличать нравственное от безнравственного, оказывала моральную поддержку в сложнейших жизненных ситуациях. Многолетняя борьба государства с церковью и религией оказалась пагубной для женщин из-за особенностей их психологии, ибо

¹³ См.: Внуков В.А. Женщины-убийцы // Убийства и убийцы / Под ред. Е. К. Краснушкина и др. М., 1928. С. 191 – 249.

¹⁴ См.: Змиев Б. Преступления в области половых отношений в городе и деревне; Маннс Г. Ю. Деревенские убийства и убийцы; Сергалов Т. Д. Пьяные драки в городе и деревне; Люблинский П. Половые посягательства против детей // Проблемы преступности. М., 1927.

¹⁵ Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 41.

¹⁶ См.: Середина Е. В. Указ. соч. С. 48 – 57.

¹⁷ Антонян Ю. М. Указ. соч. М., 1992. С. 47.

¹⁸ См.: Криминология... М., 2002. С. 515.

женщины более, чем мужчины, восприимчивы к религиозным нормам и представлениям, а также религиозным ритуалам.

Утрата привычных нравственных ценностей, неверие в возможность изменения жизни к лучшему, в силу и справедливость закона приводят женщину к апатии, пессимизму и, в конечном итоге, к депрессии. Как показывает практика, личность в состоянии депрессии утрачивает интерес к таким общечеловеческим ценностям, как жизнь, здоровье, достоинство, а также личная собственность.

Падение нравов предопределяет негативное отношение личности к праву как системе социальных институтов и отношений, охраняемых силой государства. Очевидно, что любой радикальный поворот в сторону бездуховности не замедлит дать свои результаты в правовой сфере, а именно будет нарастать криминализация общества, десоциализация личности. Таким образом, кризис нравственно-правовой культуры входит в число факторов, детерминирующих преступность женщин, влияет на рост преступности.

Все перечисленные криминогенные факторы тесно переплетаются друг с другом. Можно констатировать, что детерминанты женской преступности связаны с взаимодействующими объективными и субъективными факторами существующей действительности, имеют особое значение для объяснения и предупреждения женской преступности.

Г. Д. Долженкова,
кандидат юридических наук
(НИИ УИС Минюста России)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституцией РФ декларировано, что Российская Федерация является социальным государством, т. е. государством, которое заботится о своих гражданах, создает им благоприятные условия для жизни. К сожалению, Россию таковым государством пока не назовешь, так как в нашей стране имеют место проблемы, оказывающие негативное влияние на морально-нравственное состояние граждан, но еще не ставшие предметом повышенного внимания со стороны государственного аппарата.

Складывающаяся в стране социально-экономическая ситуация, активное расслоение общества на различные по уровню материального благосостояния группы, где 40% населения имеет доход ниже прожиточного минимума, криминализация определенной части населения, подрыв традиционных моральных устоев ведут к изменению иерархии в системе человеческих

ценностей, прославлению культа насилия и жестокости, утверждению примата денег и грубой силы, что особенно негативно сказывается на состоянии преступности в стране.

В течение последних лет криминогенная ситуация в Российской Федерации остается достаточно напряженной. Уровень регистрируемой преступности достиг 3-миллионного рубежа и почти приблизился к максимальному количеству преступлений, зарегистрированных в 1991 г. на всей территории бывшего СССР. Увеличивается число тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с применением насилия, возрастает агрессивность совершаемых преступлений и причиненный ими ущерб. В 2001 г. в результате преступных посягательств погибли и получили тяжкий вред здоровью около 150 тыс. человек. По данным статистики МВД, количество лиц, пострадавших от преступлений, росло. В 2002 г. оно превысило 2 млн человек. Если же учитывать уровень скрытой (латентной) преступности, включающей как укрытие преступлений от регистрации органами милиции, так и отказ со стороны значительного числа пострадавших граждан заявлять о преступных посягательствах, то эта цифра, по данным некоторых экспертов, выше в 10-12 раз.

Анализ статистических данных фиксирует рост криминальной угрозы и в отношении имущества граждан. Так, если в 1998 г. установленная сумма материального ущерба составляла 19 млрд рублей, то в 2001 г. этот показатель вырос более чем в три раза и составил примерно 60 млрд рублей¹.

Обострение криминальной ситуации, рост рецидивной преступности среди лиц, отбывших уголовное наказание, наконец, акты терроризма, которые все чаще совершаются с использованием современного вооружения и сопряжены с людскими потерями, разрушениями и массовыми страданиями, свидетельствуют о том, что государство не выполняет своих обязательств по защите жизни и здоровья граждан. Таким образом, основное большинство населения в той или иной степени невольно становится жертвами совершенных преступлений. Особенно остро эта проблема стоит в отношении наиболее социально незащищенной категории граждан: лиц пенсионного возраста, чьи пенсии, даже если они и выплачиваются вовремя, настолько малы, что не обеспечивают нормальной жизни; инвалидов, не всегда имеющих даже физические возможности самостоятельно защитить свои права; несовершеннолетних, при том, что в стране насчитывается 2 млн подростков, которые нигде не учатся и не работают, и около 4 млн безпризорников; женщин, к которым все чаще в современном мире применяется насилие, проявляющееся в различных формах – сексуальных, физических, психологических; лиц, освободившихся из мест лишения свободы, которых трудности социально-бытового характера после отбывания уго-

---

¹ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2002 году. М.: Юриспруденция, 2002. С. 13.

ловного наказания зачастую подталкивают к повторному совершению преступлений². Если эти проблемы, порожденные несовершенством комплексного государственно-правового механизма оказания социальной помощи нуждающимся, и обсуждались на государственном уровне, то реального законодательного воплощения они не нашли.

В соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г., «лицо может считаться «жертвой» независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой». В п. 14 Декларации сказано, что «жертвам следует оказывать необходимую материальную, медицинскую, психологическую и социальную помощь». Европейская Конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений, принятая 24 ноября 1983 г., устанавливает, что государство возмещает убытки, когда не может быть обеспечено их возмещение из других источников, тем, кому причинен вред здоровью, а также тем, кто находился на иждивении погибших в результате умышленных насильственных преступлений (ст. 2). При этом компенсация должна покрывать по крайней мере потерю дохода, затраты на медикаменты, госпитализацию и содержание иждивенцев (ст. 3).

Таким образом, международные правовые документы рекомендуют правительствам государств, которые несут ответственность по отношению к своим гражданам, оказывать им всестороннюю социальную помощь путем возмещения вреда. В международной практике понятие «возмещение вреда» имеет два смысловых значения: «компенсация» – денежное возмещение имущественных потерь в предусмотренных законом случаях и «реституция» – возврат виновной стороной всего, полученного ею, и возмещение понесенных расходов. Представляется необходимым включение подобных норм в будущее отечественное законодательство, регулирующее защиту жертв преступлений³.

Повышение эффективности борьбы с преступностью в значительной мере зависит от степени правовой урегулированности вопросов оказания социальной помощи. Необходимость принятия федеральных законов, регулирующих деятельность судов и прокуратуры, органов охраны правопорядка, социального обеспечения и других государственных структур, имеющих непосредственное отношение к защите жизни и здоровья граждан, по ока-

² См.: Бределев А. В., Яковлева Л. В. Некоторые вопросы проведения профилактической работы с осужденными, готовящимися к освобождению из мест лишения свободы и отбывшими уголовное наказание // Теоретические и практические проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы: Сб. науч. тр. М., 2001. С. 17.

³ См. подробнее: ФЗ от 7 августа 2000 г. № 121 «О ратификации Европейской конвенции о пресечении терроризма». Информационно-справочная система «Консультант Плюс».

занию всесторонней социальной помощи, является основной задачей государства.

Решение данной проблемы должно носить комплексный характер и затрагивать не только уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, но и нормы гражданского, а также других отраслей права. Законодательного решения требуют вопросы правового регулирования деятельности государства по обеспечению прав и законных интересов потерпевших, а также приведения отечественных стандартов в области защиты их прав в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права. Только совместными усилиями всех ветвей власти, депутатского корпуса, общественных и религиозных объединений, неправительственных правозащитных организаций, правозащитников, средств массовой информации можно изменить отношение к человеку.

Сделав небольшой экскурс в историю проблемы, можно констатировать, что потребность в социальной помощи и защите, а в связи с этим и в людях, профессионально или на общественных началах занимающихся этим делом, была всегда и у всех народов. Эта потребность зародилась у истоков первобытной культуры и в той или иной мере удовлетворялась на всех ступенях развития цивилизации, была присуща всем верованиям и религиям, находила свое отражение в господствовавших мировоззрениях и идеологии.

С давних времен социальная деятельность в России фактически существовала в форме помощи нуждающимся со стороны частных лиц и церкви. Государство и церковь развивали систему призрения (присмотра) сирот, бедных и убогих. Еще в 966 г. великий князь Владимир Святой, проявлявший большую милость по отношению к сиротам, поручил попечение и надзор за оставшимися без родителей детьми духовенству. История повествует больше всего о милостыне и о богадельнях (т. е. богоугодных заведениях для призрения и содержания лиц, не способных к труду), реже упоминается о помощи погорельцам, о выкупе пленных, о госпиталях и школах. Но все эти меры носили эпизодический характер.

В середине XVI века впервые формулируется идея оказания помощи нуждающимся и создаются реальные предпосылки для формирования системы государственного призрения. В 1551 г. Стоглавый собор Русской Православной Церкви постановил просить, чтобы «благочестивый царь» повелел «всех прокаженных и престарелых описать по всем градам» и в них «устроить богадельни», поместив в последние «не могущих нигде главы преклонити».

Постепенно в системе органов государственного управления выделялись специализированные структуры, оказывающие помощь нуждающимся. При царе Михаиле Федоровиче все дела, относящиеся к призрению бедных, были сосредоточены в патриаршем приказе, который одновременно осуществлял контроль за содержанием богаделен, сиротских домов и других благотворительных заведений, выделяя для этих целей остатки от патриарших и

монастырских доходов. Остаточный принцип финансирования социальных программ в нашей стране имеет, таким образом, давние исторические корни. Вопросами оказания медицинской помощи ведал в то время особый аптекарский приказ. К этому же периоду времени относятся и первые попытки законодательного оформления социальных программ. При царе Алексее Михайловиче в 1650 г. была издана Кормчая книга, имевшая законодательную силу и поручавшая Церкви и духовенству заботу о вдовах и сиротах.

К концу XVI века на Руси исторически сложились и развивались три основных направления благотворительности и оказания социальной помощи нуждающимся: государственная, земско-церковно-приходская и частная (личная). Весь последующий исторический период времени, вплоть до 1917 г., эти направления благотворительности в Российской Империи развивались, меняя формы и методы оказания помощи нуждающимся в зависимости от конкретных социально-экономических условий и особенностей развития государства.

Значительный вклад в создание системы государственного призрения внес Петр I. К числу его многочисленных заслуг перед Россией следует отнести и то, что он впервые признал обязанность государства по призрению бедных, больных, увечных, сирот и других категорий нуждающихся. Уже к 1718 г. только в Москве было устроено более 90 богаделен, в которых проживало до 4,5 тыс. нищих, слабых и увечных, получавших содержание от казны.

Вопросам государственного призрения были посвящены многие указы Петра I. Так, Указ 1712 г. обязывал организовывать во всех губерниях сеть госпиталей «для самых увечных» и «зело престарелых» людей. Их постройка и содержание поручались магистратам. Указ 1715 г. предписывал создавать при церквях в Москве и других городах специальные госпитали для «ззорных младенцев» (незаконнорожденных). Указ 1724 г. повелевал провести в пределах Империи перепись всех нищих, сирот, больных и увечных, «которые работами себя пропитать не могут»⁴.

Существенные дополнения в эту систему были внесены в период правления Екатерины II. В 1763 г. при ее участии открылся первый в России воспитательный дом – специализированное учреждение для призрения и воспитания детей. В каждой из российских губерний были созданы специальные государственные органы призрения (приказы). На них возлагалось выполнение обширного круга задач – забота о народном образовании, оказание медицинской помощи, благотворительность, нравственное воспитание. Они занимались устройством народных школ, сиротских домов, боль-

ниц, убежищ для неизлечимо больных, богаделен, заботились о безработных.

Хорошо известна российская жалость к опальным людям, к арестантам. В литературе тех лет описывались типичные эпизоды, когда арестантам, идущим по улицам в сопровождении конвоиров, люди подавали что могли. Истоки этого явления уходят в глубину веков. Вплоть до конца XVII века арестантов нередко выпускали из тюрем и заставляли просить подаяние у местного населения с целью хоть как-то свести концы с концами в тюремном хозяйстве, особенно в части пропитания арестантов. Эта нужда оставила отпечаток в отношении общества к людям в арестантской робе, что отразилось в правовых актах. Например, в п. 51 Инструкции тюремному смотрителю 1831 г. записано: «Смотритель обходится с находящимися под надзором его арестантами кротко и человеколюбиво, он старается приобрести их к себе доверенность расспрашиванием о нуждах их, доставлением иногда некоторых пособий, ласковыми при трудах разговорами....».

Благотворительность, опека и попечительство⁵ нашли широкое применение по отношению к лицам, содержащимся в тюремных учреждениях России в указанный период. По содержанию своему они тоже представляли социальную помощь.

К 1917 г. в России действовали тысячи государственных и благотворительных заведений. Не везде эти учреждения функционировали одинаково хорошо. Но система работала. И в этих домах, приютах, больницах и богадельнях бедные люди находили помощь, кусок хлеба, крышу над головой, добро.

Через три месяца после Октябрьской революции 1917 г. Советской властью взамен былой сети богаделен и домов призрения были образованы органы социального обеспечения, в ведомстве которых создавались детские дома, дома инвалидов, престарелых. Понятие «благотворительность» было изъято из официального лексикона как христианский пережиток. В то же время политика государства в отношении лиц, нуждающихся в социальной помощи, продолжала традицию рассматривать их как объект благотворительности и в основном сводилась к назначению им государственной пенсии или помещению в специализированные дома.

Государственная идеология в СССР способствовала формированию в общественном сознании представления о том, что в советском обществе наиболее остро нуждающихся в социальной помощи нет. Гарантированность социальной защиты со стороны государства зачастую носила декларативный характер. Например, большинство инвалидов не могли реализо-

---

⁵ Опека и попечительство являются одной из форм осуществления государственной защиты личности, законных прав и интересов граждан. При этом опека устанавливается над лицами, недееспособными по суду или малолетними. Попечительство устанавливается над гражданами, которые могут осуществлять самостоятельно определенный круг юридических действий. Попечитель оказывает им содействие в реализации ряда прав.

---

⁴ См.: Права и возможности инвалидов в Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2001. С. 6.

вать ряд конституционных прав из-за недостаточных мер государства по использованию их профессиональных возможностей, по обеспечению образования и трудоустройству.

Таким образом, мы проследили на протяжении столетий совершенствование правового механизма в системе отношений «государство – личность», где одним из приоритетных направлений было оказание социальной помощи наиболее нуждающимся гражданам. Проблемы же правового положения жертвы преступления, его социальной защищенности долгое время в нашей стране оставались без внимания.

К сожалению, масштабы и темпы роста преступности, в том числе терроризма и коррупции, и в настоящее время препятствуют осуществлению социальных реформ, порождают у граждан чувство тревоги за свою жизнь и благополучие, снижают доверие к органам власти и управления, к проводимой государством политике, у населения возникает неверие в возможность государства защитить своих граждан.

Наряду с этим в последние пять лет российская уголовная статистика фиксирует увеличение числа коррупционных преступлений: взяточничество выросло на 12%, коммерческие подкупы – на 26,9%. Растет число граждан, ставших в последние годы жертвами террористических актов и находящихся в крайне тяжелом положении, испытывающих материальные трудности и психологический дискомфорт. Особая опасность терроризма заключается в том, что он культивирует насилие как способ решения политических, экономических или личных проблем.

Конституция РФ провозглашает, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом (ст. 52). Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию нанесенного ущерба, а также возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействиями) органов государственной власти или их должностными лицами (ст. 53).

Между тем российское общество слабо защищает жертв преступлений, террористических актов, злоупотреблений властью. Общепринятое международное правило, согласно которому к жертвам преступлений следует относиться с состраданием и уважать их достоинство, в нашем государстве не действует. Защита жертв преступлений государственными органами практически не обеспечивается. Если система учета преступлений и лиц, их совершивших, существует, хотя имеет свои особенности и далека от совершенства, то учет потерпевших вообще не налажен и практически даже не рассматривается как задача уголовной статистики. Тем более игнорируются интересы тех граждан, заявления которых о совершенных на них посягательствах просто скрыты.

В нашем государстве не выработана единая идеология защиты жертвы преступлений, не гарантирована безопасность свидетелей, потерпевших, иных участников уголовного процесса. Так, например, в Федеральном за-

коне «О борьбе с терроризмом»⁶, который был принят в 1998 г., среди основных юридических категорий отсутствует определение понятия «жертва террористического акта», что оставляет вне поля правового регулирования один из важнейших аспектов данной проблемы.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ несколько расширил процессуальные права потерпевшего как участника уголовного процесса. Так, например, следователь с согласия прокурора может вынести постановление о сохранении в тайне данных о потерпевшем, его представителе или свидетеле. В таких случаях указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, который он будет использовать в протоколах следственных действий с его участием. Кроме того, предусмотрена возможность по письменному заявлению лиц, в адрес которых имеют место угрозы насилия, вымогательства и других преступных действий, производить контроль и запись их телефонных и иных переговоров. В целях обеспечения безопасности участников процесса предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено так, чтобы потерпевшего или свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение их другими участниками процесса.

Однако этих мер недостаточно. Нужны реальные гарантии, позволяющие обеспечить безопасность свидетелей, потерпевших, иных граждан, действующих уголовному правосудию по делам о преступлениях террористического характера и иным особо тяжким преступлениям. Необходимо разработать комплекс мер по их защите и выделить целевые средства на их реализацию. Представляется, что все нормы, регулирующие правовое положение жертв преступлений, должны содержаться в федеральном законе «О защите жертв преступлений», необходимость принятия которого говорит сама за себя. Принятие такого законодательного акта помогло бы решить многие проблемы, связанные с восстановлением прав жертв преступлений и оказанием им различной помощи.

---

⁶ См.: ФЗ «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. № 130 (ред. от 21 ноября 2002 г.). Информационно-справочная система «Консультант Плюс».

С. С. Г а л а х о в,
доктор юридических наук, профессор;
А. Л. С и т к о в с к и й,
кандидат юридических наук, доцент
(ВНИИ МВД России)

ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ МОШЕННИЧЕСТВ

В последние годы обстановка в сфере борьбы с мошенничеством резко обострилась. Хотя в структуре корыстной преступности в целом мошеннические посягательства имеют относительно невысокий удельный вес (в среднем в общей массе регистрируемых преступлений мошенничество никогда не превышало 5%), их общественную опасность не следует недооценивать. Она определяется прежде всего особо крупными суммами ущерба, который причиняют мошеннические действия. При этом около половины из них относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности.

Невысокий удельный вес этого вида преступления в общем числе зарегистрированных преступлений можно объяснить его высокой латентностью, причины которой заключены не только в разнообразии способов преступного приобретения чужого имущества, но и в нежелании многих потерпевших заявлять в органы внутренних дел о совершенном преступлении, вызванном, главным образом, неправильным поведением потерпевших. Не в меньшей степени это связано также и с тем, что мошенничество традиционно относят к категории технически сложных по замыслу и исполнению преступлений. Для его осуществления злоумышленники часто объединяются в группы с четким распределением ролей в процессе подготовки и реализации преступного замысла. Организаторы и исполнители нередко обладают высокой квалификацией и глубокими знаниями в области психологии.

Мошенничество все больше приобретает новые свойства. Оно становится особым видом информационного воздействия на человеческую психику, которое состоит во введении в заблуждение одного лица или поддержании уже имеющегося заблуждения путем сообщения ложных сведений либо в несообщении сведений, которые другое лицо должно было сообщить с целью побудить распорядиться имуществом (правом на имущество) в интересах обманывающего или третьих лиц. Следует отметить разнообразие способов обманов, их изменчивость в зависимости от социально-экономических условий, виктимное поведение значительной части потерпевших, переходящее зачастую в неправомерные действия.

Термин «мошенничество» является производным от старославянского слова «мошна», т. е. «хранилище денег», «кошелек» и издревле служило синонимом слов: жулик, тать, вор – т. е. человек, посягающий на деньги,

ценности, иное имущество, т. е. на блага¹. Юридическое определение мошенничества лаконично и достаточно конкретно: «Мошенничество, т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» (ч. 1 ст. 159 УК РФ).

Как видно из анализа диспозиции ст. 159 УК РФ, определяющими моментами, характеризующими мошенничество, являются: 1) хищение; 2) приобретение прав на чужое имущество; 3) обман; 4) злоупотребление доверием.

Структурно юридическое определение мошенничества может быть представлено в виде четырех вариантов сочетаний целей и путей (способов) достижения криминальной цели, приведенных в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

		Цели мошенничества	
		Хищение	Приобретение права на чужое имущество
Пути (способы) мошенничества	Обман	1.1. Хищение путем обмана	1.2. Приобретение права на чужое имущество путем обмана
	Злоупотребление доверием	2.1. Хищение путем злоупотребления доверием	2.2. Приобретение права на чужое имущество путем злоупотребления доверием

Основные тенденции мошенничества. Его виды

Статистический анализ мошенничеств за последние 17 лет характеризует этот вид преступлений как наиболее динамичный из числа всех видов корыстных преступлений: их среднегодовой прирост на протяжении указанного периода превысил 5 тыс. преступлений; за десятилетие (с 1988 г. по 1998 г.) количество мошенничеств выросло в 6,2 раза. Рекордный прирост пришелся на период с 1992 г. по 1994 г., когда за два года количество преступлений рассматриваемой категории выросло в 3 раза.

В соответствии со среднесрочным прогнозом через 5 лет количество регистрируемых мошенничеств с высокой степенью вероятности может составить 100-140 тыс. преступлений, т. е. по сравнению с уровнем 2002 г. почти удвоиться.

¹ Тип словообразования, когда преступника именуют по предмету посягательства, характерен и для других народов. Так, например, «кошелек» по-немецки *Bentel*, а слово *Bentelscheider* означает «жучок»; *taska* – по-чешски «сумка», а *taskar* – «негодяй» и т. п.

Таблица 2

Динамика мошенничеств в России

Год	Зарегистрировано преступлений
1987	15744
1988	13317
1989	15196
1990	19849
1991	20001
1992	23280
1993	58173
1994	70166
1995	71783
1996	74624
1997	77763
1998	83379
1999	83654
2000	81456
2001	79296
2002	69346
2003	87471

«Взрывной» характер динамики мошенничества, так же как и динамики группы (комплекса) преступлений, связанных с экспансией (захватом) жизненных благ, прежде всего материальных, обусловлен переживаемой Россией системной перестройкой, ее противоречивым характером и перверсиями.

Рынок, частный бизнес, раскрепощение деловой инициативы, а также потребность простого выживания буквально «опрокинули» россиян в ранее достаточно чуждый им мир гражданских правоотношений, в котором действуют физические и юридические лица (товарищества, ООО, фонды) с немислимыми ранее наименованиями и полномочиями, появились неслыханные ранее объекты гражданских прав, разновидности возможных сделок, довольно сложные (и неустоявшиеся) формы, процедуры защиты прав и т. д.

Бывший «советский человек» оказался явно неподготовленным к реалиям нового для него мира. Эту ситуацию по аналогии можно назвать ситуацией внутренней или субъектной аномалии, порождающей не только расте-

рянность и недоверие к власти, но и крайнюю незащищенность перед различного рода аферистами, т. е. мошенниками, обманным путем эксплуатирующими низкий уровень гражданско-правового опыта и знаний россиян.

Однако, мошенничество как таковое – предмет не только односторонних действий мошенников, но прежде всего продукт общения мошенника с жертвой, причем с позиции злоумышленника это общение имеет характер своеобразной, иногда опасной игры, сценарий которой преступником обдумывается заранее и исполнение которой требует определенного артистизма. Подавляющее большинство видов мошенничества – это карикатура, извращение рынка товаров и услуг, в котором нарушается главный рыночный принцип – эквивалентного обмена. Причем жертва сама нередко попадает на этот рынок, руководствуясь корыстным мотивом.

Виды мошенничества определяются «профессиональной» классификацией мошенников: 1) «шулеры» – карточные мошенники, «работающие» с использованием «ловкости рук», т. е. манипуляции с картами, их крапление, передергивание и т. п. Ближе всего к шулерам стоят современные «наперсточники»; 2) «кукольники» – виртуозы имитации и подмены вещей или денег; 3) «шнейерзоны» – торговцы фальшивыми ценностями, причем в качестве приманки может фигурировать подлинный товар, но фактически покупателю вручается подделка, предметом этого вида «торговли» чаще всего являются вещи из драгоценных металлов; 4) «фармазоны» («вольные каменщики») – разновидность шнейерзонов, сбывающих поддельные драгоценные камни; 5) «аферисты» – дельцы, специализирующиеся в широком диапазоне экономической деятельности, в том числе рыночных отношений.

Личность мошенника в определенной мере отличается от личности других преступников, например воров, грабителей, хулиганов. В большинстве своем мошенники обладают хитрым, изворотливым умом, развитым воображением и фантазией, умением заинтересовать и расположить к себе людей, наделены актерскими способностями. Они умело используют те или иные благоприятные обстоятельства для осуществления преступных действий либо изменяют, приспособливают их в соответствии с преступным замыслом.

Условно мошенников можно разделить на четыре категории:

случайные мошенники, впервые совершившие преступление под влиянием обстоятельств или других лиц;

лица, ранее судимые за мошенничество и другие преступления, в том числе рецидивисты, не имеющие постоянного источника дохода;

граждане, обычно не судимые, совершающие «продолжаемое мошенничество», состоящее в получении каких-либо материальных благ;

мошенники-профессионалы, образ жизни которых связан с систематическим совершением этого вида преступлений, являющихся для них основным источником средств к существованию. Мошенничества совершаются ими преимущественно одним излюбленным способом.

Эффективность применения обмана зависит от использования личностных особенностей обманываемого. Несмотря на схожесть биологической и социальной природы людей, их индивидуальные различия довольно велики. Соответственно, к каждому человеку существует особый подход, позволяющий проникнуть в глубины его души и воздействовать на его мысли и поступки.

Проведенный опрос оперативных сотрудников, специализирующихся на борьбе с мошенничеством, показал, что лица, совершающие мошенничество, обладают определенными личностными качествами, такими как:

- общительность;
- способность быстро вступать в контакт с людьми;
- наблюдательность;
- способность влиять на людей;
- организаторские способности;
- решительность;
- способность располагать к себе людей;
- осторожность;
- способность разбираться в людях;
- внимательность;
- ясность, критичность ума, изобретательность;
- способность ориентироваться в сложной и быстро меняющейся обстановке, разыгрывать определенные роли;
- болтливость, развитое воображение;
- склонность к противоправной деятельности, опыт совершения правонарушений;
- судимость в прошлом;
- устойчивые контакты с лицами, составляющими криминогенную среду, посещение мест концентрации лиц, представляющих оперативный интерес.

Мошенники сначала стремятся внушить своим потенциальным жертвам чувство полного доверия и лишь после этого приступают непосредственно к обману. Для этих целей они формируют соответствующую репутацию и создают имидж правдивого, честного человека, используя при этом доверительный тон разговора, обеспечивая не критическое восприятие со стороны объекта обмана.

Характерной особенностью мошенничества, как уже было сказано выше, является достаточно высокий уровень латентности, главная опасность которой заключается в том, что она объективно создает условия для формирования у преступников чувства безнаказанности и готовности к повторному совершению ими преступлений, а также к созданию и длительному существованию устойчивых преступных групп мошенников.

Существует значительное количество разновидностей таких групп. Один из родоначальников отечественной криминалистики И. Н. Якимов отмечал, что «специальности мошенников совершенно не поддаются какой-

либо классификации, поскольку обман так же разнообразен, как и человеческая изобретательность». Криминалист имел в виду, конечно, полную научную классификацию мошенников. Рабочая же систематизация видов уголовно наказуемого обмана существовала раньше, существует и теперь. Например, в 20-е годы уголовный розыск учитывал мошенников по 13-ти основным категориям, каждая из которых включала ряд подвидов.

Несмотря на многообразие способов уголовно наказуемого обмана, на широком массиве дел обнаруживается устойчивая тенденция повторяемости элементов способа рассматриваемых преступлений, совершаемых одними и теми же лицами. В частности, в результате анализа многоэпизодных дел о мошеннических посягательствах установлено, что в подавляющем большинстве случаев мошенники или их группы совершают преступления абсолютно одинаковыми способами, включая действия по их подготовке, совершению и сокрытию.

Наиболее распространенными способами мошенничества являются: подбрасывание специально изготовленной денежной «куклы», – в 26,3% случаев;

оказание «содействия» при купле-продаже автомашин, вещей, драгоценностей – в 21,7%;

обман при азартных играх, таких, как наперстки, карты, электронная лотерея (шулерство) – в 18,9%;

иные способы – в 13% случаев.

Мошенничество чаще всего совершается:

на вещевых и продуктовых рынках – 29,1%;

в крупных промышленных магазинах – 23,4%;

в обменных пунктах валюты – 10,4%;

около специализированных магазинов – 19,8%;

в иных местах – 17,3%.

Как было отмечено выше, наибольшее распространение в последнее время получили традиционные виды мошенничества, совершаемые:

при купле-продаже вещей;

при купле-продаже валюты;

при купле-продаже ювелирных изделий;

с использованием документов и формы сотрудников правоохранительных органов.

Вместе с тем особую тревогу вызывает рост новых видов мошенничества. К ним относятся, например, создание фиктивных фирм для сбора денег с населения (под предлогом оформления выезда граждан за рубеж на временные работы, оформления загранпаспортов, виз, турпоездки, сбор приватизационных чеков, продажи необеспеченных акций и других, якобы ценных, бумаг, под предлогом строительства дач, гаражей, установки металлических дверей и т. п.); фиктивное растаможивание частных грузов («втемную») и завладение ими.

Криминологи США У. Альбрехт, Дж. Венц и Т. Уильямс в сфере бизнеса выделяют шесть таких типов афер-мошенничеств, которые, в основном, характерны и для российской преступности².

1. Мошенничество со стороны наемного персонала – самый распространенный тип мошенничества в сфере бизнеса. В США этот тип составляет до 70% всех случаев мошенничества. В России этот тип хищения, когда ценностями путем обмана овладевают работники «родной» фирмы, организации, банка и т. д. также является ведущим. Здесь налицо широкое поле возможностей: воровство наличности из касс, использование наличности не по назначению, оплата личных счетов чеками фирмы, сговор с поставщиками и завышение цены на товар, на транспортные расходы, кража и использование имущества фирмы; фальсификация отчетности о командировках; мошенничество, связанное с выплатой заработной платы, и т. д. В России больше всего распространено именно мошенничество с кассовой наличностью.

2. Когда на путь мошенничества встают сами руководители фирм, то действия, указанные выше, приобретают более масштабный характер. Кроме того, действия руководителей в этих случаях нередко выходят за рамки простого мошенничества (ст. 159 УК РФ) и квалифицируются как специальные формы обмана, влекущие ущерб экономическим отношениям в целом (преступления в сфере экономической деятельности).

3. Мошенничество с инвестициями и финансовое мошенничество. Наиболее массовый характер имеет мошенничество руководителей банков, фирм, ООО и т. п. в тех случаях, когда указанные юридические лица создаются с заведомо преступной целью: собрать инвестиции и кредиты, а затем эти денежные средства похитить (например, с помощью перевода на подставных лиц) или скрыться со всем капиталом и имуществом. К такого рода мошенническим аферам относится не только деятельность знаменитых «пирамид», но и хищение с использованием поддельных финансовых документов, с использованием компьютерных технологий и т. п.

4. Мошенничество со стороны поставщиков. Этот тип мошенничества выражается в обмане, имеющем отношение к качеству и количеству поставляемого товара: при получении платежей поставщик недопоставляет товар, поставляет брак и т. п.

5. Мошенничество со стороны заказчика или клиента – здесь в качестве правонарушителя, не оплачивающего товар или услугу, выступает заказчик или клиент.

6. Мошенничество смешанного типа – это скорее «нетипичные» образцы обмана, когда клиент или иные лица, например, подделывая документы, получают льготы, выплаты и другие блага.

---

² См.: Альбрехт У., Венц Дж., Уильямс Т. Мошенничество – луч света на темной стороне бизнеса / Пер. с англ. СПб., 1995.

Возникшие новые виды мошенничества не были известны правоохранительным органам и населению, и ввиду того, что их совершают группы высокопрофессиональных преступников, наносится огромный (до миллиардов долларов США) ущерб, вызывающий острые социальные и политические последствия, так как потерпевшими становятся десятки тысяч граждан, что говорит о высокой степени общественной опасности и тяжести последствий таких видов мошенничества.

Жертва мошенничества

В самом генезисе мошенничества как преступления при его планировании, построении ситуации и сценария обмана, прогнозировании мотивов поведения жертвы роль последней чрезвычайно высока. Дело в том, что при совершении мошенничества жертва вступает не только в определенный психологический контакт с преступниками, но, хотя бы формально, и жертва и преступник выступают сторонами той или иной сделки, например, купли-продажи, обмена, хранения, поставки и т. д. Как правило, именно эти гражданско-правовые отношения являются прикрытием, за которым скрывается ситуация криминального обмана³. В этой связи первой задачей мошенников является демонстрация, реклама исключительной «выгодности», «привлекательности», «гарантированности» той или иной аферы (ложного обязательства или сделки), к которой он и склоняет будущую жертву. В этом спектакле союзником мошенника, как правило, выступает некоторое психо-духовное свойство личности жертвы, разжечь и возбудить которое нередко не стоит большого труда, поскольку, согласно данным антропологии преступления, в каждой личности дремлют «угли» таких человеческих страстей, как алчность, страх, тщеславие и т. п.

Криминологи справедливо указывают на особый упорный характер виктимности жертв мошенничества и прежде всего на корыстолюбие и правовое невежество. К этой же группе характерологических качеств относятся:

- неосторожность;
- рискованность;
- легкомыслие;
- распущенность;
- провокационность и т. п.

Хотя указанные стороны характера жертв, используемые мошенниками для построения ситуации преступления, не являются обстоятельством, реа-

---

³ Лимонов В. Н. Мошенничество: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: Учеб. пособие. М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 28.

билитирующим самих мошенников⁴, применительно к задаче предупреждения мошенничества этот виктимологический аспект ситуации должен быть учтен в первую очередь.

Анемичное состояние общества, присущее этапу его системного реформирования, коррумпированность чиновничества, крайняя неэффективность правозащиты собственности, недоступность правосудия (пространственно-временная и функциональная), отсутствие гражданско-правового опыта населения, альтернативная теневая экономика, теневой рынок товаров и услуг – вот характеристика того коммуникационного пространства, в котором процветают и мошеннический бизнес, и бизнес мошенничества.

Можно выделить следующие черты современного состояния мошенничества:

- 1) повышается уровень его изощренности, что диктуется новыми сферами функционирования мошенничества;
- 2) появляются новые по содержанию виды обмана; обман приобретает комбинированный, многоуровневый характер;
- 3) потерпевшими оказываются физические и юридические лица, которые, казалось бы, достаточно адаптированы к сложным современным условиям;
- 4) ориентация на крупный размер;
- 5) создание фиктивных фирм;
- 6) вовлечение в сферу мошеннических афер государственных институтов: пенсионного фонда, фонда по безработице, мошенническое получение льгот и т. п.

В настоящее время практически невозможно провести какую-либо инвентаризацию всех вариантов и форм мошенничества, особенно когда речь идет об аферах, т. е. паразитировании на гражданско-правовых отношениях в сфере производства, рынка услуг, финансовых отношений и т. д.

В связи с вышеизложенным для профилактики мошеннических действий сотрудникам уголовного розыска целесообразно осуществлять ряд организационно-практических мероприятий:

- 1) для обеспечения планомерности, наступательности и целеустремленности в борьбе с мошенничеством закрепить конкретных оперативных работников за этим направлением деятельности;
- 2) ориентировать сотрудников патрульно-постовых служб милиции общественной безопасности и внутренних войск на осуществление превентивных действий в отношении уличных мошенников (наперсточников, организаторов настольных лотерейных розыгрышей, «кукольников», «шнейерзонов»); на проверку у данных лиц паспортов и соответствующих лицензий

⁴ Статья 61 ч. 1 п. «з» в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, признает «противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления». Однако в ГК РФ (ст. 1083) в случае «грубой неосторожности» самого потерпевшего размер возмещения ему причиненного вреда должен быть уменьшен.

с дальнейшей передачей установочных данных в подразделения уголовного розыска; в случаях поступления жалобы от обманутых граждан на оформление соответствующие объяснения, задерживать подозреваемых в мошенничестве и доставлять их в ближайший орган внутренних дел;

3) в местах постоянной «работы» уличных мошенников для выяснения механизма обмана и количества лиц, в нем участвующих, практиковать проведение личного сыска; осуществлять скрытое наблюдение силами негласного аппарата. В случае обнаружения признаков преступления – планировать операции по задержанию мошенников с поличным;

4) при проведении профилактической работы с населением доводить правила поведения граждан, которых нужно придерживаться, чтобы не стать обманутыми различного рода мошенниками. В этих целях указанные правила целесообразно распространить на информационных досках, расположенных в местах массового скопления граждан (вокзалах, рынках, опорных пунктах милиции, паспортных столах и т. п.); в сети Интернет (в том случае, если орган внутренних дел имеет свой собственный сайт в сети).

В порядке рекомендации работникам уголовного розыска представляем примерную памятку по правилам поведения граждан.

*   *
   *
   *
   *

Помните, мошенник – всегда актер и очень умело играет роль добропорядочного человека. Чтобы войти в доверие к своей жертве, он использует богатый набор выдумок и ловушек. Не будьте слишком доверчивы к незнакомым или малознакомым людям.

Никогда не подключайтесь к играм в рулетку, кости, лото, наперстки, любым уличным лотереям, карточным и прочим азартным развлечениям. Даже если вас стараются вовлечь в такие игры, предлагают поддержать кон, сыграть «по маленькой», в складчину, соблазняют заманчивыми перспективами быстрого обогащения, не спешите принять предложение. Помните, что все это придумано, главным образом, для изъятия средств потенциальных жертв мошенничества.

Все виды игрового мошенничества носят групповой характер. В розыгрыше участвуют несколько человек – порой до 10 и более. Присмотритесь к людям, находящимся рядом с игорным столом или лотерейным барабаном, и вы обнаружите, что в розыгрыше участвует целая группа сообщников, роли между которыми строго распределены.

Давая деньги в долг, не стесняйтесь брать письменные расписки даже у хороших знакомых. При крупных заемных суммах надежней воспользоваться услугами нотариуса. Никогда не отдавайте свои деньги незнакомым людям даже на самое короткое время.

Многие мошеннические операции совершаются преступниками с деньгами или ценностями полученными «на время» от потенциальных потерпевших, – «ломка» купюр, «кукла», «переворот» и ряд других. Так что, выпустив из собственных рук ценности всего «на секунду», вы рискуете лишиться их навсегда.

Старайтесь не приобретать товар у частных лиц. Если в силу каких-либо обстоятельств вы вынуждены вступить в контакт с продавцом-частником, не делайте это в одиночку. Пригласите присутствовать при торговой сделке одного, а еще лучше – двух человек, которым вы абсолютно доверяете. Если покупка упакована, прежде чем оплатить ее, проверьте вещь в присутствии продавца. При расчете с продавцом держите вещь в руках или передайте ее спутнику. Тем самым вы будете гарантированы от возможной подмены покупки во время расчетов за товар.

С повышенной осторожностью следует относиться к предложениям незнакомых людей купить у них дорогие, пользующиеся повышенным спросом вещи, ювелирные изделия, драгоценности по умеренной цене или даже ниже их фактической стоимости. Мошенник запрашивает всегда лишь небольшую сумму сверх реальной стоимости вещи или даже снижает ее в уверенности, что он выманит деньги у покупателя и сохранит товар у себя или подсунет ему фальшивку. В подобных заманчивых предложениях незнакомых людей, наряду с возможностью лишиться собственных денег, для вас таится и другая опасность – вещь может оказаться ворованной.

Не спешите доверяться людям, навязывающим вам свои услуги, особенно малознакомым, активно афиширующим свои возможности и связи в высших эшелонах власти, в сфере обслуживания, торговли, в правоохранительных органах и проч. Присмотритесь к ним и подумайте о мотивах их поведения.

Относитесь критически к просьбам материального порядка, исходящим от незнакомых людей. Даже если посетитель отрекомендовался представителем какой-либо государственной организации, общественного или благотворительного фонда, не передавайте ему денежных средств. Разговор с такими просителями следует всегда вести в присутствии свидетелей – родственников, соседей, знакомых. Приглашение к участию в разговоре третьих лиц и реакция посетителя на ваше решение безошибочно подскажут, тот ли это человек, за которого он себя выдает.

Не постесняйтесь попросить посетителя предъявить документ, удостоверяющий его личность и служебное либо общественное положение, а также телефон организации, которую он представляет. Визитная карточка не удостоверяет личность ее предъявителя. Наиболее верное средство установить истину – по названному посетителем телефону позвонить в организацию, которую он представляет, и уточнить, числится ли в их штатах такой сотрудник.

Наиболее опасным видом данного типа мошенничества являются так называемые самоуправные обыски. В любом случае – возникли у вас какие-нибудь сомнения в отношении прибывших на обыск либо нет – изыщите возможность позвонить в милицию или в прокуратуру и перепроверьте полномочия явившихся к вам людей.

Не предоставляйте свое жилье случайным людям. У претендентов на снятие вашей квартиры даже на самое короткое время потребуйте паспорт, другие документы. Постарайтесь получить как можно более широкую информацию о тех, кто будет жить в ваше отсутствие в квартире. Не забывайте, что ваш телефон может превратиться в мини-центр международных связей или междугородный переговорный пункт.

Решив продать или обменять свое жилье, ни в коем случае не вступайте в переговоры по этому вопросу с частными лицами или малоизвестными фирмами. Операции с жильем весьма трудоемки и не терпят поспешности. Лучше потратить определенное время и найти фирму, специализирующуюся на сделках с недвижимостью и имеющую твердую репутацию. Обратитесь в юридическую консультацию и заключите договор с адвокатом, который сможет вас проконсультировать и окажет помощь при составлении необходимых документов с учетом ваших интересов.

Не спешите доверяться рекламе, призывающей вас отдать свои сбережения той или иной финансовой компании. Решив иметь дело с банком, компанией, прежде всего убедитесь, имеет ли данная организация лицензию на право проведения операций с привлечением средств населения. Далее воспользуйтесь своим правом вкладчика и потребуйте у служащих заинтересовавшей вас организации балансовый отчет, чтобы уяснить для себя, не превышают ли ее расходы получаемых доходов. Только после этого принимайте окончательное решение о том, доверить ли ей свои сбережения.

Нередко жертвой мошенников становится тот, кто сам пытался обойти закон, действующие правила и нормы. В таких ситуациях «ловкачи» и попадают на удочку более опытных правонарушителей. Если не хотите быть обманутым, всегда строго соблюдайте действующие законы, правила и предписания.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Собственность является основой любого общества. Она определяет его экономическую формацию, политический строй. Собственность, во-первых, является средством удовлетворения интересов граждан, их объединений, а также всего общества в целом в производстве материальных благ, удовлетворения с их помощью своих материальных и духовных потребностей и, что особенно важно, обеспечивает долговременность и стабильность удовлетворения потребностей. Во-вторых, собственность предоставляет экономическую власть¹ над отношениями, возникающими по поводу использования предметов, по праву принадлежащих собственности. Эта власть порождает экономическую свободу в отношениях с другими людьми, а в итоге вносит весьма существенный вклад в обеспечение свободы в полном понимании смысла этого слова.

Собственность имеет двоякий характер: как экономическое явление и как юридический феномен. В качестве экономической категории собственность представляет собой общественные отношения непосредственного производства и неотделимые от них общественные отношения распределения, обмена (обращения) и потребления. В качестве юридической категории собственность представляет собой отношения владения, пользования и распоряжения объектом собственности, отражающие общественные отношения производства, распределения, обмена и потребления, закрепленные в нормах права². Именно во взаимосвязи этих сторон, по мнению представителей различных отраслей знаний – философов, экономистов, юристов, – отношения собственности приобретают свою специфику и качественную определенность. Из сказанного следует, что в общем виде право собственности может быть определено как юридическое закрепление сложившегося в обществе порядка присвоения средств производства и результатов труда, а также возможностей субъектов по использованию принадлежащего им имущества³.

¹ Термин «власть» в данном контексте носит несколько специфический характер, по сравнению с конституционной ее трактовкой, где он используется для характеристики системы управления обществом (государственная власть, законодательная власть, исполнительная власть и т. д.). Представляется, что в рассматриваемом нами значении этот термин хорошо передает сущность правоотношений, основанных на собственности, где у законного собственника присутствует правомочие распоряжения собственностью и обеспечения неприкосновенности ее от любых посягательств.

² См.: Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 619.

³ При определении понятия «имущество» мы опираемся на формулировку, данную Г. П. Савичевым и Е. А. Сухановым в учебнике «Гражданское право». М., 1994. Т. 1. С. 112.

Необходимость правового регулирования и оформления имущественных связей объективно обусловлены, так как человек имеет возможность воздействовать на процессы присвоения материальных благ. Он может обеспечить их соответствие объективным законам развития общества. Это становится возможным в том случае, когда человек, как субъект общественных отношений собственности, следует правовым нормам, закрепленным в данном обществе, которые придают отношениям собственности гарантированность, упорядоченность, стабильность, определенность.

Следовательно, деятельность в отношении собственности осуществляется под воздействием внешних правил и требований, исполнение которых составляет юридические права и обязанности. Но при этом субъект самостоятельно и осознанно вступает в обязательства по поводу имущества, определяя своими интересами и волей их направленность, содержание и результат. Правовое регулирование этой части общественных отношений имеет три направления. Во-первых, государство законодательно устанавливает, какие виды имущества могут являться собственностью определенных групп субъектов и как должны распределяться результаты производственного использования этого имущества. В этом проявляется статическая функция права собственности. Во-вторых, право не только пассивно фиксирует в своих нормах реально существующие имущественные связи и отношения, но и закрепляет объем возможностей использования субъектами принадлежащего им имущества⁴. В-третьих, юридически закрепляются средства охраны прав и интересов собственника.

Одним из принципиально новых положений, содержащихся в Конституции РФ, принятой в 1993 г., является институт частной собственности, признание ее и защита равным образом со всеми остальными формами собственности. Основной Закон гарантирует также создание и поддержание единого экономического пространства, свободу экономической деятельности, что является необходимым условием построения экономических отношений нового типа. Статья 8 Конституции РФ перечисляет основные формы собственности, признаваемые в Российской Федерации: частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Признание и защита равным образом названных форм собственности являются результатом демократических преобразований в стране. Статья 35 Конституции РФ является продолжением и юридическим обеспечением ст. 8 Конституции РФ. Норма, содержащаяся в ч. 1 ст. 35 об охране права частной собственности законом, имеет два смысловых значения. Во-первых, право частной собственности вводится в Конституцию РФ как важнейшее право человека и гражданина. Во-вторых, право частной собственности находится под охраной закона. Все нормативные акты, выполняющие функцию охраны права частной собственности, должны соответствовать закону.

⁴ См.: Пугинский Б. И., Сафиуллин Д. Н. Правовая экономика. М., 1991.

Часть 3 ст. 35 устанавливает юридические гарантии права частной собственности. Прежде всего собственнику гарантируется, что он не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда. Под лишением имущества понимается принудительное прекращение права собственности на конкретное имущество. Прекращение права собственности возможно в форме приговора как санкции за совершенное преступление или в форме судебного решения, подтверждающего правомерность акта органа государственной власти о прекращении права собственности на изымаемое имущество, или решения, признающего такой акт незаконным; в таком случае изъятое имущество возвращается собственнику.

Статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину⁵ защиту его прав и свобод, к которым и относится право частной собственности. Данная статья является логическим продолжением ч. 1 ст. 35, где гарантируется защита права частной собственности законом. Частью 2 ст. 46 Конституции РФ предусмотрено право на обжалование решений и действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц в суде. Это понятие полностью распространяется и на отношения, связанные с незаконным отчуждением имущества, принадлежавшего на праве частной собственности отдельному лицу.

Из сказанного выше следует, что государственно-правовое регулирование отношений собственности складывается из следующих норм. Во-первых, устанавливающих саму возможность принадлежности материальных благ определенным лицам. К ним относятся нормы о формах собственности, признаваемых и охраняемых государством. Во-вторых, нормы, устанавливающие характер и границы поведения владельцев имущества, охраняемые законом, т. е. их правомочия. В-третьих, правовые способы защиты владельцев материальных благ от посягательств других лиц на присвоенное (законным способом) ими имущество.

Нормы Конституции РФ получают развитие в различных отраслях права. Так, положения о формах собственности отражены также в гражданском законодательстве. Способы приобретения и прекращения прав на имущество регулируются гражданским, административным законодательством. Конституционные нормы, устанавливающие характер и границы поведения субъектов права собственности, находят продолжение в гражданско-правовых нормах о правомочиях собственника и других владельцев имущества. И, наконец, способы защиты права собственности развиваются в нормах гражданского, уголовного, административного права о защите отноше-

ний собственности⁶. Несмотря на разноотраслевой характер правового регулирования отношений собственности, ведущая роль, несомненно, принадлежит гражданско-правовым нормам. Но даже гражданско-правовое оформление этих отраслей различается в зависимости от их особенностей.

С изменением структуры собственности (признанием частной собственности) и круга участников гражданско-правовых отношений (разрешением частным лицам вести не запрещенную законом коммерческую деятельность) появилась возможность возродить и утвердить принципы частного права. В п. 1 ст. 1 ГК РФ названы общепризнанные принципы частного права, составляющие основные начала современного гражданского законодательства РФ. Во-первых, в качестве обязательной предпосылки правового положения лиц, участвующих в имущественных отношениях, признается юридическая независимость каждого из них, основанная на имущественной обособленности каждого. Юридическое равенство признается за гражданином, объединением граждан, юридическим лицом независимо от того, является ли субъектом гражданских правоотношений Российская Федерация, ее субъект или муниципальное образование. Во-вторых, Конституция РФ (ст. 8) и ГК РФ (ст. 212) признают и защищают равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности⁷. В этом принципиальное отличие современного гражданского законодательства от предыдущего.

К регулируемым в ГК РФ имущественным отношениям относятся не все имущественные отношения, а только часть, избранная законодателем, а именно: отношения собственности и гражданского оборота движимого и недвижимого имущества, результаты интеллектуальной деятельности, основанные на равенстве участников этих отношений, независимости их волеизъявления в возникновении, изменении и прекращении отношений, имущественной обособленности каждого из них, имущественной самостоятельности (п. 1 ст. 2 ГК РФ). К имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством (п. 3 ст. 2 ГК РФ).

---

⁶ Во второй части нашей работы будут рассмотрены случаи защиты отношений права собственности, когда к собственнику применяются имущественные и иные санкции в связи с злоупотреблением правом собственности, владением предметами, изъятыми из гражданского оборота, самоуправством и т. д.

⁷ Понятие «иные формы собственности» ни в Конституции РФ, ни в ГК РФ не раскрывается. Существует мнение, что под этим термином подразумевается собственность общественных организаций. По нашему представлению, общественная собственность является одной из разновидностей частной собственности, так как общественная организация может быть создана как юридическое лицо и вправе осуществлять предпринимательскую деятельность в пределах установленной правоспособности.

---

⁵ В соответствии с ч. 3 ст. 62 Конституции РФ иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами наравне с гражданами Российской Федерации. Поэтому здесь и далее под термином «гражданин» мы подразумеваем как граждан Российской Федерации, так и иностранных граждан, и лиц без гражданства.

Основное содержание права собственности раскрывается через триаду правомочий собственника. Согласно п. 1 ст. 209 ГК РФ собственник вправе владеть, пользоваться, распоряжаться своим имуществом. Под правомочием владения понимается основанная на законе возможность иметь данное имущество, т. е. реально им обладать. Такая возможность имеет предусмотренное законом основание (титул) и называется законным или титульным владением. Под правомочием пользования понимается возможность эксплуатации, хозяйственного или иного использования имущества, когда собственник имеет право извлекать из имущества пользу, выгоду, для которых предназначено имущество. В соответствии со ст. 136 ГК РФ именно собственник получает от имеющегося у него имущества плоды, продукцию и доходы. Данное правомочие тесно связано с правомочием владения, так как собственник может пользоваться своим имуществом, одновременно владея им. Под правомочием распоряжения понимается возможность определять юридическую судьбу имущества, изменять принадлежность собственного имущества, его состояние и назначение, а именно: дарить, продавать, давать в залог, сдавать в аренду и прочее. Это правомочие отличает собственника от иных владельцев.

Правомочия собственника вводятся современным гражданским законодательством в п. 1 ст. 209 ГК РФ. Но, разумеется, правомочия собственника не безграничны. Собственник несет бремя содержания имущества (ст. 210 ГК РФ). По общему правилу именно собственник несет бремя финансовых расходов по содержанию принадлежащего ему имущества в надлежащем состоянии. Другой важной обязанностью собственника является уплата налогов, в том числе и налогов на имущество. Также собственник несет риск случайной гибели имущества или случайного его повреждения (ст. 211 ГК РФ). Из данного правила могут быть исключения, например, когда переход права собственности при передаче имущества ставится в зависимость от соглашения сторон. Стороны могут, изменив момент перенесения на приобретателя права собственности, изменить тем самым момент перехода на него риска случайной гибели имущества⁸.

Специфика права собственности заключается не столько в передаче правомочий, сколько в их характере, так как правомочия собственника дают возможность исключать всех других лиц от хозяйственного господства над принадлежащим ему имуществом, если на то нет воли собственника.

Гражданское законодательство осуществляет защиту права собственности. Глава 2 ГК РФ вводит нормы, регламентирующие защиту прав собственности, как составную часть гражданских прав, защищаемых ГК РФ, в широком смысле. Статья 12 ГК РФ называет одиннадцать способов защиты гражданских прав, но этот перечень не является исчерпывающим. Среди названных в статье способов защиты можно выделить: способы, осуществ-

ляемые только судом, способы, которые могут быть использованы как без обращения в суд, так и с помощью суда, самозащиту гражданских прав без участия суда. Каждый из перечисленных в статье способов может применяться как обособленно, так и в совокупности с другими способами.

Обратимся к гражданскому законодательству в части его норм, регламентирующих судебную защиту. Так, ст. 11 ГК РФ конкретизирует конституционную норму о гарантиях судебной защиты прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ). Она закрепляет два важных положения: а) гражданские права подлежат судебной защите независимо от наличия соответствующей нормы в ГК РФ или иных законодательствах; б) суд защищает как нарушенное, так и оспариваемое право. Статья определяет судебные органы, осуществляющие защиту гражданских прав, которыми являются суды общей юрисдикции, арбитражные суды и третейские суды. В данной норме не производится разграничение подведомственности дел. Последнее определяется процессуальным законодательством, соответственно, ГПК и АПК. По соглашению сторон спор может быть передан на разрешение третейского суда. Порядок передачи дел на его рассмотрение определяется соответствующими нормативными актами. Решение третейского суда исполняется сторонами добровольно. В противном случае основанием исполнения является или исполнительный лист суда общей юрисдикции, или приказ арбитражного суда.

Глава 20 ГК РФ посвящена защите права собственности и других вещных прав. Так, ст. 301 ГК РФ защищает право собственности как вещное право. Из этого вытекает способ защиты – возможность истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. Данный в ст. 306 ГК РФ способ защиты осуществляется на основе ст. 12 ГК РФ, предусматривающей одним из способов защиты гражданских прав (право собственности в нашем случае) иск о признании права собственности на спорное имущество. В ст. 304 ГК РФ законодатель ввел норму о защите прав собственника от нарушений, не связанных с лишением права владения. Согласно этой норме собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения. Такой иск направлен на защиту правомочия пользования имуществом. Наибольшее распространение данный иск получит в двух случаях: а) когда собственник одной части неделимого имущества препятствует осуществлению правомочий пользования и распоряжения собственником другой части этого же неделимого имущества; б) когда необходимо устранить препятствие в распоряжении и использовании ошибочно арестованного имущества.

Таким образом, экономические отношения собственности регулируются нормами различных отраслей права. В данной статье сделана попытка уяснить правовой режим общественных отношений, складывающихся по поводу собственности, их регулирование и защиту в рамках Конституции РФ и ГК РФ.

⁸ См.: Комментарий к ГК РФ. Ч. 1. М., 1995. С. 258.
101

М. В. Гончарова
(ВНИИ МВД России)

**ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ
КРАЖ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ
С ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ОСОБЕННОСТЯМИ**

Органы внутренних дел в профилактике преступлений занимают ведущее положение, поскольку, наряду с непосредственным выполнением индивидуально-профилактической работы, они дополнительно объединяют усилия всей системы субъектов предупредительной деятельности¹. Профилактическая функция органов внутренних дел – это прямая обязанность, установленная законом (ст. 2, 8, 9 Закона РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. в числе основных задач милиции называют и сугубо профилактическую – предупреждение и пресечение преступлений).

Правовые основы профилактики преступности составляют «Положение о Министерстве внутренних дел РФ», «Наставление о деятельности служб и подразделений органов внутренних дел по предупреждению преступлений», «Инструкция по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних» и др. Эти нормативные акты регламентируют основные направления и формы профилактики, компетенцию субъектов, основания для применения мер индивидуально-профилактического воздействия, а также предусматривают гарантии защиты прав и законных интересов лиц, в отношении которых они осуществляются.

«Наставление о деятельности служб и подразделений органов внутренних дел по предупреждению преступлений» дает следующее определение предупреждения преступлений: «Это вид деятельности органов внутренних дел, осуществляемый в пределах их компетенции, по предотвращению или пресечению преступлений и административных правонарушений, выявлению причин и условий, способствующих их совершению, принятию мер к устранению данных обстоятельств, воздействию на лиц с устойчивым противоправным поведением с целью недопущения с их стороны преступных деяний».

Профилактика преступного поведения лиц с психическими аномалиями представляет сложную научную и практическую проблему. Одно из важнейших условий ее успешности – постоянное взаимодействие правоохранительных органов и органов здравоохранения, их совместные усилия в ос-

новных сферах жизнедеятельности людей². Это справедливо и в отношении лиц с патопсихологическими особенностями, совершающих кражи.

В настоящее время основы взаимодействия органов внутренних дел с психиатрическими учреждениями при предупреждении преступлений урегулированы совместным приказом Минздрава и МВД России от 30 апреля 1997 г. «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами».

При планировании предупредительных мероприятий в отношении лиц с патопсихологическими особенностями органами внутренних дел должны предусматриваться формы сотрудничества с учреждениями системы здравоохранения.

Необходимо планировать специальные мероприятия по получению нужной медицинской, психиатрической информации, а также по использованию помощи психиатров; совместные мероприятия, направленные на формирование у правонарушителя установки на лечение (наблюдение) у психиатра, что во многом может предопределить его готовность следовать тем советам и рекомендациям, которые будут высказаны врачом и сотрудником милиции. Это в первую очередь относится к лицам с такими аномалиями психики, принудительное лечение которых не предусмотрено законодательством.

Среди других специфических мероприятий, которые необходимо осуществлять органам внутренних дел во взаимодействии с психиатрами, можно назвать:

установление периодичности психиатрического освидетельствования, стационарного лечения или амбулаторного наблюдения у специалиста;

принудительное освидетельствование всех несовершеннолетних правонарушителей;

осуществление мероприятий социальной помощи, в необходимых случаях оформление группы инвалидности для лиц, утративших трудоспособность, оформление опеки или попечительства, направление не имеющих определенного места жительства в специальные общежития для лиц, страдающих психическими расстройствами и утративших социальные связи;

помощь психиатру в выполнении его рекомендаций;

выявление психического неблагополучия в семье правонарушителя и других неформальных группах, членом которых является профилактируемый, мероприятия по устранению такого неблагополучия;

изменение характера труда по медицинским показателям, оказание помощи в трудоустройстве и профессиональном обучении;

¹ См.: Кириллов Д. А. Индивидуальная профилактика преступлений органами внутренних дел. Тюмень, 1994. С. 44.

² См.: Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М.: Наука, 1987. С. 179.

для несовершеннолетних с психическими отклонениями можно планировать их перевод для обучения во вспомогательную школу³.

Предупредительные мероприятия должны быть направлены на недопущение общественно опасных действий лиц, которые в случае признания их невменяемыми уголовной ответственности не несут, и на профилактику преступлений лиц, имеющих психические отклонения, но которые судом признаются вменяемыми.

Предупреждение краж, совершаемых лицами с патопсихологическими особенностями, охватывает деятельность по устранению криминогенных факторов, обеспечению наиболее благоприятных условий жизни, формированию личности, особенно на ранних этапах ее социализации.

В основу социально-психиатрической профилактики должен быть положен принцип сочетания и взаимодополняемости социальных и медицинских мер, сближения специальных криминологических и медико-реабилитационных программ. Такая профилактика представляет собой комплексную деятельность, направленную на то, чтобы не допустить становления на преступный путь лиц с психическими аномалиями, образ жизни и поступки которых свидетельствуют о такой возможности. Она должна осуществляться путем своевременного выявления и учета этих лиц, применения к ним воспитательных, принудительных и медицинских мер, создания благоприятных жизненных условий, оказания помощи в решении трудовых и бытовых вопросов⁴.

Предупреждение преступлений и общественно опасных действий психически больных и аномальных лиц относится к числу основополагающих задач теории и практики борьбы с преступностью, обеспечения общественного порядка и должно представлять отдельное направление профилактической деятельности. Несмотря на очевидное внимание специалистов на протяжении всей истории криминологии и психиатрии к этой проблеме, многие ее теоретические и организационные аспекты решены далеко не полностью. Уменьшения числа правонарушений, совершаемых лицами с психической ущербностью, не наблюдается⁵.

Число краж, совершаемых лицами с аномалиями психики, также не обнаруживает тенденций к снижению. Группой риска в этих преступлениях

являются лица, состояние которых определяется психопатоподобным, параноидным, психоорганическим синдромами.

Эффективность предупредительной работы с такими лицами остается на низком уровне. Здесь требуется особый подход. Сотрудники правоохранительных органов и учреждений здравоохранения должны это учитывать при организации своей деятельности.

Среди проблем, возникающих в связи с профилактикой краж такими лицами, можно выделить:

социально-психиатрическую профилактику антиобщественного поведения несовершеннолетних;

медицинскую помощь ранее судимым лицам, страдающим психическими аномалиями, алкоголизмом, наркоманией в связи с их ресоциализацией;

социально-психиатрическую профилактику дезадаптивных правонарушений (бродяжничество и др.)⁶;

предупреждение рецидивных преступлений⁷.

В предупреждении краж лицами с психическими аномалиями можно выделить такие направления профилактической деятельности:

в отношении лиц, совершающих мелкие корыстные правонарушения, сконцентрировав особое внимание на несовершеннолетних и детях;

в отношении возможных и частых объектов посягательств со стороны воров;

исправление воров в местах лишения свободы;

профилактику повторных преступлений со стороны лиц с ущербной психикой после отбытия ими наказаний или выписки из больниц после прохождения курса принудительного лечения.

Основой ранней профилактики правонарушений являются мероприятия медико-социального характера. Практика показывает, что профилактика преступного поведения лиц с отклоняющейся психикой невозможна, если не будет оказываться качественная психиатрическая помощь тем, кто в ней нуждается⁸.

Раннепрофилактические мероприятия предполагают: выявление, диагностирование и учет лиц с психическими аномалиями; прогнозирование противоправного поведения лица в зависимости от имеющейся у последнего психической патологии, оказание социально-психиатрической и психотерапевтической помощи (в первую очередь на уровне «семья-ребенок»),

³ См.: Антонян Ю. М., Позднякова С. П. Сексуальные преступления лиц с психическими аномалиями и их предупреждение // Криминологические проблемы преступного поведения: Сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. С. 69 – 70; Сыропятов О. Г. Повторные общественно опасные действия психически больных и аномальных лиц и их профилактика. С. 59.

⁴ См.: Антонян Ю. М., Бородин С. В. Указ. соч. С. 165 – 166.

⁵ См., напр.: Антонян Ю. М., Горинов В. В., Саблина Л. С. Преступники с умственной отсталостью // Меры медицинского характера в системе профилактики общественно опасных действий. М., 1987. С. 35; Морозов Г. В., Шостакович Б. В. Теоретические и методологические вопросы профилактики общественно опасных действий психически больных. С. 324.

⁶ См.: Антонян Ю. М., Виноградов М. В., Голумб Ц. А. Преступное поведение лиц с психическими аномалиями и его профилактика // Вопросы борьбы с преступностью: Сб. Вып. 32. С. 59.

⁷ См.: Антонян Ю. М., Бородин С. В. Указ. соч. С. 172.

⁸ См.: Антонян Ю. М., Виноградов М. В., Голумб Ц. А. Указ. соч. С. 52 – 53.

индивидуальную работу с данной категорией лиц; проведение профилактических осмотров; проведение психолого-психиатрических консультаций.

В организации профилактических мероприятий первое место занимает своевременное выявление и учет лиц, склонных совершать кражи, осуществляемые в сотрудничестве медицинских учреждений и правоохранительных органов (постоянный обмен информацией, оказание консультативной помощи и т. д.). Установление круга лиц, в отношении которых необходима профилактика, – основная проблема такой деятельности. Цель выявления – пресечь, предотвратить воровство, выявить замысел о краже, провести работу так, чтобы человек отказался от преступных замыслов. Задача выявления – установление источников, отрицательно влияющих на этих лиц.

Выявление психических отклонений среди воров, состоящих на учете в органах внутренних дел, возможно путем использования данных учета психоневрологических диспансеров (ПНД). Комплексный учет таких лиц до совершения преступления позволяет, с одной стороны, более действенно применять профилактические меры, а с другой – выявлять дополнительный контингент, нуждающийся в наблюдении у психиатра. Кроме того, становится возможным определение круга лиц, которым требуется профилактическое воздействие в первую очередь. Почти 70% воров нашего исследования состояли на учете и наблюдались у психиатра во внебольничных учреждениях. Представляется, что своевременно предпринятые профилактические меры помогли бы удержать их от совершения краж.

Выявляя психические отклонения среди лиц, состоящих на учете в органах внутренних дел, по данным ПНД, необходимо уделять первоочередное внимание психиатрическому диагнозу, наличию возрастных особенностей, судимости и некоторым другим факторам⁹.

Сотрудники органов внутренних дел для выявления лиц с психическими аномалиями, которые могут совершить кражи, в числе прочих должны ориентироваться на признаки, дающие основание подозревать наличие таких аномалий. К ним можно отнести:

наличие в семье душевнобольных, родителей-алкоголиков или наркоманов;

безнадзорность в детском и подростковом возрасте, употребление алкогольных напитков или наркотических средств, бродяжничество, попрошайничество;

совершение в детском или раннем подростковом возрасте краж и других правонарушений;

эмоциональную тупость, слабоумие, значительную педагогическую запущенность, существенно препятствующую установлению нормальных социальных связей и отношений, и т. д.

Выявление лиц, подлежащих профилактическому воздействию, тесно связано с постановкой на учет объекта профилактики краж. Решая вопрос о постановке лица на профилактический учет, необходимо иметь в виду, что сама по себе аномалия психики без учета всех других данных, характеризующих личность (ее мотивационную сферу, поведение, социальные связи), еще не является основанием для постановки на такой учет, в отличие от медицинского учета. В наборе же с другими признаками, отрицательно характеризующими человека, психическая аномалия становится значимой для прогнозирования поведения лица, склонного к совершению преступных действий¹⁰.

Учет лиц с психическими аномалиями и асоциальным поведением, могущих встать на противоправный путь, сосредоточен в органах внутренних дел и влечет применение воспитательных и иных мер, что нельзя расценивать как ущемление прав и интересов личности. Смысл и цель учета состоит в том, чтобы удержать человека от совершения преступления и тем самым избежать уголовного преследования и наказания. В ходе предупредительного воздействия ему должна оказываться разносторонняя социальная, в том числе медицинская, помощь, должны применяться меры реабилитации.

Знания о личности являются основой прогнозирования поведения этих лиц. Индивидуальный прогноз придает профилактическим усилиям не только упреждающий, но и конкретный характер. Чем полнее информация о личности, чем больше принято во внимание факторов, детерминирующих поведение, тем достовернее будет прогноз. Если результаты прогноза неблагоприятны, его необходимо использовать в качестве основы для организации индивидуальной профилактической работы с лицами, имеющими аномалии психики. Работа должна планироваться на индивидуальном уровне.

Составление индивидуальных планов работниками милиции, органами здравоохранения, другими лицами, осуществляющими индивидуальное шефство, с участием психиатров обеспечивает целенаправленность и конкретность профилактики, сочетание мер лечебного и криминологического характера¹¹.

Предупреждение преступлений присуще практически любому виду правоохранительной деятельности органов внутренних дел и отличается многоплановостью.

⁹ См.: Гомонов Н. Д. Психические девиации и преступное поведение (криминологический и уголовно-правовой анализ): Автореф. дис... докт. юрид. наук. СПб., 2002. С. 40.

¹⁰ См.: Антоян Ю. М., Бородин С. В. Указ. соч. С. 167 – 168.

¹¹ См.: Антоян Ю. М., Бородин С. В. Указ. соч. С. 170 – 171.

Профилактическая функция реализуется в деятельности различных служб и подразделений органов внутренних дел, являясь для одних основной, для других – одной из главных, для третьих характерно лишь осуществление отдельных мер индивидуальной профилактики преступлений. В предупреждении правонарушений несовершеннолетних участвуют все подразделения органов внутренних дел.

Осуществлением индивидуальной профилактики краж и других преступлений в органах внутренних дел занимаются «профилактические» подразделения, которые время от времени объединяют в профилактическую службу.

В настоящее время профилактическая служба объединяет в себе службу участковых инспекторов милиции и подразделения по делам несовершеннолетних, она осуществляет как общую, так и индивидуальную профилактику.

Важнейшую часть предупредительной работы составляет исправление преступников, во многом определяющее уровень рецидивной преступности. Поэтому профилактику краж со стороны лиц с психическими аномалиями, исправление и перевоспитание осужденных с такими дефектами необходимо рассматривать как единую проблему. Эту сторону профилактической деятельности осуществляют исправительные учреждения.

В период отбывания наказания, помимо принятия принудительных, воспитательных и медицинских мер, должны осуществляться мероприятия по защите осужденных с патопсихологическими особенностями от здоровых осужденных, так как они часто подвергаются насмешкам, оскорблениям и издевательствам в местах лишения свободы.

Именно в местах лишения свободы существуют малоиспользуемые возможности воспитательного психотерапевтического воздействия на личность осужденных с психическими аномалиями. Возможно применение таких мер, как оказание медицинской помощи с учетом рекомендаций психиатров и современных достижений психиатрии; участие в воспитательной работе психиатров; корректировка всех воспитательных и иных мероприятий в зависимости от психиатрического статуса конкретного человека.

Г. Б. Калманов,
доктор юридических наук,
кандидат медицинских наук;
Л. В. Рассыпина
(ВНИИ МВД России)

НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ СОТРУДНИКАМИ МИЛИЦИИ, КАК ПОСЛЕДСТВИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ

Служебная деятельность сотрудников милиции традиционно относится к категории профессий с высоким уровнем эмоционально-стрессовых нагрузок. Поэтому последствия, связанные с психоэмоциональной неустойчивостью, всегда являлись объектом пристального внимания кадровых служб МВД России.

Известно, что при чрезмерном или длительном эмоциональном напряжении, превышающем барьер психической устойчивости, механизмы саморегуляции приобретают дезадаптивные формы, проявляющиеся в дезорганизации психобиологических и биосоциальных функций человека. Последствия такой дезадаптации отличаются чрезвычайно широким диапазоном нарушений: от снижения работоспособности, аномальных личностных реакций, девиантных форм поведения, дефектов саморегуляции поведения (алкоголизация, суицидальные формы поведения, импульсивные антисоциальные поступки, нервно-психические заболевания) до аффективно-деструктивных преступлений.

На связь последних с низкой стрессоустойчивостью и нарушенными психофизиологическими механизмами саморегуляции поведения указывали многие криминологи, в частности, Ю. М. Антонян, Н. Г. Иванов, С. В. Бородин, О. В. Старков, С. Н. Абельцев, Л. М. Балабанова и др., изучавшие психологические и патопсихологические особенности личности преступников, осужденных за тяжкие преступления. К сожалению, накопленные данные не интегрировались в систему знаний, обеспечивающих непротиворечивое понимание механизмов такого рода явлений.

Между тем, в последние годы вызывает озабоченность уровень насильственных преступлений, совершенных по аффективно-доминантному типу. Удельный вес такого рода преступлений в среднем ежегодно составляет от 12 до 25% от общей численности насильственных преступлений среди сотрудников милиции. Анализ структуры насильственных преступлений за 2003 г. показывает, что четкую корыстную направленность поведения обнаруживали лишь 22% бывших сотрудников милиции. У остальных 78% фабула уголовного преступления квалифицировалась как: неосторожное обращение с оружием, бытовая ссора в состоянии алкогольного опьянения,

насилие из хулиганских побуждений, применение недозволённых средств в процессе дознания, конфликты на почве ревности, мести, превышение мер необходимой самообороны и должностных полномочий, неправомерное применение оружия и др.

Из этих 78% на убийства приходилось 12%, а на насильственные преступления, связанные с причинением вреда здоровью различной степени тяжести, в том числе с летальным исходом – 82%.

Объектом настоящего исследования являлись осуждённые сотрудники милиции, составившие указанные 12%. Анализ фабулы преступления показал, что мотив преступного поведения явно не соответствовал тяжести содеянного. Иными словами, эмоционально-волевая логика поведения преобладала над смысло-содержательной, а с учётом тяжести содеянного можно было предположить либо серьёзные нарушения со стороны психодинамических функций, либо глубокую степень деформации личностных свойств.

Выборочный анализ материалов уголовных дел сотрудников милиции, осуждённых за насильственные преступления (28 человек), показал, что в 93% случаев это были лица, которые до совершения преступления побывали в «горячих точках» (Афганистане, Чеченской Республике, осетино-ингушском конфликте и других регионах межнациональных конфликтов, ликвидации последствий промышленных катастроф и стихийных бедствий). Ретроспективный анализ этой группы осуждённых показал, что у всех по возвращении из «горячих точек» в интервале от 6 месяцев до 2,5 лет имели место проблемы с психическим здоровьем.

В криминологической литературе преступления, совершенные на подобной почве, обозначаются довольно многообразно: как «аффективные», «ситуационные», «нетранзитивные», «импульсивные», «дезадаптивные», юристами – как «состояние сильного душевного волнения» и т. д. Следует заметить, что никаких психокоррекционных или реабилитационных мероприятий в части этого контингента осуждённых не проводилось, хотя, по оценке пенитенциарных психиатров, удельный вес осуждённых с психическими аномалиями составляет не менее 50-75% от общей численности отбывающих наказание за насильственные преступления.

Такое положение дел во многом объясняется недостаточной изученностью и противоречивым пониманием промежуточных между нормой и патологией дезадаптивных состояний, которые, с одной стороны, не исключают вменяемости, с другой – являются факторами, дестабилизирующими поведение, а также почвой для аффективно-агрессивных реакций.

С целью обозначить сопряжённость этих нарушений с психоэмоциональной сферой ряд исследователей в последнее время стал широко использовать термин «психическая дезадаптация». Однако, как показывает анализ соответствующей литературы, содержание его весьма противоречи-

во. Так, например, одни исследователи понимают под этим термином социальные и социально-психологические формы отклонения в поведении (пьянство, проституция, токсико- и наркомания, делинквентные поступки и т. д.). Другие – объединяют им нервно-психические нарушения психогенного генеза, при этом «психическая дезадаптация» нередко звучит как синоним таких динамических понятий, как декомпенсация, изменённая реактивность, обострение и т. д. Третьи – подразумевают преимущественно так называемые предболезненные расстройства (состояния) или психические аномалии, не достигшие степени нозологически очерченных форм. Существуют и более широкие взгляды, когда под дезадаптацией понимают любые нарушения, сопряжённые с психоэмоциональной сферой. При этом вполне уместно говорить о степени или уровне социальной дезадаптации, в том числе при различных по тяжести психических заболеваниях или состояниях.

Таким образом, в зависимости от цели и решаемых задач «психическая дезадаптация» понимается как в широком, так и в узком смысле.

Одной из причин, затрудняющих систематику состояний психической дезадаптации, является недостаточная разработанность критериев психических расстройств, включая обусловленные экстраординарными событиями в жизни. За последние 10 лет для сотрудников милиции особую актуальность приобрели расстройства, связанные с участием в военных конфликтах, а также в ликвидации стихийных бедствий и техногенных катастроф.

То, что экстремальные условия деятельности могут являться причиной чрезмерного психоэмоционального напряжения, обычно не вызывает возражений среди исследователей, равно как и дезинтегрирующее влияние последнего на адаптивные механизмы саморегуляции поведения. Однако, затрагивая вопросы психических состояний и психических свойств лиц, совершивших насильственные преступления, личности насильников, многие исследователи концентрируют внимание на узком спектре деструктивных реакций и нередко трактуют генез насильственных преступлений с позиции узких параметров реактивности организма.

Между тем организм человека – это активная открытая система. Поэтому вряд ли сегодня, когда современная криминология ориентирована на системные принципы детерминизма, можно говорить о том, что отдельные сдвиги могут выражать собой сущность деструктивно-насильственного поведения или являться определяющими для всех видов насильственных преступлений.

Изучение лиц, совершивших насильственные преступления, часть исследователей привело к мысли, что некоторые психические заболевания являются по своей природе криминогенными. Логика этих суждений базируется на том, что насильственная мотивация часто возникает на фоне пси-

хических или психодезадаптивных состояний (дисфория, депрессия, расстройство сознания, паранойяльные состояния и др.). Нозологической почвой для них чаще всего являются эпилепсия, шизофрения, психопатия, церебрально-органическая недостаточность, алкоголизм, наркомания. Среди тех, кто совершил насильственные преступления, по оценке некоторых исследователей, удельный вес лиц с психической патологией составляет от 50 до 85%.

Оспаривая эту точку зрения, другие исследователи утверждают, что патологические компоненты мотивации отражают преимущественно дефекты нравственно-этической сферы человека, а потому говорить о клинических коррелятах в данном случае неуместно. Аргументируется такой подход как сравнительными статистическими данными, так и тем обстоятельством, что при прочих равных условиях насильственные преступления все же являются исключением.

В теоретическом плане оба этих подхода имеют право на существование. Однако наиболее перспективным нам представляется изучение совокупности условий, которые в сложном взаимодействии детерминируют деструктивно-дезадаптивные состояния.

Профессионализм криминолога состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае вычленив из многообразия связей ведущее звено.

Без учета предшествующих или сопутствующих факторов криминологическая оценка насильственного преступления будет либо неполной, либо искаженной.

Его интегративный анализ, на наш взгляд, следует проводить по следующим параметрам: условиям возникновения деструктивно-дезадаптивного поведения, особенностям сопутствующей почвы, социально-демографическим характеристикам, мотивам преступления, уровню развития правосознания, особенностям морально-нравственных ориентаций, специфике профессиональной деятельности, особенностям психического состояния, процессов и свойств личности и др.

В результате такого анализа изученные нами типы личности бывших сотрудников, совершивших насильственные преступления, составили три группы, которые мы условно обозначили как: социально-дисгармоничный, социально-дезадаптивный и деструктивный типы.

Социально-дисгармоничный тип (35,5%) можно было бы обозначить и как «социально-приспособленческий», исходя из того, что адекватная социально-психологическая линия поведения для представителей этой группы возможна лишь в диапазоне той социальной среды, которая соответствует их индивидуально-психологическим ресурсам и личностным потребностям. По характеру потребностей, определявших содержание, цели их деятельности и являвшихся движущей силой их поведения, мы разделили на две ка-

тегории: с преобладанием материально-ценностных ориентаций и со стремлением к самоутверждению. Понятно, что сами по себе эти личностные ориентации не являются фатальными для формирования антисоциальных форм поведения и деформации правового сознания. Однако обращает на себя внимание то, что для обеих категорий сотрудников были характерны ложные представления о средствах реализации своих потребностей, их односторонность в системе общественно-ценностных ориентаций, а также искаженная мотивационная тактика, направленная на максимально быстрое и легко доступное достижение цели. Естественно, что такое сочетание создает психологический симптомокомплекс, который не только вступает в антагонизм с реальной действительностью, но и является источником осознанного или неосознанного постоянного психологического конфликта, который сводится к противоречию между долгом и личными интересами или возможностями и стремлениями. Внутренняя несостоятельность при завышенной самооценке нередко компенсируется у них психологическими приемами защиты. Например, преданность своему служебному долгу подменяется волевым педантизмом, навязыванием «казарменной» дисциплины, подавлением творческой активности подчиненных. Преобладающей фаворитом насильственных преступлений в этой группе являлись применение не дозволенных средств в процессе дознания, превышение мер необходимой самообороны и должностных полномочий и неправомерное применение оружия.

Социально-дезадаптивный тип составили сотрудники (63%), у которых в механизме социально-психологической дезадаптации значительную роль играл низкий порог психоэмоциональной устойчивости. Поэтому здесь преобладали осужденные с аффективно-доминантными (ситуационными, импульсивными) преступлениями.

В зависимости от особенностей психических аномалий эту группу сотрудников, совершивших насильственные преступления, можно разделить на две подгруппы: аффективно-неустойчивые и дефицитарные.

Первую подгруппу (45%) характеризуют ярко выраженные патохарактерологические нарушения. Типичными являлись (в соответствии с классификацией МКБ 10) аффективно-возбудимый, неустойчивый и истерический типы реагирования в структуре акцентуаций, психопатий и психопатоподобного синдрома. Наиболее характерными для них являлись резкая возбудимость со склонностью к разрушительным действиям; возбудимость по дисфорическому типу с застреванием аффекта на фоне таких характерологических особенностей, как мелочность, педантичность, вязкость, эмоциональная ригидность и жестокость; возбудимость с чертами демонстративности, театральности и утрированности во время аффекта; высокая склонность к алкогольным и другим эксцессам, к конфликтности и хулиганским

действиям; для периода декомпенсации – безудержность поведения, враждебность и агрессивность, возбудимость по малейшему поводу, склонность к сверхценной негативной трактовке отношения окружающих, нескритичность к своим поступкам.

Понятно, что в конфликтных ситуациях такая личность плохо себя контролирует, отличается аффективной неустойчивостью, импульсивностью поступков, склонностью к неадекватным формам реагирования и линии поведения в целом. Изучение морально-этической сферы у этой группы лиц показало, что в отличие от первой группы у них имела место не столько ее деформация, сколько незрелость, инфантильность. Мышление нередко отличалось поверхностностью суждений, завышенной или заниженной самооценкой при отсутствии четкой социальной направленности, поэтому в структуре антисоциальных форм поведения преобладали ситуационные правонарушения. Для личностных особенностей весьма характерной являлась утрированность таких черт, как властолюбие, эгоцентризм, зависть, нетерпимость, подозрительность, себялюбие, ревность и мстительность. Отсюда становится понятным и характерный для них эмоциональный фон преступных мотивов, а именно – на почве ревности, мести, личных обид и т. д.

Для второй подгруппы (18%) наиболее характерным являлось снижение личности по дефицитарному типу. В основе доминирующего механизма деструктивного поведения у этой категории бывших сотрудников милиции лежат различной степени выраженности изменения личности по психогенному, органическому или экзогенно-органическому типу. Клинико-психологические особенности их зависели от сопутствующего заболевания (остаточные явления черепно-мозговой травмы, психопатия, алкоголизм, психогенные заболевания и др.).

Деструктивный тип деформации имеет относительно небольшой удельный вес, всего 1,5%, однако его типологическая характеристика заслуживает внимания. Дело в том, что поведение лиц этой группы характеризуется не столько дезадаптивностью, одержимостью страстями или неуравновешенностью психики (личностными аномалиями), сколько целенаправленной деструктивной активностью. В их биографической характеристике весьма редко встречались положительные этапы как в обыденной жизни, так и в профессиональной.

Особенностью этой группы сотрудников является тотальность деформации всех уровней морально-этической сферы. Для них характерна особая циничность и жестокость преступления, отсутствие сознания противоестественности совершаемых антисоциальных поступков. Выражение раскаяния о содеянном носит чисто формальный характер и направлено лишь на уменьшение меры наказания. Понятия о морали у них не просто искажен-

ные или незрелые, как это имеет место в первых двух группах, а носят патологически уродливый характер, деструктивный или, если можно так выразиться, цинично-агрессивный. Это может, например, проявляться в циничной жестокости к людям в сочетании с заботой о животных и т. д. Эмоциональная холодность к чужому страданию для них является довольно характерной чертой, а лживость и возможность воспользоваться чужим доверием возводится в ранг достоинства. Преступления этой группы, в отличие от второй, редко носят ситуационный характер, отличаются тщательной подготовленностью, даже если заранее планируется тяжкое преступление, вплоть до убийства. При этом конечная цель и средства реализации, как правило, несоизмеримы с последствиями (создается впечатление, что жестокость для них является самоцелью). Эта категория изученных лиц малочисленна, однако совершенные ими деяния вызывают бурный общественный резонанс и крайне негативно сказываются на престиже милиции.

Таким образом, выделенные нами группы и категории сотрудников в определенной мере отражают различные механизмы формирования общественно опасных форм поведения у сотрудников милиции. Особенности этих механизмов обусловлены комплексом различных по структуре деформаций морально-этической сферы и широкой гаммой факторов (социальных, психологических и т. д.).

Полученные результаты исследования позволили сформулировать ряд системных принципов детерминации, сопряженных с дезадаптивными нарушениями насильственных преступлений, совершенных сотрудниками милиции.

Принцип комплексного взаимодействия состоит в том, что причинно-следственные отношения в криминологии насильственных преступлений представлены взаимосвязью причины и действия (следствия). Взаимодействие реактивной системы организма с факторами природной или социальной среды осуществляется в определенных условиях. Иными словами, ставить вопрос о том, что мотив ревности явился причиной убийства, а все остальные факторы (алкогольное опьянение, дисфункциональные состояния, антисоциальная среда и др.) являются условиями - значит односторонне интерпретировать генез насильственного преступления. Ни один из социальных, психологических, медико-биологических, генетических и других факторов в отдельности не является в прогностическом отношении криминогенно значимым. Таковую роль они приобретают лишь во взаимодействии, образуя иные по качеству комплексы. В ранге причинно-следственных отношений они по своему значению могут быть взаимодополняющими, провоцирующими и др. По содержанию – социальными, психологическими, биологическими и т. д. По условиям возникновения – ситуационными, импульсивными, случайными и т. д. По психодинамическим показателям –

регрессивными, дисфункциональными, дефицитарными, дисгармоническими.

При таком подходе становится возможным не только более эффективно осуществлять уголовно-правовое и уголовно-процессуальное регулирование в порядке ст. 22 УК РФ, но и целенаправленно изучать неоднородные по своей природе механизмы насильственных преступлений.

Принцип условной специфичности заключается в том, что криминогенная значимость факторов всегда должна рассматриваться относительно субъекта преступления. Объясняется это тем, что деструктивность поведения определяется не только свойствами внешнего воздействия и реактивными свойствами организма, но и дисгармоническим соотношением психологических и социально-психологических свойств личности. Эти свойства никогда не находятся в состоянии стагнации: они либо регрессируют, либо прогрессируют. Соответственно механизмы самоконтроля и саморегуляции поведения будут действовать в различных условиях. Именно поэтому при прочих равных условиях криминогенная значимость признаков относительно субъекта преступления будет носить условно специфичный характер, ни в коей мере не определяющий с неизбежностью деструктивного исхода. Недооценка этого положения ведет к тому, что роль отдельных факторов либо переоценивается, либо недооценивается. Например, убийство на почве ревности, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, нередко является исчерпывающим аргументом при уголовно-правовой оценке содеянного. Действительно, при простом алкогольном опьянении происходит изменение сознания, утрачивается способность правильно оценивать окружающую обстановку и снижается возможность контролировать свои поступки. Растормаживаются инстинкты, влечения, совершаются импульсивные поступки и агрессивные действия. В соответствии со ст. 23 УК РФ такие лица подлежат уголовной ответственности. Однако при этом часто не учитывается психобиологическая почва, которая (не исключая вменяемости) размывает границу между общественной опасностью преступника и общественной опасностью преступления. В результате уголовно-правовая и криминологическая оценки преступления нередко расходятся.

Принцип структурно-функциональной организации состоит в том, что неоднородные по своей природе насильственные преступления имеют специфическую иерархически организованную структуру. Так, при аффективно-доминантных формах насильственного поведения мотив преступного деяния далеко не всегда отражает смылосодержательную сторону преступления, так же, как и агрессия может являться аффективно-динамической характеристикой поведения, а может быть свойством личности. Понятно, что от особенностей структурно-функциональной организации насильственно-преступного поведения будет зависеть уголовно-правовая оценка, а

также стратегия профилактических и реабилитационных мероприятий. При внешне сходных мотивах преступлений природа их может принципиально различаться.

Системно-динамический принцип состоит в том, что насильственное преступление – это продукт развития личности. Деструктивный поступок возникает не вдруг и не в силу случайно сложившихся обстоятельств, а является результатом регрессивно-поступательной динамики, охватывающей различные жизненные этапы развития личности. Если структурно-функциональная организация личности позволяет ответить на вопрос «как?», то структурно-динамический процесс на вопрос «почему?». Детерминирующие факторы в ранге причинно-следственных отношений могут меняться местами, что качественно меняет структурно-функциональную организацию насильственного преступления в различные отрезки времени.

Итак, приведенные результаты исследования показывают, что в ранге причинно-следственных отношений психодезадаптивные состояния являются звеньями одной цепи, которые снижают адаптивные механизмы саморегуляции поведения, при неблагоприятных макро- и микросредовых условиях способствуют регрессивно-поступательной динамике деструктивного процесса, являются факторами, дезорганизующими механизмы самоконтроля и самоорганизации поведения, декомпенсируют психобиологические нарушения и личностные аномалии (акцентуации, психопатии, соматопсихические расстройства и др.), затрудняют процессы адаптации в напряженных и экстремальных условиях деятельности, обуславливают рецидивы деструктивного поведения в местах лишения свободы и др.

Результаты исследования позволяют более целенаправленно и дифференцированно проводить профилактические и реабилитационные мероприятия, направленные на предупреждение дезадаптивных состояний, повышение стрессоустойчивости сотрудников милиции в напряженных и экстремальных условиях деятельности, а также предупреждение дезадаптивно-деструктивных форм поведения у сотрудников милиции.

**К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ РЕЦИДИВА
ТЯЖКИХ И ОСОБО ТЯЖКИХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ
В СВЕРХКРУПНОМ ГОРОДЕ**

Проблема рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья в сверхкрупном городе имеет особое значение в силу целого комплекса причин.

Во-первых, рецидив преступлений всегда представлял повышенную общественную опасность, так как совершение повторного преступления лицом, уже привлекавшимся к уголовной ответственности, как известно, свидетельствует об устойчивости преступного поведения и преемственности преступной субкультуры. Необходимо так же учитывать, что рецидивисты – это люди, обладающие большим преступным опытом, отработанными способами совершения преступных деяний и в некоторой степени привыкшие к тяжелым условиям отбывтия уголовного наказания.

Во-вторых, необходимо отметить особую специфику изучения тяжких и особо тяжких насильственных преступлений, к которым прежде всего относятся убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. В связи с особой ценностью объекта посягательства (жизнь и здоровье) совершение подобных деяний изначально характеризуется повышенной степенью общественной опасности, так как их утрата просто необратима.

И, в-третьих, это наличие особой проблематики: существование рецидивного насилия в условиях сверхкрупного города. Изучение вопросов, связанных с этим, весьма проблематично ввиду особой специфики объекта изучения. Преступность в сверхкрупном городе, наряду с городской преступностью в целом, имеет свои характерные особенности, а насилие в городе неразрывно связано с уличной преступностью. В силу подобной специфики объект изучения представляется, с одной стороны, строго конкретизированным, с другой – требует изучения многих, зачастую различных сфер общественных отношений, непосредственно связанных с предметным анализом всей городской инфраструктуры.

В первую очередь подобный анализ криминологически значимых проблем, имеющих многоотраслевую направленность, связывается с наличием особых социальных противоречий в любом крупном городе, проявляющихся качественно иначе, чем в других видах расселения людей.

Необходимо отметить внутреннюю противоречивость, даже парадоксальность социально-психологических характеристик внутригородских взаимодействий. В большом городе, где объективно затруднено установление постоянных долговременных контактов между людьми, возникает тенденция к включению их в непродолжительные, функционально предопределенные и ограниченные контакты. В результате этого возрастает социальная дистанция, психологическая «отдаленность» между людьми¹.

Криминологические последствия этих явлений проявляются в том числе и в виде существования в крупных городах «безадресного» насилия, заключающегося в совершении насильственных преступлений без ярко выраженной мотивации.

В этой связи особое внимание необходимо обратить на проблемы уличной преступности. Многие исследователи утверждают, что современная уличная преступность – это прежде всего проблема крупных и сверхкрупных городских поселений². Это положение вполне понятно, так как именно с увеличением плотности населения возрастает вероятность конфликта с преступным исходом на улицах большого города.

Уличная преступность в этом смысле получает особое выражение в сфере жизнедеятельности сверхкрупного города, порождая комплекс специфических обстоятельств, формирующих криминальный образ данного населенного пункта.

Однако территория сверхкрупного города далеко не ограничивается сферой открытого пространства. В этом также проявляется специфика состояния преступности в условиях сверхкрупной городской агломерации. В подобных обстоятельствах представляется более уместным изучение преступности сверхкрупного города не относительно сфер открытого и закрытого городского пространства, а относительно восприятия мегаполиса как объекта комплексного криминологического исследования.

В целях подобного исследования необходимо определить весь комплекс социально-экономических, демографических, правовых и других проблем, характерных для сверхкрупного города и влияющих на состояние преступности. В наиболее сконцентрированном виде подобные проблемы имеют выражение естественно в столичном мегаполисе. Именно поэтому Москва, как сверхкрупный город, выбрана нами в качестве объекта криминологического изучения применительно к проблемам рецидивного насилия.

Статистический анализ данных показывает, что на протяжении ряда последних лет прошлого столетия число регистрируемых тяжких и особо

¹ См.: Гладких В. И. Проблемы предупреждения ОВД преступности в сверхкрупном городе: Дис... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 6.

² См., напр.: Соколов А. Ф. Особенности преступности в городах и сельской местности: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971.

тяжких преступлений в Москве было несколько ниже, чем в отдельных регионах России.

По данным ЗИЦ и ГИЦ МВД России, в 1997 г. в Москве зарегистрировано 33,118 тыс. преступлений этой направленности, а в Санкт-Петербурге – 49,191 тыс. В 1998 г. этот показатель в Москве составил 31,338 тыс., в Санкт-Петербурге – 54,397 тыс. преступлений. В 1999 г. – 35,961 тыс. и 60,694 тыс. преступлений соответственно.

Однако динамика числа регистрируемых преступлений этой категории в столичном мегаполисе показывает их неуклонный рост на протяжении периода с 1997 по 2001 гг. В связи с этим в 2000 и 2001 гг. абсолютный показатель числа регистрируемых деликтов указанной категории в Москве превосходил аналогичные показатели в некоторых других регионах. В 2000 г. в Москве зарегистрировано 57,178 тыс. этих преступлений, а в Санкт-Петербурге – 52,075 тыс. В 2001 г. в Москве этот показатель составил 66,584 тыс., а в Санкт-Петербурге – 46,618 тыс. преступлений.

В 2002 г. в Москве было зарегистрировано 163,418 тыс. преступлений, что на 29,7% больше, чем в предыдущем году. Примерно половину от этого числа составляют тяжкие и особо тяжкие преступления – 83,097 тыс., что на 24,8% больше, чем в предыдущем. Также увеличился уровень тяжких и особо тяжких насильственных преступлений, коэффициент которых составил 972,8 преступления на 100 тыс. населения. Этот показатель выше, чем показатель в целом по стране (920,7), а также превышает показатели некоторых регионов России.

В 2002 г. данные статистики наглядно показывают значительное снижение рецидива в структуре преступности столицы и страны в целом. Однако на фоне общего снижения рецидива возросла доля преступлений, совершаемых лицами, ранее совершавшими преступления в структуре тяжких и особо тяжких насильственных преступлений как в Москве, так и в целом по стране – от 1,8% в 2001 г. до 2,1% в 2002 г.

Анализируя сложившуюся криминогенную ситуацию, необходимо отметить, что подобные статистические изменения состояния рецидивной преступности не могут являться объективным показателем происходящего. На наш взгляд, прежде всего данные официальной статистики не могут отражать реальное состояние этого явления, поскольку базируются на легальном представлении о природе рецидива преступлений.

Рост удельного веса тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья в структуре рецидива в Москве происходит на фоне существенной интенсификации криминогенных факторов, отсутствия надежных социальных гарантий для лиц с таким криминальным прошлым, возрастающих трудностей их ресоциализации после отбытия наказания, ослабления предупредительных возможностей органов внутренних дел,

пассивного отношения других государственных органов и общественности к указанной проблеме.

К числу обстоятельств, объясняющих подобные статистические изменения, можно отнести повышение преступного профессионализма рецидивистов, высокий уровень латентности тяжких насильственных посягательств, совершаемых при рецидиве преступлений, а также недостаточно эффективную работу правоохранительных органов по выявлению лиц, совершающих рецидивные преступления, поскольку обнаружить факт совершения именно рецидивного преступления возможно лишь при выявлении лица, его совершившего.

В свою очередь выявление таких лиц зачастую становится весьма затруднительным, например, в случае их транзитного передвижения через территорию города. Также может быть неизвестен и сам факт совершения такого преступления в случае, если потерпевший от преступления также не является жителем города.

Особенности детерминации преступности в целом, равно как и преступлений рассматриваемой нами категории, также связаны с особым криминологическим обликом сверхкрупного города. В качестве одной из таких наиболее значимых особенностей является повышенная мобильность населения, выражающаяся во внутригородской миграции населения, трудовой маятниковой миграции жителей пригорода и эпизодической миграции приезжих.

В свою очередь миграционные потоки граждан, не являющихся жителями города, порождают миграцию преступности и преступлений отдельных видов, в том числе рассматриваемых нами. Нередко рецидивная преступность в сверхкрупном городе в значительной степени продуцируется именно иногородними лицами.

Однако, как отмечают некоторые исследователи, влияние криминогенных процессов на криминологическую обстановку в сверхкрупном городе распространяется до определенных границ и на определенном этапе являются обстоятельства, нейтрализующие действие криминогенных факторов, своего рода антикриминогенный потенциал сверхкрупного города³. Подобный комплекс антикриминогенных факторов требует своевременного применения, в том числе для преступлений различной направленности.

Внутригородские социальные различия сверхкрупного города позволяют определить ярко выраженные территориальные различия городской преступности, необходимые для установления криминологических типов отдельных территориальных образований города с указанием на районы

³ См.: Гладких В. И. Указ. соч. С. 16.

наибольшего распространения рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья.

Несмотря на подобные внутригородские различия, рецидив тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья в своей качественной основе имеет территориально-пространственную целостность и не сводится к механической совокупности отдельных преступлений указанной направленности, совершаемых в его административно-территориальных подструктурах. Подобная целостность выражается в структурной взаимообусловленности и взаимовлиянии процессов, порождающих как конкретные деликты, так и явление в целом.

Эффективность предупреждения рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья в сверхкрупном городе во многом зависит от четкой правовой регламентации подобного вида деятельности и урегулированности общественных отношений как в сфере общесоциальной профилактики преступности в целом, так и по отдельным направлениям специально-криминологического предупреждения преступлений отдельных видов.

Разработка и принятие специальных законодательных актов в этом направлении являются приоритетной задачей государственных органов в сфере предупреждения преступности и ее видов. Необходимо урегулирование нормативно-правовой базы в указанном направлении как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Давно назрела практическая необходимость принятия законов «О профилактике», «О социальной помощи лицам, отбывшим уголовное наказание, и контроле за их поведением». Из числа нормативных документов непосредственной предметной направленности можно выделить постановление правительства г. Москвы «О социально-правовом регулировании деятельности по предупреждению рецидива тяжкого и особо тяжкого криминального насилия против жизни и здоровья».

В сфере общесоциальной профилактики требуется проведение целенаправленной предупредительной политики государства в области установления социально-правового контроля над преступностью и преступлениями отдельных видов. В специально-предупредительной деятельности в отношении рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья в сверхкрупном городе необходимо особое внимание уделять постпенитенциарной адаптации рецидивистов.

На базе правовой урегулированности общественных отношений в указанной сфере нужны комплексные мероприятия по обеспечению таких лиц бытовыми и трудовыми условиями жизнедеятельности. В рамках установления постпенитенциарного контроля за деятельностью таких лиц необходимо пересмотреть комплекс правоограничений и систему подобного кон-

троля. По нашему мнению, это прерогатива суда, тогда как органы государственной власти являются лишь исполнителями.

При определении сферы предупредительной деятельности органов внутренних дел в отношении рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья в сверхкрупном городе необходимо отметить их особую роль. Органы внутренних дел сверхкрупного города обладают широким кругом полномочий по осуществлению комплексных целевых программ по предупреждению преступлений указанной категории и городской преступности в целом. Реализация специальных программ, создание на базе органов внутренних дел специальных центров и общественных советов профилактики рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья являются приоритетными направлениями.

Предупреждение рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья должно строиться не только с учетом криминогенных особенностей городской среды в целом, но и с учетом районирования и территориального распределения рассматриваемых деяний.

В качестве вывода необходимо сформулировать ряд конкретных предложений, направленных на предупреждение преступлений рассматриваемой группы.

1. В сфере совершенствования уголовного законодательства.

Анализ норм Общей и Особенной частей уголовного закона, закрепляющих институт рецидива преступлений, позволяет сделать вывод о некотором несоответствии понятий, отражающих различные виды повторности. Уголовно-правовая неоднократность во многом дублирует положения о рецидиве преступлений, а в части отличий зачастую предполагает неоправданное усиление уголовной репрессии.

В связи с этим следует согласиться с инициативой Президента РФ, предложенной в Федеральном законе «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ»⁴, об исключении из норм Общей и Особенной частей положений, закрепляющих данный уголовно-правовой институт. Это ст. 16 УК РФ и положения статей Особенной части, относящихся в том числе и к предмету нашего исследования (п. «н» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 3 ст. 111).

Как известно, положения ч. 2 и ч. 3 ст. 18 УК РФ, закрепляющие такие виды рецидива преступлений, как опасный и особо опасный, построены и дифференцируются в зависимости от категории преступления и количества судимостей. Однако громоздкие формулировки этих положений не вполне

⁴ См.: Российская газета. 2003. 16 дек.

соответствуют нынешней градации категорий преступлений, закрепленных в ст. 15 УК РФ.

Учитывая изначально высокую степень общественной опасности преступлений рассматриваемой группы, необходимо дополнить ч. 2 ст. 18 УК РФ положениями, отражающими повышенный уровень общественной опасности совершения тяжких и особо тяжких насильственных деяний при рецидиве преступлений путем отнесения соответствующих их категорий к опасному рецидиву. Пункт «в» мог бы звучать в следующей редакции: «в) при совершении лицом тяжкого или особо тяжкого насильственного преступления против жизни и здоровья, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо было осуждено к лишению свободы за умышленное насильственное преступление средней тяжести».

Специфика преступлений рассматриваемой группы и вышеизложенное положение требуют внесения в УК РФ еще одной законодательной новеллы, определяющей понятие «насильственное преступление». Учитывая наш отказ от законодательного закрепления понятия «неоднократность», считаем целесообразным при внесении соответствующих изменений и дополнений в УК РФ изменить нумерацию ст. 15 «Категории преступлений» на ст. 16. Статья 15 в свою очередь будет законодательной новеллой, определяющей понятие «насильственное преступление», которую предлагаем изложить в следующей редакции: «Насильственным преступлением признается деяние, подпадающее под признаки преступления и выражающееся в непосредственном энергетическом воздействии на биологическую подструктуру или информационном воздействии на психическую подструктуру лица с целью его устранения из сферы общественных отношений или принуждения к поведению, желательному для лица, виновного в его совершении».

2. В сфере принятия специальных законодательных актов.

На федеральном и региональном уровнях давно назрела практическая необходимость принятия специальных законодательных актов, относящихся к сфере предупреждения преступности и ее отдельных видов. В частности, законов «О профилактике преступлений», «О социальной помощи лицам, отбывшим уголовное наказание, и контроле за их поведением» и т. д. Подобные акты должны закреплять прежде всего положения, отражающие сущность социально-правового регулирования и контроля над преступностью, в частности, связанные с постпенитенциарной ресоциализацией лиц, отбывших уголовные наказания, с четким разграничением функций и полномочий государственных органов и общественных организаций по установлению такого контроля.

Нормативная база по предупреждению преступлений на региональных уровнях должна быть приведена в соответствие с федеральным законода-

тельством с учетом собственных криминогенных особенностей каждого региона. Непосредственно на уровне г. Москвы необходимо принятие ряда нормативных актов, в частности, документа, относящегося к предупреждению преступлений рассматриваемой категории. Таким документом могло бы стать постановление правительства Москвы «О социально-правовом регулировании деятельности по предупреждению рецидива тяжкого и особо тяжкого криминального насилия против жизни и здоровья», в котором нашли бы свое отражение не только положения, корреспондирующие с федеральным законодательством, но и нормы, учитывающие наличие особых криминогенных факторов существования криминального насилия в столичном мегаполисе.

3. В сфере осуществления комплекса предупредительных мероприятий.

В рамках осуществления общесоциальной предупредительной деятельности в отношении рассматриваемой категории деяний необходимо своевременно использовать общий антикриминогенный потенциал сверхкрупного города в целях общего «оздоровления» криминогенной обстановки в нем. В частности, это касается использования большого резерва экономических, финансовых и хозяйственных возможностей, позволяющих ресурсно обеспечить решение многих задач предупреждения преступлений, возможностей специализированных учреждений и организаций, непосредственно занимающихся проблемами борьбы с преступностью и ее комплексной профилактики (ВНИИ МВД России, НИИ Генпрокуратуры и др.), а также высокого интеллектуального и творческого потенциала больших городов (наличие большого количества вузов, театров, музеев и т. д.).

Усиление комплексного начала в сфере специального предупреждения рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья в сверхкрупном городе зависит от проведения комплексных целевых мероприятий организационно-управленческого характера, направленных на совершенствование собственно предупредительной деятельности с широким привлечением общественности к установлению территориального социального контроля в условиях сверхкрупного города.

Деятельность органов внутренних дел по предупреждению преступности сверхкрупного города, в целом, и рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья в частности также требует совершенствования организационной структуры и реализации целевых программ по предупреждению преступлений отдельных видов. Например, создание на базе ГУВД г. Москвы специализированного центра по проблемам противодействия тяжкому и особо тяжкому рецидивному насилию против жизни и здоровья.

Ю. М. Антоян,
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
М. И. Могачев,
кандидат юридических наук
(ВНИИ МВД России)

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНИКА

Представляя собой одну из наиболее опасных форм антисоциального поведения, сексуальная преступность требует самостоятельного исследования.

При подготовке настоящей статьи использовались статистические данные ГИЦ МВД России, которые представляются в долях для более наглядного сравнительного анализа. Исследовалась характеристика выявленных лиц, совершивших за последние 6 лет преступления, предусмотренные статьями главы 18 УК РФ в целом, а также ст. 30 и 131, ст. 131 и ст. 135 УК РФ.

Таблица 1

Характеристика по возрасту (в долях) выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные статьями главы 18 УК РФ

Год \ Воз-растные группы (лет)	1998	1999	2000	2001	2002	2003
14-15	4,8	4,8	5,4	5,8	5,8	5,6
16-17	11,7	12,0	12,8	12,8	13,3	12,6
18-24	34,5	33,1	33,6	35,1	36,2	38,0
25-29	18,4	18,1	17,2	17,0	16,4	16,1
30-49	28,5	29,7	27,2	26,1	25,1	24,9

При изучении возраста лиц, совершивших половые преступления, в целом наиболее высокая преступная сексуальная активность наблюдается в возрастной группе 18-24 лет – их доля в общем количестве выявленных лиц по итогам 2003 г. составляет 38,0%. Далее следуют возрастные группы

30-49 лет (24,9%) и 25-29 лет (16,1%). Тем не менее динамика показателей долевого участия различных возрастных групп (см. табл. 1)¹ свидетельствует о неуклонном «омолаживании» сексуальной преступности за последние годы. Так, возрастная группа от 14 до 24 лет увеличила свое доленое участие в общей сложности на 5,2%.

Аналогичная картина складывается и среди тех, кто совершил изнасилования (см. табл. 2). Приведенные данные указывают на одну из основных проблем изучения половых преступлений. Она состоит в установлении факторов, обуславливающих возрастные различия в общественно опасном социальном поведении преступников, в первую очередь мужчин. Эти особенности касаются не только криминальной активности, но и других показателей совершения сексуальных преступлений, например, характера применяемого насилия, совершения их в группе или в одиночку, выбора жертвы и т. д.

Таблица 2

Характеристика по возрасту (в долях) выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 131 УК РФ

Год \ Воз-растные группы (лет)	1998	1999	2000	2001	2002	2003
14-15	3,4	3,1	2,9	3,9	4,3	4,0
16-17	12,5	11,6	13,0	13,2	13,9	12,7
18-24	38,6	37,6	39,0	39,5	40,6	42,2
25-29	19,5	19,5	19,0	17,7	17,3	17,3
30-49	25,1	27,3	24,5	24,3	22,3	22,3

Изнасилованиям присущи две характерные черты, которые отмечают многие авторы научных публикаций.

Во-первых, значительная часть изнасилований совершается преступными группами – почти половина всех выявленных лиц совершила изнасилования в группе (см. табл. 3). Причем этот показатель стабилен на протяжении всего изучаемого периода (от 44,7% в 1998 г. до 44,3% в 2003 г.). Доля групповых изнасилований среди всех изнасилований значительно превышает долю совершения группой лиц умышленных убийств или нанесения тяжкого вреда здоровью.

¹ Здесь и далее используются данные из отчетов ГИЦ МВД России о лицах, совершивших преступления.

Как правило, умысел на совершение группового изнасилования возникает в отношении ранее знакомых потерпевших. Для изнасилований, совершенных этими группировками, характерно отсутствие тщательных подготовительных мероприятий, поэтому в качестве орудия запугивания жертвы используются различные предметы, иногда случайно оказавшиеся под рукой, иногда подготовленные, но с другой целью. Кроме того, участники группы, как правило, не только не предпринимают какие-либо попытки уничтожить следы преступления, но даже об этом не задумываются, часто не имея для этого времени. Подобные группы объединяются случайно или ситуативно, для них характерно участие несовершеннолетних, часто сексуальные действия соседствуют с хулиганскими.

Таблица 3

Характеристика (в долях) выявленных лиц, совершивших преступления в группе

Год Норма УК РФ	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Глава 18 УК РФ	37,1	37,1	37,3	31,7	38,0	38,5
Ст. 131 УК РФ	44,7	43,0	42,4	43,2	44,0	44,3
Ст. 30 и 131 УК РФ	20,6	21,2	20,3	20,8	16,8	19,9
Ст. 135 УК РФ	2,2	2,3	3,8	0,3	1,0	2,3

Подобные группы неустойчивы, во многом поведение их участников зависит не только от актуальности решения сексуальных проблем, но и от стремления доказать свою значимость, «мужскую силу» в глазах остальных членов группировки. Тем не менее даже преступная группа, не содержащая в себе признаков особой устойчивости и длительности существования, представляет повышенную общественную опасность, которая обусловлена прежде всего тем, что взаимная психологическая поддержка среди участников группы помогает им чувствовать себя более уверенно, легче преодолевать внутренние психологические барьеры на пути совершения более тяжких преступлений. Группе доступны такие способы совершения преступлений, которые не может использовать одиночка, повышается результативность преступного воздействия на жертву, при этом значительно повышается тяжесть причиненного вреда от нападения – среди выявленных лиц, совершивших покушения на изнасилование, доля участников групп в два раза ниже, чем среди совершивших оконченные преступления.

Если же группа устойчива, то она, как правило, объединяется в процессе совершения иных правонарушений, например, корыстной направленности.

Половые преступления в данном случае не являются основной целью преступной группы и совершаются, как правило, в зависимости от ситуации.

Во-вторых, изнасилование часто совершается в ходе совместного времяпрепровождения виновного и его жертвы, когда в силу возникшей ситуации преступник вопреки воле жертвы удовлетворяет возникшее сексуальное стремление к конкретному объекту. При этом факт знакомства опережает по времени момент возникновения умысла на совершение преступления, между ними существует период времени, продолжительность которого во многом зависит от поведения пострадавшей, ее личностных особенностей. С этих позиций подобное изнасилование можно назвать преимущественно личностным и ситуационным преступлением.

Одной из распространенных характеристик личности преступников является анализ их образовательного уровня. Как свидетельствуют статистические данные, в целом для сексуальных преступников свойствен не только достаточно низкий образовательный уровень, но и определенное «вытеснение» лиц, имеющих высшее и среднее образование (см. табл. 4).

Таблица 4

Характеристика по образованию (в долях) выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные главой 18 УК РФ

Год Образование	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Высшее	3,0	2,7	2,9	2,4	2,7	2,3
Среднее проф.	16,7	16,2	16,3	16,0	15,9	16,3
Среднее общее	67,7	68,8	67,4	68,0	67,7	67,9
Иное	12,6	12,3	13,4	13,5	13,7	13,5

Примечательно, что высший образовательный уровень (2-3% из числа всех сексуальных преступников имели высшее образование) не является достаточной преградой для преступных сексуальных действий. Более того, как свидетельствуют результаты исследований конкретных уголовных дел, преступники, обучавшиеся в высших учебных заведениях, отличаются большей изощренностью в своих действиях, а также повышенным умением избегать раскрытия.

Многие авторы в своих работах отмечают низкий образовательный и культурный уровень насильников (см. табл. 5), который тем не менее выше, чем среди тех, кто виновен в совершении убийств и причинении тяжкого вреда здоровью.

Таблица 5

Характеристика по образованию (в долях) выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 131 УК РФ

Год \ Образование	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Высшее	2,5	2,1	2,3	1,9	2,2	1,8
Среднее проф.	17,0	16,4	16,6	16,5	15,7	16,5
Среднее общее	69,1	71,3	70,0	69,7	69,7	69,8
Иное	11,4	10,3	11,1	11,9	12,4	11,9

Обоснованно обращается внимание на то, что среди половых преступников заметна доля лиц с психическими аномалиями, к которым следует относить расстройства, не дающие оснований считать человека психически здоровым полностью, но и не позволяющие отнести его и к психически больным.

Как подчеркивают специалисты, при раскрытии, расследовании и профилактической работе с указанной категорией преступников имеется своя специфика². Лица с указанными формами психопатологии в основном сохраняют свои социальные связи, как правило, они правоспособны и подлежат уголовной ответственности, однако аномалии затрудняют их социальную адаптацию, снижают способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. Психические аномалии способствуют возникновению и развитию таких черт характера, как раздражительность, агрессивность, жестокость.

Особое криминогенное значение психических аномалий состоит в том, что они влекут снижение контроля за своими действиями, снижают уровень критического осмысления мотивов и последствий своих поступков, ослабляют волевую составляющую человека, предназначенную противостоять антисоциальным осознаваемым желаниям и стремлениям.

Для совершенствования работы по предупреждению изнасилований, для правильного распределения сил и средств, применения адекватных мер воздействия нужно знать, какова среди насильников доля лиц с психическими аномалиями, каков их характер. По полученным нами выборочным данным, 61,0% виновных в изнасилованиях психически здоровы. Среди остальных основную массу составляют: психопаты – 15,8%, хронические алкоголики – 9,0%, олигофрены – 6,8%, лица с остаточными явлениями травм черепа – 2,8%.

² См.: Дмитриева Т. Б., Ткаченко А. А. Пути совершенствования взаимодействия правоохранительных органов и судебно-психиатрических экспертных служб // Преступность в России: причины и перспективы: Сб. материалов международной науч.-практ. конференции. М.: ВНИИ МВД России, 2004. С. 30.

Обращает на себя внимание тот факт, что олигофренов среди насильников вдвое больше, чем среди убийц, воров, грабителей и разбойников. Высокий удельный вес олигофренов среди насильников объясняется тем, что интеллектуальные расстройства мешают им устанавливать контакты с женщинами, в том числе в целях сексуального сближения. Дефекты речи, ограниченный запас слов и их неправильное употребление и произношение, замедленность движений, угловатость, однообразие и бедность мимики и пантомимики, «тупое» маскообразное лицо, нарушения строения черепа и т. д. в сочетании с неприятностью и неряшливостью – все это с детских лет затрудняет олигофреном взаимоотношения с людьми, вызывает в них озлобление и замкнутость.

Половым преступникам свойственно совершать преступления в состоянии алкогольного опьянения. Бесспорным является факт непосредственного влияния алкоголизма на совершение многих преступных действий, изучаемая категория преступников не явилась исключением. Освобождающее действие алкоголя на сексуальную агрессию подчеркивают многие исследователи. Установлено, что алкоголь усиливает сексуальную агрессивность, это влияние в равной мере характерно и для лиц, не имеющих зависимости от алкоголя, причем «зависимость от алкоголя и наркотиков имеет двоякую связь с сексуальной преступностью. С одной стороны, эти вещества провоцируют преступное поведение, а с другой – преступное поведение углубляет или провоцирует зависимость от них»³.

Таблица 6

Характеристика (в долях) выявленных лиц, совершивших половые преступления в состоянии алкогольного опьянения

Год \ Нормы УК РФ	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Глава 18 УК РФ	67,1	65,3	62,7	61,2	62,2	63,3
Ст. 131 УК РФ	72,3	71,5	69,0	67,0	67,5	66,3
Ст. 30 и 131 УК	78,4	74,0	73,8	73,3	73,0	69,8
Ст. 135 УК РФ	42,2	38,3	40,2	35,5	36,5	33,2

Анализируя степень влияния алкоголя на совершение половых преступлений, необходимо отметить, что две трети всех выявленных сексуальных преступников совершали свои деяния после употребления спиртных напитков. Причем это свойственно не только половым преступникам в целом, но и совершившим изнасилования. Повышенный удельный вес этой категории в покушениях на изнасилование совершенно оправдан, так как нахождение в этом состоянии в том числе не позволило довести задуманное до желаемого.

³ Старович З. Судебная сексология / Пер. с польского. М., 1991. С. 92.

мого результата. В то же время необходимо отметить очевидную тенденцию к сокращению долевого участия совершивших преступные действия в состоянии алкогольного опьянения за период с 1998 по 2003 г. (см. табл. 6). Причем это касается не только изнасилований (с 72,3% до 66,3%) и покушений на изнасилование (с 78,4% до 69,8%), но и развратных действий (с 42,2% до 33,2%).

Органическое поражение головного мозга обусловлено внешними отрицательными воздействиями (травматическими, инфекционными, интоксикационными и иными), при которых возникающие в подкорковой части головного мозга микроповреждения оказывают значительное и специфическое влияние на поведение человека.

Взаимосвязь между органическими психическими расстройствами и сексуальными нарушениями отмечается многими исследователями. По данным З. Старовича, после перенесенного сотрясения головного мозга сексуальные расстройства проявляются у 75% женщин и 64% мужчин⁴. При клиническом, психологическом и криминологическом сравнении двух групп сексуальных агрессоров в количестве 200 человек И. А. Кудрявцев пришел к выводу, что «раннее поражение головного мозга является той биологической почвой, на которой происходит становление патологической сексуальности»⁵.

Многообразие проявлений сексуальности человека как совокупности эмоциональных переживаний и поведенческих актов обусловлено многими факторами – психосоциальными, генетическими, гормональными, нервными, а также индивидуальными свойствами личности. Результаты многочисленных исследований позволяют сделать вывод о тесной взаимосвязи противоправного поведения половых преступников и сексуальных девиантных факторов.

Разумеется, во многих случаях изнасилования совершаются в основном для удовлетворения половой потребности, что чаще всего можно наблюдать в действиях лиц, у которых такая потребность длительное время была заблокирована (солдаты срочной службы, осужденные после освобождения из мест лишения свободы и т. д.).

При оценке патосексуального состояния сексуальных преступников, наибольший исследовательский интерес представляет диагностирование у них парафилий, среди которых наиболее часто встречаются парафилии в форме садизма и педофилии.

Садизм определяется как предпочтение сексуальной активности, включающей причинение боли, унижение или установление зависимости. Парафилия устанавливается там, где насилие необходимо для эротического воз-

⁴ См.: Старович З. Указ. соч. С. 20.

⁵ Кудрявцев И. А. Психопатология и психология сексуальных агрессоров // Серийные убийства и социальная агрессия: Материалы 2-й Международной науч. конференции. Ростов н/Д., 1998. С. 145.

буждения. Садизм распространен у насильственных преступников – сексуальных убийц и насильников, особенно среди тех, кто совершает серийные сексуальные нападения.

Без сомнения, изменения влечения как по способу реализации (садизм, эксгибиционизм, вуайеризм, раптофилия), так и по объекту (педофилия, эфебофилия и др.) определяют все дальнейшее развитие половой жизни у изучаемых, заставляют их предпринимать шаги к поиску объекта влечения.

Педофилия состоит в постоянном или преобладающем сексуальном предпочтении детей не старше 13 лет, при этом педофилом может считаться лицо только старше 16 лет, а объект его влечения должен быть моложе его не менее чем на 5 лет. В ряде случаев педофилия сочетается с садизмом, что представляет собой повышенную социальную опасность.

Изнасилования детей в возрасте до 13–14 лет чаще всего осуществляются извращенными способами в сочетании с развратными действиями, но встречаются и изнасилования, сопряженные с тяжелыми физическими последствиями для потерпевших. Сюда же можно отнести и те случаи, когда отец (отчим) вступает в насильственную половую связь со своей несовершеннолетней дочерью (падчерицей).

Долевое участие возрастных групп среди лиц, совершающих развратные действия, значительно отличается от остальных категорий сексуальных преступников. Так, развратные действия в основном совершаются зрелыми мужчинами 30–49 лет – на их долю приходится почти половина (47,4%) всех выявленных преступников (см. табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Характеристика по возрасту (в долях) выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 135 УК РФ

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Возрастные группы (лет)						
14-15	-					
16-17	3,8	6,3	4,1	6,0	4,9	6,6
18-24	12,6	11,8	6,8	12,7	10,2	13,2
25-29	12,8	10,8	11,7	9,2	10,5	10,9
30-49	53,7	51,4	46,2	47,9	51,9	47,4

Для девианта ребенок как сексуальный объект является источником меньших угроз, чем взрослый партнер. Это связано не только с доступностью подобного объекта при необходимости поиска сексуального партнера, облегченностью установления с ним контакта и обеспечения большей вероятности сохранения тайны этого контакта, но и в том, что он не представляет угрозы негативной оценки поведения девианта в случае его возможной сексуальной неудачи.

Таблица 8

Характеристика по образованию (в долях) выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 135 УК РФ

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Образование						
Высшее	9,0	11,0	9,0	9,2	10,2	8,2
Среднее проф.	20,7	21,0	20,1	23,2	17,9	17,1
Среднее общее	58,4	59,4	60,1	55,5	62,4	66,4
Иное	11,9	8,6	10,9	12,1	9,5	8,2

Среди педофилов (в том числе совершающих развратные действия) отмечается самый высокий процент выходцев из интеллигентной среды. Уровень их образования значительно выше остальных категорий сексуальных преступников (см. табл. 8). Представители этой группы, как правило, неуверенные в себе мужчины, воспитанные под излишней материнской опекой с изоляцией от «плохих товарищей», а зачастую просто лишенные в детском и подростковом возрасте контактов со сверстниками. Матери обследованных, оценивая свой брак негативно, находили в сыновьях успокоение своей неудовлетворенной в браке чувственности. Не без их влияния сыновья крайне отрицательно оценивали личность отца, воспринимая его как злого и грубого мужлана⁶.

Криминогенное значение парафилий состоит в оказании постоянно стимулирующего давления, направленного на поиск возможности его удовлетворить, что в определенных ситуациях может преследоваться обществом правоохранительными методами.

По мнению ряда исследователей, снижение количества зарегистрированных изнасилований в последние годы объясняется не их сокращением, т. е. фактическим несовершенством, а переносом (поглощением) совершенных в латентную зону. Так, по оценке К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Л. В. Кондратюка, в России ежегодно «теряется» 15-18 тыс. изнасилований, т. е. в 1992-1998 гг. должно было бы ежегодно регистрироваться около 29-30 тыс. подобных преступлений, что примерно в 2,3 раза больше, чем это отражено в статистике. По данным опроса жителей России, у 42,9% опрошенных женщин отсутствует вера в то, что правоохранительными органами преступник может быть задержан; 27,3% женщин высказали нежелание быть втянутыми в процесс расследования, 16,2% женщин испытывают страх перед насильниками⁷.

⁶ См.: Старович З. Указ. соч. С. 210.

⁷ См.: Горяинов К. К., Овчинский В. С., Кондратюк Л. В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции: доступ к правосудию и система выявления, регистрации и учета преступлений: Научный доклад, М., 2001. С. 15.

Данное мнение подтверждается и статистическими данными. С 1998 г. отмечается неуклонное снижение (см. табл. 9) доли совершивших покушения на изнасилования среди всего количества привлеченных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ. Очевидно, что покушение на преступление, как не влекущее за собой реальных физических и психических последствий, гораздо чаще скрывается от регистрации, чем оконченное.

Таблица 9

Доля лиц, совершивших покушение на изнасилование, среди всего количества привлеченных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Норма УК РФ						
Ст. 30 и 131 УК РФ	12,0	11,0	10,9	9,7	8,7	9,0

Таким образом, сравнительный анализ статистических данных, характеризующих лиц, привлеченных за совершение половых преступлений в период с 1998 по 2003 г., выявил ряд негативных тенденций, которые необходимо учитывать при разработке профилактических мероприятий.

Во-первых, отмечается «омолаживание» среди лиц, совершивших половые преступления. При этом данный процесс характерен не только для тех, кто совершил сексуальное насилие (изнасилование), но и для совершивших развратные действия.

Во-вторых, среди половых преступников отмечается увеличение доли лиц, не имеющих высшего и среднего образования, т. е. снижение образовательного уровня. Данная тенденция свойственна прежде всего насильственным преступникам. Выявленные тенденции свидетельствуют о том, что в настоящее время половые преступления все чаще совершаются более молодыми людьми и имеющими более низкий уровень образования.

Кроме этого, преступники подготавливают и совершают преступления более осмысленно – отмечается снижение числа лиц, совершивших половые преступления в состоянии алкогольного опьянения.

И, наконец, с каждым годом среди лиц, совершивших изнасилования, все меньше выявляется тех, кто совершил покушение на изнасилование, что свидетельствует прежде всего о негативных тенденциях в регистрации преступлений.

СОЦИОЛОГИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Говоря о социологии коррупции, приходится напрямую сталкиваться с проблемой границ социологического знания. Оно, как известно, движется вперед благодаря попыткам установить соответствие между теоретическими и эмпирическими данными, между моделью и действительностью. Российская коррупционная реальность общеизвестна: кому-то в тенденциях, кому-то в деталях. Меньше всего она известна ученым – по причинам, которые уже излишне обсуждать, ибо о них сегодня сказано немало. В литературе, в том числе изданной в системе МВД, многожды обсуждался весь мыслимый спектр проблем коррупции – от исторических причин возникновения до анализа видов. Однако этот сизифов труд (особенно в своей социологической составляющей) несколько не приблизил нас к пониманию практических перспектив борьбы с коррупцией – ну, разве что, перспектив негативных. В рамках реализации многолетней программы «Борьба с коррупцией силами институтов гражданского общества» было выяснено, что около 80% россиян считают, что коррупцию в обществе либо вообще невозможно искоренить, либо можно только немного ограничить.

Социологические изыскания подобного рода хотя и представляют ограниченный научно-практический интерес, однако не способны привести нас к пониманию конкретных механизмов коррупционного поведения, тем более взятых в контексте насущных политико-экономических реалий. Если позволено будет выразиться просто, то я скажу, что у нас существует не социология коррупции, а социология сплетен о ней. Вычленив отсюда нечто, напрямую относящееся к социологии коррупции, крайне затруднительно. Я убеждена в том, что проблема перекрестной валидации научных данных с позиций здравого смысла исключительно актуальна в контексте проблем социологии коррупции. Буквальное прочтение социологических данных уводит нас в непростительно далекие от жизни измерения. Например, социологический опрос, проводимый из года в год в российских регионах, неизменно показывает, что коррумпированность и взяточничество находятся на лидирующих местах среди причин низкого авторитета сотрудников милиции¹. Социологические данные подобного толка превратились в поистине дежурное заклинание на наших научных форумах. Не знаю, можно ли что-то из высокой области наук и искусств непосредственно перенести в мир реальности и действия. Но если бы можно было, я, за-

¹ См.: Анализ результатов изучения общественного мнения населения и внутриведомственного исследования мнений сотрудников УВД-ОВД о состоянии правопорядка и деятельности органов внутренних дел на территории Ростовской области. Ростов н/Д.: ГУВД Ростовской области, 1997. С. 18.

быв все упомянутые данные, перенесла бы уникальную социологическую картину, нарисованную Гоголем в поэме «Мертвые души». На примере отношения населения к полицмейстеру Алексею Ивановичу Гоголь рисует всю своеобычность и сугубо положительную оценку населением коррумпированности сотрудников правоохранительных органов. Вся социология коррупции в МВД заключена в трех фразах классика. Первая – что полицмейстер «приобрел истинную народность»; вторая – что брал он «вдвое больше своего предшественника»; и третья – что общественное мнение заключило о нем: «Алексей Иванович возьмет свое, но зато уж тебя не выдаст». Если Чехов назвал рубль «парусом XIX столетия», то не так ли мы назовем и век XXI – разве что, с поправкой на цвет купюры. И разве сегодня, как и во времена былые, тому, кто реально имеет дело с правоохранительной системой, предпочтительным кажется милиционер, живущий на зарплату (со всеми вытекающими отсюда неприглядными последствиями), нежели сытый чиновник, облеченный в деньги и связи, а потому могущий реально вершить судьбы и дела?

Итак, вопрос о доверии полученным социологическим данным о коррупции в МВД дает нам самые неутешительные ответы. Собственно социологических проблем здесь две.

Во-первых, отсутствие источников не то чтобы достоверной, но хоть сколько-нибудь правдоподобной информации. Из публикации в публикации кочуют данные опросов каких-то «специалистов по борьбе с преступностью», которых почему-то считают возможным привлекать для оценки психологических составляющих коррупционного поведения их коллег. Получается примерно так: преобладающими мотивами являются стремление повысить свой материальный уровень (до 1/2 опрошенных), желание удовлетворить самые насущные потребности (от 1/3 до 1/4 опрошенных), а также стремление жить на широкую ногу и мотивы накопительства (около 1/4)². Интересно, конечно, но, как говорится, а судьи кто? Очевидно, что экспертами по этим вопросам респонденты могут быть с таким же успехом, как и люди с улицы.

Вторая проблема – элементарная неадекватность социологических интерпретаций. Так, стало заезженной колесой в ведомственной социологии объяснение причин издоимства недостатком денежного содержания личного состава. Само собой, все респонденты в погонах с энтузиазмом хватаются за эту мысль, а мы, научные специалисты МВД, в свою очередь из года в год тратим деньги налогоплательщиков, чтобы лишний раз «открыть», что, по мнению примерно 3/4 личного состава, увеличение зарплаты – основной ресурс улучшения и «очищения» правоохранительных органов.

² См.: Алтухов С. А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды и особенности профилактики). СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 83.

Любопытный факт: одновременно проводимые исследования показывают, что ведущим мотивом выбора профессии для ведомственных новобранцев выступает мотив поиска материальной стабильности. По-видимому, эту стабильность они благополучно и находят – судя хотя бы по тому, что почти 1/2 осужденных сотрудников милиции за непродолжительный период службы приобрела собственную квартиру или дом, причем абсолютное большинство их уверено, что в их поведении на службе не было ничего экстраординарного. Таким образом, даже в связи со столь заезженной темой до сих пор не выработано единообразного толкования – и это не говоря о том, что подобная социологическая информация должна оцениваться сквозь призму того, что материальное обеспечение сотрудников государственного аппарата, в том числе и милиции, в отличие от бизнеса, вполне предсказуемо. Поэтому мои коллеги, могущие просчитать свой доход на много лет вперед и добровольно избравшие эту социальную стезю, вряд ли могут сетовать на то, что жизнь подталкивает их именно к коррупции. Как сказал Шекспир, «любое время – время для всего», поэтому мне не понять тех многочисленных авторов, которые венцом своих социологических изысканий сделали мысль о том, будто в нашу эпоху преобладания меркантильных интересов сотрудники МВД вынуждены решать свои материальные проблемы сами, а потому явление коррупции в их среде носит массовый характер.

Не втуне помянем и зарубежный опыт – однако не в части всячески муссируемых высоких заработков. Так, еще 1/4 века назад президентская комиссия США установила, что в среднем по стране один из пяти сотрудников полиции был вовлечен в преступную деятельность, не считая случаев мелкого взяточничества. Результаты выборочной проверки полицейской службы в Нью-Йорке тоже были весьма красноречивыми: из 75 полицейских, за которыми проводилось наружное наблюдение, только двух не удалось изобличить во взяточничестве³. За эти годы во всем мире проблема коррупции только усугубилась, так что, надо полагать (хотя подобные данные нам недоступны), сегодняшние данные еще более неутешительны. Впрочем, полнейшая разногласия в интерпретации связей в треугольнике «корыстный мотив – материальное благосостояние – коррупция» (по крайней мере, у нас) преодолевается, ничтоже сумняшеся, в том числе и поистине фантастическим путем. Например, приходится читать о «подсознательном стремлении сотрудника получить материальную выгоду преступным путем». Когда социологи начинают говорить о подсознании, крыть, как говорится, становится просто нечем.

Поверхностные данные, упрощенные толкования – эта ведомственная «детская болезнь» социологии – заводит нас поистине слишком далеко.

Иначе нельзя расценить, например, те данные, будто удельный вес сотрудников ГАИ-ГИБДД среди коррупционеров в органах внутренних дел самый высокий (по некоторым данным, он составляет порядка 27%; для сравнения: у руководителей подразделений и сотрудников уголовного розыска – по 6%, участковых инспекторов – 3%). Поверить в эти цифры означает утратить всякое представление о реальности. Непростительно изучать то, что лежит на поверхности, оставляя без внимания истинное положение вещей. Равным образом невозможно поверить социологическим данным, якобы иллюстрирующим ту мысль, что, чем меньше стаж работы у сотрудника, тем больше вероятность совершения им противоправных проступков и, наоборот, лица, имеющие длительный стаж работы, проявляют меньшую криминогенную активность. Любому здравомыслящему человеку ясно, что в данном случае торжествует русская пословица: «Зелен виноград не вкусен, молод человек не искусен»; а у искусенного мздоимца много больше шансов избежать наказания, нежели у сотрудника, делающего начальные шаги коррупционной карьеры.

Отдельно укажем, что проблема коррупции в МВД изучается преимущественно в статике; динамика же коррупционных процессов чаще всего остается вне зоны внимания исследователей. На этот счет имеются лишь некоторые отрывочные данные – например, о том, что если на рубеже 90-х годов сотрудники МВД опасались привлечь к совершению преступления иных лиц, то в конце 90-х годов привлечение коллег по службе к коррупционным актам выступило как определенного рода «услуга», предоставление возможности заработать. Имеется информация и о том, что в последние годы в сфере коррупционного поведения сотрудников МВД сложилась четкая иерархия и система тарифов. Однако эти данные были получены из непроверяемых источников, а потому сродни скорее журналистским расследованиям, нежели социологическим опросам.

Я далека от того, чтобы подозревать в нерадивости ведомственных ученых или рисовать обнадеживающие перспективы развития такого научно-практического направления, как социология коррупции. С проблемы предела социологического знания я начала не случайно. Закончить же хотелось бы тем, что преодоление явных и грубых изъянов научных изысканий в части противоправного поведения личного состава позволит обрисовать более или менее реалистичную картину если не коррупции в МВД, то хотя бы той социальной почвы, без которой она невозможна. И это будет уже немало.

³ См.: Radzinowicz L. The Growth of Crime (The International Experience). London, 1977. P. 162.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Коррупционная преступность – это целостная, относительно массовая совокупность преступлений, посягающих на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления, выражающихся в незаконном получении преимуществ лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, либо в предоставлении данным лицам таких преимуществ¹.

В проекте ФЗ «О противодействии коррупции» предлагается следующее определение коррупции: это правонарушение, совершенное путем активного или пассивного подкупа, равно вступление в коррупционные отношения субъектов коррупционных правонарушений (проступков) и иных лиц (физических и юридических) с целью достижения каждой из сторон своих личных, групповых, корпоративных, корыстных целей².

Проблема коррупции и у нас, и в мире приобрела угрожающий характер. Она получила широкое распространение во всех слоях общества и среди всех ветвей власти. Современная российская коррупция имеет глубокие корни. Первое упоминание о коррупции (мздоимстве) появилось в русских летописях еще в XIII веке. Законодательное ограничение этому явлению попытался дать Иван III, а Иван IV даже ввел смертную казнь за взятки. Существование коррупции обусловлено экономическими, политическими, социальными, национальными и некоторыми другими особенностями российского общества.

Как это ни парадоксально, но при этом коррупционные отношения в России почти всегда оставались, по существу, не наказуемыми. В 1960-х–начале 1990-х годов коррупционная преступность, судя по статистике, развивалась неравномерно, с определенными периодами подъема и спада, что скорее не составляет ее объективную картину, а свидетельствует о том, что общество не имело сколько-нибудь целенаправленной программы по борьбе с этим социальным злом, ограничиваясь мерами компанейского характера. Даже такое очевидно криминальное проявление коррупции, как взяточничество, получало правовую оценку по некоторым данным, причем наиболее оптимистическим, лишь в двух случаях из ста реально совершенных. Остальные в силу своей латентности не были предметом уголовного пре-

¹ См.: Эминов В. Е., Максимов С. В., Мацкевич И. М. Коррупционная преступность и борьба с ней. М.: ИГ «Юрист», 2001. С.18.

² Проект ФЗ № 148067-3 «О противодействии коррупции» (ред., принятая ГД ФС РФ в первом чтении 20 ноября 2002 г.).

следования³. До Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г.⁴ в России была огромная армия чиновничества – «только на федеральном уровне более ста ведомств! И гигантское количество – на местах»⁵. На встрече Президента Российской Федерации В. В. Путина с представителями Российского союза промышленников и предпринимателей, которая состоялась 19 февраля 2003 г., собравшиеся олигархи злоупотребления чиновников сравнивали с терроризмом и пытались представить главе государства «самую мрачную картину: дескать, если проводить качественную чистку управленческого аппарата, то чуть ли не 80% чиновников может оказаться за решеткой – за мздоимство и взятки. Если объем валового внутреннего продукта России в 2003 г. оценивается правительством примерно в 13 триллионов рублей, то 4,16 триллиона из этой суммы – треть всего заработанного государством – пойдет на содержание чиновников всех уровней»⁶.

Для современной коррупционной преступности характерны:

высокая инертность нестабильности политического устройства общества на всех уровнях, которая культивирует пренебрежительное отношение государственных и муниципальных служащих к своим обязанностям, и которую невозможно преодолеть одним лишь усилием политической воли;

отсутствие эффективного политического механизма, который бы делал невыгодным включение в избирательные списки государственных и муниципальных служащих, скомпрометировавших себя в глазах населения поступками, традиционно воспринимаемыми как коррупция;

проникновение в органы власти представителей преступных сообществ; слабый контроль за деятельностью государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц.

Январь 2004 г. (данные ГИЦ МВД России)	Выявлено преступлений в отчетном периоде	+,- (в %)	Из них в особо крупном или крупном размере	% возмещения ущерба
Против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления	3,244 тыс.	17,6	183	20,4
В том числе взяточничество	1,077 тыс.	7,2	52	16,1

³ См.: Изменяющаяся Россия: вызовы и возможности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2002 году. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. Т. 2. С. 415.

⁴ См.: Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 20 мая 2004 г.) // СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

⁵ Лопатин В. Н. Коррупция у нас не преступление, а способ управления страной. Ученые утверждают, что каждый новый российский закон порождает взяточничество // Комсомольская правда. 2002. 15 дек.

⁶ Попов В. Стратегия президента. По поводу встречи Владимира Путина с олигархами // Гудок. 2003. 27 февр.

Относительно небольшой удельный вес должностных преступлений и незначительные изменения в динамике взяточничества говорят, скорее, не о благополучном развитии ситуации в области коррупционной преступности, а об инертности властей, выражающейся в бездействии правоохранительных органов. Для коррупционной преступности характерным оказался чрезвычайно высокий уровень латентности.

Анализ работ современных российских исследователей, предметом которых является изучение проблемы коррупции показывает, что в настоящее время ее значимым стимулом остается экономическая нестабильность, проявляющаяся (в отличие от конца 90-х годов) уже не в неконтролируемых инфляционных скачках, которые провоцировали чиновников лихорадочно искать любые источники доходов, а в сомнениях чиновников в собственной должности, а значит и в финансовой состоятельности.

Коррупционные преступления демонстрируют безразличие должностных лиц к общественной пользе, к закону, к народу. Носителями ее являются лица, которым не откажешь в высоком образовательном уровне, профессиональной состоятельности, правовой грамотности, умении стратегически мыслить, знании чиновничьей психологии. Коррупция имеет высочайшую приспособляемость, она видоизменяется и совершенствуется, хитроумно используя недостатки и пробелы контроля и юридической ответственности. Питательной средой для ее воспроизводства является отсутствие жесткой правовой подотчетности и подконтрольности чиновников.

В борьбе с коррупцией исключительно важным является объединение усилий, взаимодействие правоохранительных и контрольно-счетных органов. Сегодня это взаимодействие налажено в рамках реализации специального Соглашения между Счетной палатой РФ и Генеральной прокуратурой РФ. Соглашение это касается в основном заключительного этапа финансового контроля, когда по результатам аудита возбуждаются уголовные дела. Рост числа таких дел служит главным свидетельством повышения эффективности государственного контроля в этой сфере.

Особое значение в антикоррупционной политике принадлежит профилактике. По своей направленности она подразделяется на общесоциальную и специальную.

В основу общей профилактики необходимо заложить позитивный потенциал развития общества, оздоровление экономических, политических, социальных, правовых факторов и условий, освобождение его от кризисных явлений и крайностей социальной несправедливости, питающих коррупцию. Отличительной чертой последней является многоцелевой характер, который не преследует в качестве основной и единственной цели принятие только антикоррупционных мер. Коррупция представляет собой социальное явление, возникающее и процветающее из-за несовершенства и слабости многих государственных и общественных институтов. Поэтому общая профилактика предполагает комплекс укрепляющих их мер.

Специальная профилактика заключается в осуществлении особых, целенаправленных мер предупреждения коррупции, необходимых для нейтрализации конкретных неблагоприятных факторов и оздоровления социальной среды, коррекции поведения лиц или групп, выступающих потенциальными участниками коррупционных отношений, и т. д.⁷

Таким образом, только при системной стратегии заинтересованных структур, постоянном использовании разнообразных средств и технологий масштабы коррупции могут быть минимизированы и появятся определенные успехи в борьбе с этим весьма распространенным явлением.

Для устранения условий ее (коррупции) возникновения очень важно взаимодействие с гражданами. Этот ресурс явно не использован до конца.

Эффективная организация контроля над коррупцией должна системно включать в порядке иерархии экономические, политические, духовные и лишь после них – правовые средства. Нужно отдавать себе отчет в том, что органы внутренних дел могут быть причастны лишь к последнему звену этой иерархической цепи.

Современное состояние и темпы развития российской правовой системы таковы, что пик ее неопределенности пройден совсем недавно. Законодательное определение коррупционных проявлений – лишь предпосылка к тому, чтобы чиновник, делающий первые шаги по пути к коррупции, был идентифицирован и за ним мог бы быть установлен эффективный контроль.

Одним из наиболее сложных вопросов организации борьбы с коррупционными преступлениями является вопрос о том, в каком соотношении должны находиться между собой профилактические и карательные меры. Необходимость обеспечения приоритета предупреждения коррупции, а не наказания за нее, смело можно отнести к числу подтвержденных всем ходом истории аксиом. В действительности же большинство современных государств тратит на преследование коррупционных правонарушений гораздо больше средств, чем на их предупреждение.

Определенные подвижки, направленные на подрыв некоторых «корней» коррупции, в последнее время происходят, в том числе и в России. Идет процесс укрепления вертикали власти в стране, осуществляется административная реформа, значительно сокращено количество федеральных министерств, служб и агентств и т. д. Принимаются меры к повышению ответственности государственных служащих за выполнение служебных обязанностей. Вместе с тем ни содержание, ни, тем более, результаты антикоррупционных мероприятий нельзя признать адекватными экономической и криминологической обстановке, сложившейся в стране. Многие политические и общественные деятели, ученые и практики в России считают необходи-

⁷ См.: Селихов Н. В. Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 17 – 18.

мым незамедлительно принять самые жесткие и эффективные меры по борьбе с этим социальным злом.

Жесткость уголовно-правовых репрессий, направленных на коррупционеров, как правило, дает эффективные, но малоэффективные и весьма непродолжительные результаты. Наказывая коррупционера (как, впрочем, и другого преступника), общество не уничтожает само негативное явление, а «загоняет» болезнь внутрь. Дело в том, что преступники, в силу различных причин, не перестают совершать коррупционные преступления, но действуют лишь более изощренно и осмотрительно. Причем противоправные тарифы только возрастают ввиду угрозы государственного преследования. Получается некий «круговорот» коррупции.

Определяя стратегические и тактические аспекты противодействия коррупции, необходимо учитывать, что коррупция – не только сугубо криминальная проблема, из чего до сих пор исходят отдельные специалисты, а многогранное политическое, экономическое, социальное явление. В этой связи и бороться с ней только силовыми методами невозможно, хотя такой соблазн всегда остается. Свести ее проявления к социально терпимому минимуму, который в России традиционно высок, можно только комплексом мер, выходящим далеко за пределы полномочий правоохранительных органов.

Международной практикой борьбы с коррупцией накоплен определенный опыт использования не только уголовно-правовых, но и процессуальных, административных, гражданско-правовых и организационных мер ограничения коррупции. Представляется, что это актуально и для России, где далеко не исчерпаны возможности оптимизации законодательных норм, а должностные лица, имея широкие полномочия, традиционно действуют за пределами правового пространства. Прежде всего требуется принятие закона о борьбе с коррупцией⁸, разработать ряд законопроектов, которые могли бы сделать чиновничью деятельность в России более прозрачной. В подготовку такой законодательной базы могло бы внести достойный вклад МВД России.

А. И. Афиногенов,
кандидат психологических наук
(ГИЦ МВД России)

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ВЕДЕНИЮ ПЕРЕГОВОРОВ О ГОТОВЯЩЕМСЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОМ АКТЕ

Проблема борьбы с терроризмом в различных его проявлениях стала чрезвычайно актуальной в свете событий последнего времени. Наблюдается глобализация терроризма как явления. При этом террористы прибегают к разнообразным орудиям и средствам воздействия на общество, как правило, обладающим повышенными возможностями поражения граждан, а также причинения значительного морального и материального вреда. Вместе с тем поступает множество ложных звонков о готовящихся взрывах, что также наносит существенный вред.

В сложившихся условиях отмечается неудовлетворительный уровень раскрытия, расследования и предупреждения актов терроризма, а также противодействия телефонному хулиганству.

Между тем практика показывает, что эффективность расследования и предотвращения наступления тяжких последствий во многом зависят от профессионально проведенных переговоров с преступниками и гражданами, сообщающими о террористическом акте.

Исходя из изложенного и учитывая распространенность в наше время поступления сообщений о терактах, любой сотрудник правоохранительных органов должен быть готов к ведению переговоров и знать тактико-психологические особенности их проведения.

Основные цели переговоров при получении сообщения об угрозе террористического акта:

1. Выяснить все обстоятельства для организации первых безотлагательных действий (приказ МВД России от 26 февраля 2002 г. № 174).

2. Установить психолого-криминалистические особенности заявителя по признакам его речи.

3. Затянуть время переговоров (для подготовки и проведения необходимых мероприятий), установить психологический контакт с заявителем.

Указанные цели достигаются путем решения соответствующих задач:

1. Получения информации:

а) о месте установления взрывных устройств, огнестрельного оружия, ядовитых веществ (бомба) (наименовании и местонахождении организации, конкретном месте установки бомбы);

б) о характере бомбы (взрыватель с часовым механизмом, время детонации и характер взрывоопасного/ядовитого вещества, оружия, в чем содержится и т. д.).

2. Установления предположительных психолого-криминалистических особенностей заявителя (пол, возраст, национальность, образование, профессия, психологические особенности личности, патопсихологические отклонения и т. д.) (приложение 1).

3. Затягивания времени переговоров для подготовки и проведения необходимых мероприятий, используя приемы установления психологического контакта (приложение 2).

При принятии сообщения и фиксации информации – использовать памятку (приложение 3).

⁸ Изменяющаяся Россия: вызовы... С. 427.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

*Ἄ ὄαεῦ ὀδαιτὰεἰεῦ ἰνεῶτεῖτᾶ-εἰεἰ εἰἀεῖπῶε-ἀεῖεῶ ἰμᾶαἰ ἰπῶε
εἰε-ἰπῶε εἰεῶεῶεῦ ἰἀεῶἰεἰ ἰἀεῶεῶεῶ ἰεἰεἰ ἰεἰεἰ ἰεἰεἰ
ἰεἰεἰ εἰεῶεἰ-ἰεῖεἰεἰ εἰεἰ εἰεἰ.*

Заикание, гнусавость, картавость, шепелявость и т. п.

Высоту голоса, скорость, длину фраз, типичные конструкции, частоту использования различных частей речи, наклонения, ударения, грамматические ошибки, характерность выговора (акцент).

Наличие пауз, плача, кашля, смеха, вздоха, заикания и т. д.

Словарный запас, наличие-отсутствие жаргонизмов, слов-паразитов, грамотность речи, правильность построения фраз.

По указанным признакам можно определить вероятный уровень интеллекта, образование, место проживания, этническую принадлежность, профессиональную область деятельности, вероятное отношение человека к сообщаемому факту, психологический статус, патологию и т. д.

Составление психолого-криминалистического портрета заявителя требует также учета его вероятных мотивов, особенно если он намерен совершить террористический акт. Соответственно, выделяются различные типы террориста:

действует по психологическим мотивам: а) самоубийца, б) психически больной, в) мститель;

действует по уголовным мотивам, преследует интерес личной выгоды, корысть (часто ситуация с заложником);

действует по идейным, политическим мотивам: а) «идеолог», б) боевик-исполнитель.

Деление условно, указывает на ведущий мотив. При этом необходимо помнить, что всякая деятельность полимотивирована.

*Ἄεῦ ὀδαιτὰεἰεῦ ἰνεῶτεῖτᾶ-ἀεῖεἰεἰ εἰεἰεἰεἰ ἰεἰεἰεἰ ἰεἰεἰ
ἰεἰεἰ ἰεἰεἰεἰεἰ-ἀεῖεἰεἰ ἰεἰεἰ.*

Самопредставление с подчеркиванием полномочий и компетентности.

Обращение к гражданину по имени: *Как мне вас называть?*

Демонстрация понимания серьезности намерений позвонившего: *Чувствую, Вы, (Имя), – человек серьезный...*

Указание на достоинства: *(Имя), Вы же умный человек...*

Умение встать на чужую позицию: *Я понимаю Вас, (Имя), деньги всем нужны...*

Поиск совпадающих интересов: *У вас же тоже есть дети (родители)...*

Достижение конструктивного диалога.

Коррекция эмоционального состояния позвонившего: *(Имя), давайте успокоимся...*

Апелляция к здравому смыслу: *Будем рассуждать здраво, (Имя)... Вы же понимаете, (Имя), что...*

Накопление элементов согласия: *Значит, Вы, (Имя), хотите... .., да? Я правильно Вас понял, (Имя)? Давайте договоримся, (Имя)...*

Постоянные уточнения с целью получения дополнительной информации:

места, времени, количества, обстоятельств, состояния и т. д.: *Где..? Когда..? Сколько..? Как? Зачем..? Почему..?*

Помните: в большинстве стандартных ситуаций вы должны во время диалога сохранять имидж мудрого, находчивого, рассудительного, полномочного, компетентного человека.

Избегайте ошибок, приводящих к потере имиджа и срыву переговоров, в частности: перехода со спокойного, «разумного» диалога на угрозы, крик, ругань, частые ссылки на свою некомпетентность, согласия со всеми требованиями позвонившего.

ПАМЯТКА
по ведению переговоров о готовящемся террористическом акте

Т. Я. Гобозов,
кандидат юридических наук
(Московский университет МВД России)

При получении сообщения по телефону о готовящемся террористическом акте будьте предельно внимательными и вежливыми. Включите параллельный телефон и аудиозапись. В случае неопределения номера по окончании переговоров не кладите трубку на рычаг телефонного аппарата, с другого телефона позвоните дежурному АТС (тел. _____) для определения номера звонившего.

Основные цели переговоров по телефону:

1. Выяснить все обстоятельства для организации первых безотлагательных действий.
2. Установить криминалистически значимые особенности заявителя по признакам его речи (для последующего розыска и его возможной идентификации).
3. Затянуть время переговоров (для подготовки и проведения необходимых мероприятий), установить психологический контакт с заявителем.

Задайте следующие вопросы:

1. Ваше имя? _____
2. Ваш адрес? _____
3. Где установлена бомба? _____
4. Как она выглядит? _____
5. Когда должен быть взрыв? _____
6. Какого типа бомба? _____
7. Что может стать причиной взрыва? _____
8. Вы сами установили бомбу? _____
9. Почему? _____

Дословная запись сообщения: _____
_____
_____

Вероятные:

- пол звонившего _____
национальность _____
возраст _____
другое _____
Продолжительность разговора _____
На звонок ответил (а) _____
Время _____ Дата _____
Номер телефона, с которого поступило сообщение _____

Голос звонившего:

- _____ нормальный
_____ сердитый
_____ взволнованный
_____ смеющийся
_____ всхлипывающий
_____ плачущий
_____ тихий, невнятный
_____ заикающийся
_____ шепелявый
_____ имеет акцент
_____ знакомый
Другое _____
Если знакомый, то чей голос напоминает? _____

Фоновые звуки:

- _____ улицы
_____ голоса
_____ объявление по радио
_____ шум работающей техники
_____ крики животных
_____ потрескивание в трубке
_____ звонок местный
_____ звонок междугородный
Другое _____

Речь звонившего:

- _____ образованная
_____ с ругательствами
_____ путаная
_____ записанная на пленку
_____ сообщение зачитано
Другое _____

Немедленно сообщено руководству УВД, ФСБ.

Кому: _____
(тел. _____); _____
(тел. _____); _____
Дата _____ 200__ г. Время _____ час. _____ мин
Ф. И.О. _____

Подпись лица, которому поступил звонок о теракте:
Ф. И. О. _____
Место работы, должность _____

**ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Национальные интересы Российской Федерации во внутривнутриполитической сфере состоят в сохранении стабильности конституционного строя, институтов государственной власти, территориальной целостности, обеспечении правопорядка, гражданского мира и национального согласия, единства правового пространства. Актуальным в этой связи является рассмотрение организационно-правовых основ регулирования сложных миграционных процессов в стране.

Практика государственного регулирования миграционных процессов в России имеет глубокие исторические корни. На протяжении многих веков эти процессы играли огромную политическую и социальную роль. Особенно велико было их значение в XIX-XX столетиях, хотя характер и круг решаемых таким образом задач постоянно менялся. Трансформировалась и наука, занимающаяся исследованием миграционных проблем.

В постсоветский период в результате глобальных изменений в политическом и экономическом устройстве общества, вызванных рыночными реформами, современная Россия оказалась в совершенно иной миграционной ситуации, требующей разработки и реализации новой миграционной политики, ключевым звеном которой является регулирование миграционных процессов.

Миграции населения квалифицируются по ряду признаков: в зависимости от характера пересекаемых границ – внешнюю и внутреннюю; по временным признакам – постоянную (безвозвратную), временную, сезонную и маятниковую; по причинам – экономическую, политическую (бегство от политических преследований, расовых, религиозных притеснений, репатриация в связи с изменением политических условий или государственных границ), военную (эвакуация и реэвакуация, депортация); по решению – добровольную или принудительную (вынужденную)¹.

Основные направления миграционной политики постсоветской России были впервые сформулированы в республиканской долгосрочной программе «Миграция», утвержденной Правительством Российской Федерации в мае 1992 г. В качестве ее приоритетных направлений были названы: защита прав и интересов граждан РФ, проживающих как на ее территории,

¹ См.: Миграция в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество. М.: Валент, 1998. С. 11 – 13.

так и за ее пределами; управление миграционными процессами; содействие социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов; оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам; сотрудничество с международными организациями в области миграции.

Для реализации проблем миграции Указом Президента Российской Федерации в июне 1992 г. была создана Федеральная миграционная служба (ФМС) России. На ФМС России, как головной и организационный орган, возлагались задачи создания и совершенствования миграционного законодательства, прием и размещение вынужденных переселенцев и беженцев, создание системы иммиграционного контроля, разработка механизмов государственного регулирования внешней трудовой миграции.

В субъектах Российской Федерации была создана система региональных органов ФМС России строго вертикального подчинения, а несколько позже – представительства ФМС России за рубежом.

Реализация государственной миграционной политики осуществлялась через систему органов, учреждений и подведомственных организаций ФМС России в тесном контакте с другими федеральными органами законодательной и исполнительной власти, органами исполнительной власти в субъектах Федерации, международными, общественными, неправительственными и благотворительными организациями².

Правовая база миграционной политики включает федеральное и региональное законодательство, подзаконные акты, утверждаемые постановлениями Правительства РФ, Указы Президента РФ, международные двусторонние и многосторонние договоры и соглашения, регламентирующие взаимоотношения государств в отношении внешней миграции.

Федеральное законодательство, регулировавшее миграционную политику в 90-е годы, можно условно разделить на законодательство по внутренней и внешней миграции. К первой группе следует отнести федеральные законы «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места проживания и жительства в пределах Российской Федерации» и частично «О вынужденных переселенцах». Ко второй группе – федеральные законы «О гражданстве Российской Федерации», «О вынужденных переселенцах», «О беженцах», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезде в Российскую Федерацию», «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».

Миграционная политика регламентировалась указами Президента Российской Федерации: «Об учреждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации», «О мерах по введению миграционного контроля», «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы», «О Федеральной миграционной программе», «О представительствах Министерства по делам федерации,

национальной и миграционной политики Российской Федерации за рубежом».

В развитие федеральных законов и президентских указов разрабатывались и принимались подзаконные акты – постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации: «Об утверждении Положения о межведомственной комиссии по упорядочению въезда и пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства и ее составе», «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции», «Об утверждении Положения об иммиграционном контроле», «О реализации Федеральной миграционной программы», «Об утверждении Типового положения о центре временного размещения вынужденных переселенцев», «О порядке и условиях деятельности представительств Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации» и др.

Для межгосударственного правового регулирования миграционных процессов разработаны, заключены и частично ратифицированы двусторонние соглашения о регулировании процесса переселения и защиты прав переселенцев практически со всеми бывшими советскими республиками.

Нуждается в совершенствовании регулирование миграционных процессов на уровне субъектов Федерации. Анализ регионального законодательства в области решения местных проблем миграции свидетельствует о том, что в 90-е годы не удавалось проводить сколько-нибудь последовательную миграционную политику, реализуемую по четкой вертикали от федерального центра к регионам. В результате в ряде субъектов были приняты законодательные акты, противоречащие нормам Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству, главным образом, Закону «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации».

В целях совершенствования государственного управления в области миграционной политики Указом Президента РФ от 23 февраля 2002 г. «О совершенствовании государственного управления в области миграционной политики»³ ФМС России из системы упраздненного Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации передана в систему МВД России. К последнему перешли также представительства по делам миграции за рубежом.

На МВД России, выполняющее функции федерального органа исполнительной власти по миграционной службе, возлагаются: подготовка предложений по основным направлениям государственной миграционной политики и совершенствованию правового регулирования миграционных отношений; координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по

² См.: Миграционная политика // Миграция населения. Вып. 6. М., 2001. С. 34.

³ См.: СЗ РФ. 2002. № 8. Ст. 813.

реализации государственной миграционной политики; исполнение в пределах его полномочий законодательства Российской Федерации по вопросам беженцев и вынужденных переселенцев; осуществление мер по регулированию процессов внешней и трудовой миграции, привлечению иностранной рабочей силы на территорию Российской Федерации и трудоустройству граждан России за ее пределами; разработка и реализация мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции, осуществление иммиграционного контроля; участие в подготовке и реализации в пределах его полномочий международных договоров Российской Федерации в области миграции и др.

В целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 февраля 2002 г. приказом МВД России утверждено Положение о Федеральной миграционной службе Министерства внутренних дел Российской Федерации⁴. Являясь самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата МВД, ФМС МВД России в своей деятельности руководствуется Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента РФ, постановлениями и распоряжениями Правительства РФ, нормативными правовыми актами МВД России. Служба в пределах своей компетенции обеспечивает взаимодействие Министерства с федеральными органами государственной власти, полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями, средствами массовой информации, международными организациями, правоохранительными органами иностранных государств.

В соответствии с Положением о ФМС МВД России МВД разрабатывает краткосрочные и долгосрочные прогнозы миграционных процессов, проекты программ по их реализации; обеспечивает применение порядка предоставления статуса беженца или вынужденного переселенца, политического или временного убежища; определяет правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев, обеспечивает работу пунктов их приема; организует и осуществляет меры по предупреждению и пресечению незаконной миграции, обеспечивает иммиграционный контроль; осуществляет лицензирование деятельности, связанной с трудоустройством граждан Российской Федерации за пределами страны; оформляет и выдает в установленном порядке разрешения работодателям на привлечение иностранной рабочей силы; обобщает и анализирует практику применения действующего законодательства в сфере миграционных процессов; разрабатывает по направлениям своей деятельности проекты законодательных и иных нормативных право-

вых актов; участвует в подготовке проектов договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; координирует деятельность подразделений МВД по совершенствованию миграционного законодательства; осуществляет совместно с другими государственными правоохранительными органами мероприятия по выдворению (депортации) за пределы России иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно находящихся на ее территории, и др.

В развитие Положения о ФМС МВД России приказом МВД России от 31 мая 2002 г. утверждено Общее положение о подразделении по делам миграции Министерства внутренних дел, главного управления, управления внутренних дел субъекта Российской Федерации, которое регламентирует основные задачи, функции, организацию и обеспечение деятельности данных подразделений.

Подразделения по делам миграции в своей деятельности руководствуются Основным законом Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента РФ, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, законодательными и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Деятельность подразделений по делам миграции осуществляется в соответствии с принципами уважения прав и свобод человека и гражданина, законности и гуманизма на основе планирования, сочетания единоначалия в решении вопросов служебной деятельности и коллегиальности при их обсуждении, персональной ответственности каждого сотрудника за выполнение своих обязанностей и выполнение отдельных поручений.

В своей деятельности подразделения по делам миграции взаимодействуют с подразделениями криминальной милиции, милиции общественной безопасности и другими подразделениями МВД, главных управлений, УВД Российской Федерации.

В декабре 2002 г. депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации совместно с представителями федеральных округов исполнительной власти, а также органов власти субъектов Российской Федерации рассмотрели проект Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, подготовленный правительственной Комиссией по делам миграции.

Одобренная Правительством РФ Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации⁵ представляет собой систему

⁴ Положение утверждено приказом МВД России от 15 мая 2002 г. № 445.

⁵ Концепция одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 марта 2003 г. № 256-р.

взглядов на содержание и основные направления деятельности органов государственной власти Российской Федерации в области управления миграционными процессами.

Концепция состоит из четырех разделов. В *первом разделе* характеризуется современная миграционная ситуация, которая, «являясь следствием сложной социально-экономической обстановки, свидетельствует о том, что для достижения социального процветания и экономического прогресса требуются твердая воля государства и внимание всего российского общества к достижению в стране прочного правопорядка и законности в области регулирования миграционных процессов». Во *втором разделе* определены цели, принципы и задачи регулирования миграционных процессов в стране. *Третий раздел* содержит развернутый перечень основных направлений деятельности по регулированию миграционных процессов. *Последний раздел* раскрывает механизм реализации Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. «Регулирование миграционных процессов, – по утверждению разработчиков Концепции, – позволит создать условия для решения задачи по обеспечению национальной безопасности, будет способствовать устойчивому развитию экономики страны, соблюдению прав человека и повышению качества жизни населения Российской Федерации»⁶.

Совершенствование государственного управления в области миграционной политики внушает определенный оптимизм. Однако должных механизмов реализации сложных, многопрофильных миграционных процессов пока не создано. Нуждается в постоянном совершенствовании как общероссийское законодательство, так и законодательство субъектов Российской Федерации по вопросам миграции. В их числе: разработка и реализация федеральных целевых и региональных миграционных программ; сбалансирование в данной сфере работы органов исполнительной власти и органов местного самоуправления; разработка социально-экономических мер, направленных на регулирование миграционных процессов с учетом геополитических интересов страны, социально-экономической, демографической и экологической ситуации и перспектив развития регионов; взаимодействие с иностранными государствами и международными организациями в целях регулирования миграционных процессов и др.

Реализация Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации невозможна без упорядочения действующих в данной сфере нормативных правовых актов как федерального значения, так и субъектов Федерации. Такое совершенствование требуется уже хотя бы потому, что многие из них устарели и нуждаются в обновлении.

Сошлемся на один из многих примеров. В частности, не отвечает нынешним требованиям Указ Президента РФ «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы», что вносит неопределенность в правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, а нелегальная миграция разрастается до масштабов, угрожающих национальной безопасности.

Предстоит обеспечить совершенствование законодательства по вопросам: свободы передвижения, выбора места жительства и пребывания, соблюдения прав и свобод человека и гражданина; регламентирования въезда и пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе с целью осуществления трудовой деятельности; выдворения из страны иностранных граждан и лиц без гражданства (депортации) и усиления их ответственности за нарушение правил пребывания на территории Российской Федерации; уголовной, административной и материальной ответственности за организацию незаконной миграции; учета и регистрации населения; противодействия международному терроризму и политическому экстремизму (в том числе пограничного и иммиграционного контроля); укрепления правовой основы борьбы с транснациональной организованной преступностью, связанной с незаконной миграцией; использования иностранных работников при условии приоритетного права граждан Российской Федерации на занятие вакантных рабочих мест; временного трудоустройства российских граждан за рубежом и т. д. Каждая из названных проблем представляет самостоятельный научно-исследовательский интерес.

С учетом дальнейшего развития фундаментальных научных исследований, касающихся юридических основ регулирования миграционных процессов в России и мире, представляется необходимым оказать посильное содействие Федеральному миграционному центру МВД России в решении следующих задач ее компетенции: подготовке предложений по основным направлениям государственной миграционной политики и совершенствованию правового регулирования миграционных отношений; разработке мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции, регулированию процессов трудовой миграции; разработке краткосрочных и долгосрочных прогнозов миграционных процессов и проектов по их реализации, других методических материалов и рекомендаций, подготовка которых возложена на ФМС нормативными правовыми актами.

Полагаем, что эти и другие разработки могли бы лечь в основу издания соответствующих нормативных правовых актов государственной миграционной политики, проводимой МВД России.

---

⁶ Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. М., 2003. С. 10.

АНАЛИЗ НАРКОСИТУАЦИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ И МЕРЫ ПО УСИЛЕНИЮ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Общеизвестно, что на развитие наркоситуации в Кыргызской Республике оказали влияние такие факторы, как рост производства наркотиков в Афганистане, усиление спроса на наркотики в странах СНГ и Европы, транзит наркотиков, рост социально-экономических трудностей в Республике, приводящий к вовлечению в наркобизнес представителей социально уязвимых слоев населения, изменение характера употребления наркотических средств в сторону увеличения инъекционного способа.

В целях противостояния наркоугрозам в Кыргызстане принят ряд организационно-правовых мер:

разработан и принят Закон «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» (1998 г.);

издано постановление Правительства Кыргызской Республики от 25 сентября 1997 г. № 555 «Об утверждении Положения о порядке изъятия, хранения и уничтожения наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров».

принят ряд программ: от 23 июля 1998 г. «О Концепции развития государственной политики Кыргызской Республики в области контроля наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров на 1998-2000 годы»; от 25 июня 2001 г. «Государственная программа по усилению борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков на 2001-2003 годы».

Данные меры способствовали определенному противодействию распространению наркомании и незаконному обороту наркотиков в Республике.

Вместе с тем борьба с наркобизнесом остается актуальной. Если этому не уделить должного внимания, то ситуация может усугубиться.

По статданным ИАУ ГШ МВД КР, за 8 месяцев 2004 г. сотрудниками органов внутренних дел выявлено 1,932 тыс. наркопреступлений (за аналогичный период прошлого года зарегистрировано 2,087 тыс. наркопреступлений, снижение на 155 фактов или же 7,4%). Расследовано 1,829 тыс. наркопреступлений, из них направлено в суд 1,748 тыс. дел. Доля выявленных преступлений, связанных с хранением наркотических средств без цели сбыта, составляет 1,304 тыс. или же 67% от общего количества зарегистрированных наркопреступлений (1,932 тыс.). Из незаконного оборота изъято наркотических средств – опия 139 кг 896 г (за аналогичный период прошлого года – 53 кг 550 г, больше на 86 кг 346 г или +161,24%), героина – 163 кг 863 г (за аналогичный период прошлого года – 61 кг 719 г, больше на 102 кг 144 г или +165,49%).

По видам преступлений зарегистрировано: контрабанда – 55 (46 – за аналогичный период прошлого года), сбыт, хранение с целью сбыта – 329 (336), склонение к потреблению наркотических средств – 31 (22), посев наркокультур – 151 (189), содержание притонов для потребления наркотических средств – 56 (49).

Самый большой показатель по таким категориям наркопреступлений, как содержание притонов для потребления наркотических средств (ст. 252 УК КР), наблюдается в Чуйской области и в г. Бишкеке: 28 (23) и 14 (11) соответственно, или же 75% от общего количества выявленных в Республике притонов.

В пополнении рядов наркоманов не последнюю роль играют притоны. В этой связи особое внимание необходимо уделять выявлению как притонов, так и лиц, склоняющих других к потреблению наркотических средств. «Склонение» согласно ст. 249 УК КР – это действие, направленное на возбуждение у других лиц желания к потреблению наркотических или психотропных веществ. Подобные действия могут выражаться в уговорах, даче советов, обмане, насилии, угрозах, обещаниях и т. п. В соответствии с Комментарием к Уголовному кодексу Кыргызской Республики притон – это постоянное или временное помещение, специально предназначенное для потребления наркотических средств или психотропных веществ (квартира, подвал, сарай, гараж, комната и др.).

Увеличение транзита наркотиков опийной группы может привести к росту инъекционного способа потребления наркотиков, что непосредственно угрожает распространению ВИЧ-инфекций, гепатита.

Анализ изъятых из незаконного оборота наркотических средств показал, что значительное количество выявленных наркопреступлений составляют факты изъятия небольших доз наркотиков.

В таблице приводятся статданные за 8 месяцев 2004 г. о количестве наркопреступлений, по которым изъято наркотических средств – марихуаны и гашиша – до 5 г.

Виды наркотич. средств	2002 г.		2003 г.		8 мес. 2004 г.	
	марихуана	гашиш	марихуана	гашиш	марихуана	гашиш
Изъято до 5 г	303	559	557	608	267	264
Всего (марихуана, гашиш)	862		1165		531	

Как видно из таблицы, за 8 месяцев 2004 г. выявлен 531 факт наркопреступлений, по которым изъято до 5 г наркотических средств (марихуана и гашиш). Следует отметить, что анализируемый размер наркотического средства (до 5 г) – это не верхний предел небольшого размера данных видов наркотических средств, в соответствии с которым ограничиваются неболь-

шой и крупный размеры наркотиков. В соответствии с Приказом Госкомиссии при Правительстве Кыргызской Республики по контролю наркотиков (ныне АКН) от 4 мая 2000 г. № 3 (в ред. приказов Госкомиссии КР по контролю наркотиков от 21 декабря 2001 г. № 14 и 1 февраля 2002 г. № 1) верхние пределы небольших размеров исследуемых выше видов наркотических средств разные.

В целях направления основных усилий сотрудников органов внутренних дел на борьбу с наркобизнесом следует пересмотреть действующее административное и уголовное законодательство с сохранением строгих мер наказания за наиболее опасные правонарушения, связанные с наркотиками и введением административной ответственности для лиц, совершивших малозначительные деяния.

Для лиц, впервые совершивших правонарушение, связанное с хранением наркотических средств без цели сбыта в небольших размерах либо с потреблением наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, необходимо предусмотреть административную ответственность, а не уголовную. В этом плане Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности можно было бы дополнить новой ст. 87-1 в следующей редакции:

«Статья 87-1. Незаконное изготовление, приобретение, хранение и перевозка наркотических средств либо психотропных веществ без цели сбыта в небольших размерах, либо потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача.

Незаконное изготовление, приобретение, хранение и перевозка наркотических средств либо психотропных веществ без цели сбыта в небольших размерах либо потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врачом влечет наложение административного штрафа от пяти до десяти минимальных размеров заработной платы или административный арест на срок до 15 суток.

Те же действия, совершенные несовершеннолетними, влекут наложение административного штрафа на родителей или лиц, их заменяющих, от трех до пяти минимальных размеров заработной платы.

Примечание: Лицо, добровольно сдавшее имеющееся у него в небольших размерах наркотическое средство или психотропное вещество, равно как и добровольно обратившееся в медицинское учреждение за оказанием медицинской помощи в связи с потреблением наркотических средств либо психотропных веществ без назначения врача, освобождается от административной ответственности за действия, предусмотренные настоящей статьей».

Необходимо расширить и дополнить диспозицию ч. 1 ст. 246 УК КР, в соответствии с которой лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку или пересылку наркотических средств либо психотропных веществ в не-

больших размерах без цели сбыта за повторное совершение этих действий после наложения административного взыскания в течение года.

Необходимо ввести ответственность за хранение и сбыт наркотических средств в особо крупных размерах. Следует более взвешенно подойти к определению критериев отнесения количества изъятого вещества к небольшому, крупному или особо крупному размерам.

Уголовно-процессуальное законодательство должно иметь правовые новеллы, позволяющие в необходимых случаях вести упрощенный порядок расследования по делам о незначительных преступлениях, связанных с наркотиками, одновременно предоставлять возможности более жесткой борьбы с организованной преступностью в сфере наркобизнеса.

Таким образом, усилия подразделений органов внутренних дел должны быть направлены на выявление и пресечение преступной деятельности лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотиков, сбытом наркотиков, организацией и содержанием притонов, посевом наркотикосодержащих растений, склонением и вовлечением других лиц в употребление наркотиков.

Предупреждение незаконного потребления наркотиков должно стать приоритетным направлением государственной политики контроля за наркотиками. В законодательном порядке следует предусмотреть мероприятия по административному и финансовому содействию психопрофилактической работе с населением, поддержке неправительственных и некоммерческих организаций и групп самопомощи, занимающихся пропагандой здорового образа жизни.

Для реализации мер по лечению и социальной реабилитации больных наркоманией как важных самостоятельных направлений государственной политики необходимо создать достаточную правовую базу, в том числе предусмотрев возможность для образования государственного фонда социальной поддержки и реабилитации наркоманов с обеспечением благотворительной деятельности в пользу такого фонда.

Информационно-аналитические данные УНП ООН¹ свидетельствуют о том, что в ближайшие годы следует ожидать дальнейшего увеличения контрабанды наркотиков из Афганистана через Кыргызстан и государства Центральной Азии в страны СНГ и Западной Европы из-за следующих факторов:

продолжающегося увеличения спроса на наркотики в странах Европы и СНГ;

сохраняющегося роста незаконного культивирования, производства и контрабанды наркотиков в Афганистане;

сохранения значимости «северного» пути контрабанды наркотиков через страны центральной Азии в государства СНГ и Западной Европы;

---

¹ См.: Аналитической справка ГККН при Правительстве Кыргызской Республики (ныне АКН).

слабости государственных структур стран Центральной Азии, призванных противодействовать незаконному обороту наркотиков, психотропных веществ и прекурсоров.

Перечисленное определяет как неотложную задачу всех заинтересованных министерств и ведомств надежное и эффективное перекрытие путей незаконного поступления наркотиков на территорию Кыргызстана.

Основные выводы:

1. Уголовная политика должна быть ориентирована на борьбу со сбытчиками наркотиков, а не с потребителями-наркоманами.

2. Необходимо повысить эффективность правоприменительной практики за счет более активного применения мер административной ответственности.

3. Следует внести изменения и дополнения в Уголовный кодекс Кыргызской Республики в части установления ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ в особо крупных размерах.

4. Профилактическая работа должна стать приоритетным направлением государственной политики. Необходимо осуществлять поддержку неправительственных организаций, занимающихся пропагандой здорового образа жизни, опираться на общественные организации, учитывать положительный международный опыт. Необходимо создать скоординированную систему контроля за наркотиками, которая должна включать также учреждения медицинского, социального воспитания и лечения, социальной защиты.

5. В целях укрепления материальной базы территориальных подразделений правоохранительных органов, выполняющих задачи борьбы с незаконным оборотом наркотиков, следует продолжить мероприятия по приобретению необходимых технических средств, в том числе специального назначения (путем активного сотрудничества с международными донорами).

6. Следует расширять и укреплять связи с правоохранительными органами и спецслужбами иностранных государств по вопросам организации противодействия незаконному обороту наркотиков.

7. В информационно-просветительской работе видится целесообразным: усилить публицистическую направленность на будущее освобождение общества от наркотиков;

пропагандировать опыт противодействия наркомании на уровне городов;

укреплять общественную солидарность в борьбе против наркотизации.

А. С. Д у г е н е ц,
кандидат юридических наук, доцент
(ВНИИ МВД России)

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Административные наказания являются установленной государством мерой ответственности за совершение нежелательных для общества проступков и применяются в целях предупреждения новых как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Краткий экскурс в историю настоящего вопроса, к сожалению, особо не радует. С одной стороны, институт административной ответственности претерпел значительные изменения. В первую очередь это относится к количеству наказаний. В 20-х годах прошлого века циркулярным распоряжением Президиума ВЦИК от 11 мая 1921 г. президиумам исполкомов и коллегиям губернских (областных) отделов было предоставлено право применения следующих административных наказаний: лишения свободы до двух недель; назначения на принудительные работы без лишения свободы сроком до одного месяца; административного штрафа¹.

В определенный период развития отечественной правовой системы понятие «административный штраф» имело несколько иное значение; под ним понимались штрафы, применяемые соответствующими полномочными органами и должностными лицами исполнительной власти, т. е. администрациями. При этом к административным не относились штрафы, налагаемые в судебном порядке за совершение тех же проступков².

С течением времени, по мере развития общественных отношений, значительно изменилась и система административных наказаний. В то же время следует вести разговор о ее определенном несовершенстве. В настоящее время в Российской Федерации, как, впрочем, и в СССР и РСФСР, отсутствует научно проработанная и практически выверенная государственная позиция по вопросам применения административных наказаний. По данному вопросу можно обратиться к серьезной юридической литературе. Например, на страницах журнала «Российская юстиция» авторы В. Лукьянов и Н. Борисова, характеризуя практику применения административных наказаний, отмечают, что «в административной практике... наблюдались периоды ее активизации и спада. Рост правонарушений служил причиной издания приказов, призывов к ужесточению принимаемых мер. За этим следовал всплеск справедливого возмущения чрезмерными санкциями и придирами, который находил свое отражение в прессе. Реагируя на это, адми-

¹ См.: Елистратов А. И. Административное право РСФСР. М., 1925. С. 57.

² См.: Советское административное право. М., 1940. С. 211.

нистративная практика смягчалась, переходя к неоправданному либерализму и попустительству. Правонарушения росли снова и все начиналось с начала. Таким образом, санкции периодически пересматривались – то в сторону смягчения, то ужесточения. Но вопрос о том, какую именно меру из достаточно широкого диапазона возможных санкций следует применять в каждом конкретном случае, остается нерешенным»³. Нет сомнений, что приведенная характеристика практики применения административных наказаний продолжает сохранять свою актуальность и в современных условиях действия норм нового КоАП.

Продолжая рассмотрение темы, следует обратить внимание на появление в российском законодательстве нового термина «административное наказание», ранее неизвестного как советской, так и российской науке административного права. Новое словосочетание пришло на смену применяемым прежде словам «административное взыскание». При внешней схожести по внутреннему содержанию указанная новелла имеет принципиальное отличие от прежнего термина, что не могло остаться за пределами внимания ученых-административистов. Например, А. П. Шергин верно, как нам представляется, отмечает, что новое словосочетание «точнее отражает суть карательной санкции как меры административной ответственности, подчеркивая опасность административного правонарушения, обуславливающую необходимость применения меры государственного принуждения в виде административного наказания... Наконец, новая терминология согласуется с названием уголовно-правовой санкции «наказание»⁴.

Принципиальным отличием нового термина «наказание», по нашему мнению, является изменение внутренней государственной политики. «Российское общество, которое только начало приближаться в своем сознании к идее правового государства и в то же время переживает системный кризис, сопровождаемый ростом правонарушений, больше, чем когда бы то ни было нуждается в системе правовых норм, упорядочивающих деятельность государственных органов по охране правопорядка, ибо это является если не главным, то весьма существенным аргументом в судьбе как идеи правового государства, так в значительной мере и самого российского государства»⁵. Следует согласиться с мнением авторов приведенной цитаты, высказавших обоснованное беспокойство по поводу того, что количество совершаемых в стране административных правонарушений и уголовно наказуемых преступлений в значительной степени представляет в последнее время определенного рода угрозу национального масштаба.

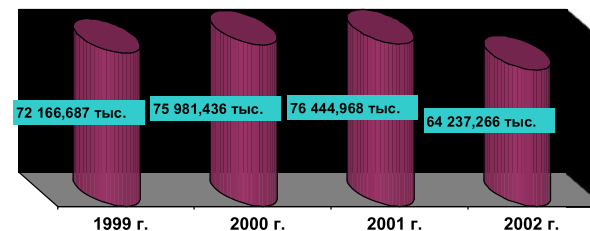
³ Лукьянов В., Борисова Н. Угроза причинения вреда как последствие правонарушения // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 43.

⁴ Шергин А. П. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М., 2002. С. 44.

⁵ Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское право России: проблемы теории. СПб., 2001. С. 88.

Для убедительности изложенной мысли необходимо обратиться к статистическим данным ГИЦ МВД России за последние годы (форма I-АП).

Количество административных правонарушений, выявленных органами внутренних дел в целом по стране

Снижение общего количества совершенных в 2002 г. административных правонарушений не должно обольщать обывателя. Сокращение деликтов объясняется вступлением в силу 1 июля 2002 г. нового КоАП РФ, многие нормы которого явились новеллами для правоприменителя. К тому же отдельные статьи указанного закона характеризуются некоторым несовершенством, что в значительной степени осложнило деятельность должностных лиц органов внутренних дел как одного из основных его применителей.

Небезынтересно обратиться к некоторым выводам ГУООП СОБ МВД России о специфике деятельности подчиненных ему структур органов внутренних дел в условиях действия норм нового Кодекса. За второе полугодие 2002 г. сотрудниками органов внутренних дел выявлено и задокументировано всего 24 581,961 тыс. административных правонарушений, что почти на 40 млн меньше, чем за аналогичный период первого полугодия. Наиболее значительное снижение общего количества зарегистрированных административных правонарушений (от 60 до 75%) произошло в МВД республик Марий Эл, Северная Осетия-Алания, УВД Астраханской, Калининградской и Тверской областей.

Наименьшее снижение этих показателей (от 5 до 20%) отмечалось в МВД Республики Коми, Удмуртской Республики, УВД Читинской области, а в УВД Костромской области во 2-ом полугодии 2002 г. выявлено и задокументировано на 5,4% больше административных правонарушений, чем в I-ом.

Значительным в общем массиве регистрируемых в целом по стране проступков продолжает оставаться количество некоторых наиболее опасных, по нашему мнению, как для общества, так и для простых граждан административных правонарушений. К таковым следует отнести в первую очередь мелкое хулиганство. Динамика изменения количества выявляемых органами внутренних дел указанных проступков в целом по Российской Федерации выглядит следующим образом:

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Общее количество совершенных в РФ мелких хулиганств	3914,459 тыс.	3691,966 тыс.	3368,275 тыс.	2559,611 тыс.

В структуре совершаемых административных деликтов значительную долю занимают подростки, что не может не беспокоить. В 2002 г. было выявлено 130,155 тыс. фактов административных проступков, совершенных несовершеннолетними правонарушителями. Особое беспокойство вызывает вовлечение в противоправную деятельность лиц женского пола – в указанный период зафиксировано 21,618 тыс. подобных случаев.

В специальной юридической литературе последних лет наметившееся неблагоприятное состояние российского общества неоднократно становилось объектом пристального научного интереса. Л. И. Поспелова по итогам проведенного исследования административно-юрисдикционной практики утверждает, что «ежегодный вал административных проступков, по экспертной оценке, превышает 100 млн, действительного количества совершаемых административных правонарушений не знает никто»⁶. Общая картина многомиллионного размаха административной деликтности вызывает беспокойство многих ученых-административистов. Ранее приведенное мнение об угрожающем многомиллионном количестве административных деликтов Л. И. Поспеловой поддерживает А. П. Шергин⁷, с авторитетным мнением которого следует считать.

Думается, что приведенные примеры дают основания поддержать позицию законодательной власти о переходе от профилактической к карательной направленности российского законодательства. По нашему мнению, «неудовлетворительное состояние правовой защищенности современного общества настоятельно диктует необходимость перехода правоприменителя к подавлению социального зла, коим следует считать указанное выше количество совершаемых в стране административных правонарушений»⁸.

⁶ Поспелова Л. И. Проблемы кодификации административно-деликтного законодательства: Дис... канд. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2001. С. 20.

⁷ См.: Шергин А. П. Административная политика: проблемы формирования и реализации // Актуальные проблемы кодификации административно-деликтного законодательства: Сб. науч. трудов / Под ред. В. Г. Татаряна. М., 2002. С. 93.

⁸ Дугенец А. С. Наложение административных наказаний органами внутренних дел: Учебное пособие. М., 2003. С. 71.

Логическим подтверждением изложенной позиции является в том числе и применение в КоАП РФ нового термина «административное наказание». Государство при осуществлении внутренней политики в сфере административно-правовых отношений усиливает наказательную составляющую, что в целом отвечает чаяниям простого обывателя, налогоплательщика, чье настроение обязаны отслеживать и учитывать законодательная, исполнительная и судебная власти.

Сложившаяся ситуация вызывает всеобщую обеспокоенность, диктует настоятельную необходимость поднять значимость данной проблемы на общегосударственный уровень. «Административная деликтность в современной России, – утверждает А. П. Шергин, – представляет значительную опасность для существующего правопорядка. Защита общественных отношений от административных правонарушений становится одной из важнейших задач государства. Выработка стратегии противодействия этим правонарушениям – составная часть политики Российской Федерации»⁹.

С вступлением в силу нового КоАП РФ должностным лицам органов административной юрисдикции следует четко уяснить происшедшие при этом изменения в понимании некоторых норм рассматриваемого законодательного акта. В нормах нового Кодекса более четко, на наш взгляд, просматривается принцип гуманизма. С одной стороны, наказание не должно унижать человеческое достоинство, а тем более причинять правонарушителю физические страдания, вне зависимости от характеристики его личности, степени тяжести совершенного им проступка. Данная позиция отечественного законодателя в полном объеме соответствует требованиям, вытекающим из признанных Российской Федерацией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конвенции Организации Объединенных Наций против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, а также Всеобщей декларации прав гражданина и человека.

С другой стороны, нельзя не обратить внимание на легко просматриваемую позицию законодателя, закрепившего в нормах нового КоАП своего рода карательный уклон. При анализе соответствующих статей старого и нового кодексов просматривается отсутствие в ст. 3.1 нового законодательного акта цели воспитания правонарушителя, присущей Кодексу 1984 г. В этой связи следует согласиться с уточнением А. П. Шергина, точно заметившего, что «такой подход представляется более реалистичным, основанным на понимании административного наказания как одного из вспомогательных средств противодействия административным правонарушениям»¹⁰. В условиях почти галопирующего роста количества совершаемых в стране административных правонарушений репрессивный курс законодателя представляется своевременным и оправданным.

⁹ Шергин А. П. Указ. соч. С. 94.

¹⁰ Там же. С. 45.

Думается также, что в сложившихся условиях логическим продолжением репрессивного курса было бы положительное решение вопроса о создании федерального статистического центра, содержащего информацию о всех выявленных административных правонарушениях. В настоящее время отсутствие подобного органа оказывает негативное влияние на проводимую внутреннюю административную политику. «При ее выработке, – справедливо отмечает Л. И. Поспелова, – органы государственной власти сталкиваются с серьезными трудностями уже на стадии сбора и оценки информации... Форма статистической отчетности АП-1 Госкомстата СССР оказалась невостребованной в современной России. Поэтому единой по стране статистической информации об административных правонарушениях нет, ведомственная статистика этого пробела не восполняет. По существу субъекты административной политики могут оценить лишь приблизительные масштабы административной деликтности, состояние и динамику отдельных групп административных правонарушений»¹¹.

Сложившаяся неблагоприятная ситуация подвергнута обоснованной критике А. П. Шергиным, отметившим, что «еще хуже обстоят дела с аналитической информацией об административно-юрисдикционной деятельности, об эффективности применяемых мер за совершение административных правонарушений. Если в преддверии первой кодификации административно-деликтного законодательства активно проводились исследования эффективности наказаний за отдельные виды правонарушений, то в период разработки нового КоАП РФ такие исследования были свернуты. Представляемые министерствами, ведомствами сведения, оценки и предложения превалируют в исходной для выработки административной политики информации и носят, как правило, односторонний характер»¹².

Отсутствие единого информационного центра, аккумулирующего сведения административно-юрисдикционного характера, позволяет утверждать об условности, интуитивности законодателя при конструировании санкций нового КоАП при определении видов и размеров наказаний за совершение конкретных административных правонарушений.

Реализация же ранее указанного предложения о создании федерального статистического центра, содержащего информацию о всех выявленных административных правонарушениях, будет способствовать оперативному и объективному сбору, регистрации, накоплению и обработке необходимой информации, наличие которой позволит своевременно решать ряд принципиальных задач:

статистическое наблюдение за состоянием административной практики на местном, региональном и федеральном уровнях;

сводка и группировка статистического материала;

анализ полученных в результате проведенной сводки показателей.

Предложение о создании статистического центра не является новым, на протяжении многих лет на различного уровня совещаниях, конференциях, семинарах постоянно поднимается этот вопрос¹³. Проведенные сотрудниками Академии управления МВД России П. И. Ивановым и Т. Г. Байрамовым исследования показали, что за создание автоматизированного банка данных высказалось 78% опрошенных руководителей БППРИАЗ МВД, ГУВД, УВД¹⁴. Не вызывает сомнения, что его создание позволит поднять на качественно иной уровень статистику работу в правоприменительных органах. Опираясь имеющимися статистическими данными о динамике и структуре административной деликтности в стране, можно будет делать выводы об эффективности и практике применения существующих административных наказаний, о необходимости отмены некоторых из них или, наоборот, о целесообразности по примеру бывших советских республик введения новых видов.

По общему правилу, как отмечалось выше, применение административного наказания не может иметь целью унижение человеческого достоинства физического лица, а также нанесение вреда деловой репутации лица юридического. Изложенное предопределило позицию отечественного законодателя при осмыслении количества и видов наказаний.

Обращает внимание изменение подхода к количественно-качественной стороне настоящего вопроса. В ст. 24 утраченного КоАП РСФСР содержалась норма, допускающая установление законодательными актами и иных, кроме указанных в Кодексе, видов административных наказаний в соответствии с принципами и общими положениями законодательства. При разработке проекта нового кодифицированного акта указанное положение законодателем не было востребовано и стало достоянием истории.

Статья 3.2 КоАП России определяет за совершение административных правонарушений исчерпывающий перечень административных наказаний:

- 1) предупреждение;
- 2) административный штраф;
- 3) возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения;
- 4) конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения;
- 5) лишение специального права, предоставленного физическому лицу;
- 6) административный арест;

¹³ См., напр.: Шергин А. П. Новое законодательство об административной ответственности и совершенствование административной практики ОВД // Вопросы охраны общественного порядка и социалистической собственности в свете Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях: Сб. науч. тр. Горький, 1981. С. 118.

¹⁴ См.: Иванов П. И., Байрамов Т. Г. Информационное обеспечение подразделений милиции общественной безопасности по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнения административного законодательства // Информация и информационная безопасность правоохранительных органов: Материалы XII международной науч. конференции. М., 2003. С. 180.

¹¹ Поспелова Л. И. Указ. соч. С. 27.

¹² Шергин А. П. Указ. соч. С. 97.

7) административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства;

8) дисквалификация.

В отношении же юридических лиц законодательство допускает применение только:

1) предупреждения;

2) административного штрафа;

3) возмездного изъятия орудия совершения или предмета административного правонарушения;

4) конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения.

Особо следует обратить внимание на следующую процессуальную особенность – в соответствии со ст. 3.2 КоАП РФ административные наказания в виде возмездного изъятия орудия совершения или предмета административного правонарушения; конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишения специального права, предоставленного физическому лицу; административного ареста; административного выдворения за пределы страны иностранного гражданина или лица без гражданства, а также дисквалификации устанавливаются только КоАП РФ. Законодательство субъектов Российской Федерации указанные виды административных взысканий устанавливать не может. В случае же их установления или наличия подобной правовой нормы в ранее принятых законодательных актах применение их в правоприменительной практике недопустимо.

Предупреждение, административный штраф, лишение специального права, предоставленного физическому лицу, административный арест и дисквалификация могут устанавливаться и применяться только в качестве основных административных наказаний.

Возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения, их конфискации, а также административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства могут устанавливаться и применяться в качестве как основного, так и дополнительного административного наказания.

За одно административное правонарушение может быть назначено основное либо основное и дополнительное административное наказание из наказаний, указанных в санкции применяемой статьи Особенной части настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административной ответственности.

Я. Н. Р а д ю ш и н,
заместитель мэра г. Тольятти

МЕСТО И РОЛЬ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В соответствии с Конституцией Российской Федерации оборона и безопасность находятся в ведении Российской Федерации (ст. 71), меры по обеспечению государственной безопасности, охране общественного порядка осуществляет Правительство Российской Федерации (ст. 114).

Статья 72 Конституции определяет, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся:

защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон (п. «б»);

природопользование; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры (п. «д»);

осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий (п. «з»).

Предметы ведения и полномочия органов исполнительной власти республик перечислены в конституциях республик, в республиканских законах, в том числе о Президенте, Правительстве, об администрации, учитывающих конституционно-правовой статус республик в составе Российской Федерации.

Законодательство республик в составе Российской Федерации отличается значительным разнообразием. Башкортостан, Саха (Якутия), Татарстан, Тыва исходя из принятых ими ранее деклараций о государственном суверенитете в одностороннем порядке провозгласили себя суверенными демократическими государствами. Из конституций этих республик были изъяты положения о том, что они находятся в составе Российской Федерации, о верховенстве федерального законодательства над республиканским.

В соответствии с Конституцией Республика Саха (Якутия) обладает всей полнотой государственной власти на своей территории, за исключением тех полномочий, которые добровольно, на основе договора делегированы ею в ведение федеральных органов Российской Федерации и осуществляются с ее участием.

Республики Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Коми, Калмыкия, Карелия в своих основных законах установили асимметричный тип отношений с Российской Федерацией, оговорив особые условия, на которых они входят в ее состав. Совокупность этих условий говорит о частичном государственном суверенитете данных субъектов Российской Федерации, их конституции провозгласили республики суверенными государствами в ее составе.

Конституции некоторых республик наделили президентов полномочиями, которые выходят за рамки предметов ведения и компетенции субъектов

Федерации. Например, согласно Конституции Республики Татарстан ее президент осуществляет помилование лиц, осужденных судами республики; в интересах обеспечения безопасности граждан вводит в соответствии с законом чрезвычайное положение в республике или в отдельных ее местностях. Но законодательство России (Конституция и Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении») предоставляет право вводить чрезвычайное положение исключительно Президенту Российской Федерации.

Президент Республики Башкортостан может приостанавливать действия актов органов государственной власти Российской Федерации, также вводит чрезвычайное положение, осуществлять помилование.

Президент Республики Бурятия назначает народных судей районных, аймачных, городских народных судов, в то время как прерогатива назначения судей относится к Президенту РФ; вводит в неотложных случаях чрезвычайное положение.

Президент Республики Калмыкия наделен полномочиями вводить чрезвычайное положение на территории республики или отдельных ее регионов.

Председатель Правительства Республики Карелия имеет полномочия объявлять, продлевать и отменять чрезвычайное положение. Президент Республики Коми также может вводить чрезвычайное положение.

Превышение полномочий органов исполнительной власти субъектов Федерации содержится в положении, согласно которому президент Республики Тыва в случае объявления Верховным Хуралом республики военного положения принимает решение о применении государственного военного резерва, а также по согласованию с соответствующими органами военного управления РФ регулирует действия военных формирований, дислоцированных на территории Республики. Более того, президент Республики Тыва по собственной инициативе либо на основе заключения совета безопасности республики входит в Верховный Хурал с предложением по вопросам войны и мира, в интересах обеспечения общественной безопасности граждан и защиты конституционного строя вводит в соответствии с законом чрезвычайное положение в республике или отдельных ее местностях.

Президент Республики Саха (Якутия) принимает решения о дислокации на территории республики воинских формирований, контролирует их передвижение и деятельность, констатирует нарушение ими договорных обязательств; определяет порядок образования территориальных воинских и иных формирований; вводит чрезвычайное положение на территории республики.

По нашему мнению, обстоятельства, порядок и право введения чрезвычайного положения достаточно дискуссионны. Так, следовало бы расширить полномочия органов власти субъектов Российской Федерации и предоставить им право при возникновении чрезвычайных ситуаций природно-

го и техногенного (несоциального) характера вводить на своей территории чрезвычайное положение. При этом важно, что чрезвычайные ситуации не должны угрожать целостности государства, его основам, суверенитету. Право вводить чрезвычайное положение по этим же основаниям и на территории этого субъекта Российской Федерации должно оставаться и у Президента Российской Федерации.

Тем не менее Конституция Российской Федерации такого права органам власти субъектов Российской Федерации не предоставляет.

Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации принимают меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью, осуществляют иные полномочия, возложенные на них Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и законами республики, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и республик.

Функции и полномочия субъектов Российской Федерации связаны с исполнительной деятельностью в различных сферах общественной жизни: экономической, социально-культурной, охраны окружающей природной среды, правопорядка и общественной безопасности. В этих и других областях правительство (администрация) республики проводит региональную политику, составляет проекты планов и программ социально-экономического развития, осуществляет управление республиканской собственностью, создает условия для деятельности государственных и негосударственных организаций, принимает меры по защите прав и законных интересов граждан и организаций и т. д.

Несколько иное положение в предметах ведения и полномочий органов исполнительной власти краев и областей. В обобщенном виде глава администрации (губернатор) представляет субъект Федерации в федеральных органах государственной власти, в отношениях с другими субъектами РФ.

Некоторые уставы краев и областей предполагают и иные полномочия глав администраций (губернаторов), вытекающие из особенностей организации и функционирования органов государственной власти субъектов Федерации. Устав Вологодской области, например, предусмотрел такие полномочия губернатора, как планирование и организация проведения мероприятий по мобилизационной подготовке в соответствии с действующим законодательством. Губернатор Свердловской области учреждает, формирует и возглавляет областной совет общественной безопасности.

В уставах и иных законодательных актах субъектов РФ достаточно развернуто и с учетом специфики региона устанавливается компетенция органов исполнительной власти в области законности и правопорядка.

В общеправовом смысле понятие «общественная безопасность» можно определить как состояние правовой защищенности личности и общества от факторов, создающих потенциальную и реальную опасность их жизненно важным интересам, выраженных, в частности, в общественно опасных действиях (бездействии) и охраняемых системой норм админист-

ративного, информационного, уголовного, экологического и иных отраслей права.

Таким образом, общественная безопасность в управленческом, административно-правовом и информационно-правовом аспектах представляет собой состояние защищенности нормами административного и информационного права определенной совокупности общественных отношений, складывающихся в области жизнедеятельности личности и общества, безопасного функционирования государственных органов, общественных организаций (объединений) и граждан, реализации их прав, свобод и законных интересов¹.

В системе национальной безопасности существуют свои особые ценности и приоритеты, их иерархия определяется как принадлежностью национальной безопасности к региональным и международным структурам безопасности, так и тем, что в ее собственном содержании каждый элемент имеет свои доминанты. Если для личности такими доминантами являются ее собственные права и свободы, то для общества – сохранение и умножение материальных и духовных ценностей, а для государства – внутренняя стабильность, территориальная целостность, суверенитет. Тем самым в национальной безопасности синтезируются коренные, жизненно важные потребности и интересы всех социальных субъектов.

Региональная безопасность является составной частью глобальной (всеобщей, международной) безопасности, относится к тому или иному региону земного шара. Она характеризует состояние отношений между группой стран, при котором им угрожает опасность войны или другое посягательство извне на существование, суверенное и независимое развитие. Региональная безопасность обладает общими признаками безопасности международной (глобальной), неразрывно связана с нею и с национальной безопасностью. Одновременно ей присущ ряд специфических черт и особенностей, соответственный набор системных элементов, проблем и способов их решения, придающих региональной безопасности определенную самостоятельность.

Система «национальная безопасность» имеет свои особенности, но и общие с другими социальными системами черты, закономерности развития и функционирования. По существу, национальная безопасность – это динамическая открытая социальная система со своими специфическими структурными и функциональными компонентами.

Структурные компоненты системы «национальная безопасность» выражаются целями системы, объектами и субъектами национальной безопасности, силами, органами, средствами, мерами, ресурсами и другими составляющими. Специфика системы «национальная безопасность» определяется ее функциональными компонентами.

1. Организационное построение единой государственной системы и негосударственной подсистемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

2. Реализация мероприятий по защите личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз их жизненно важным интересам; задействование для этого возможностей субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Совершенствование подготовки всех сил обеспечения национальной безопасности, включая государственный и негосударственный уровни.

3. Проведение работ по прогнозированию угроз интересам личности, общества и государства во всех сферах жизнедеятельности, мониторинга национальной безопасности; разработка комплекса методик для определения эффективности мер по обеспечению национальной безопасности.

4. Повышение эффективности органов национальной безопасности в реагировании на угрозы жизненно важным интересам как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях. Организация их взаимодействия, реформирование сил обеспечения национальной безопасности, создание нормативной правовой базы их деятельности.

5. Повышение общего уровня деятельности по обеспечению национальной безопасности. Разработка новых подходов к планированию и реализации комплекса мероприятий, а также новых соответствующих современным условиям форм и методов деятельности по обеспечению национальной безопасности.

6. Развитие научных исследований по вопросам защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации реализуется органами, силами, средствами системы, которая включает органы законодательной, исполнительной и судебной властей, государственные, общественные и иные организации и объединения, а также граждан, участвующих в соответствии с законом в разработке и реализации совокупности мер политического, правового, организационного, экономического, научно-технического, военного и иного характера, направленных на обеспечение национальной безопасности.

Исходя из положений Концепции национальной безопасности Российской Федерации разрабатываются основные направления политики ее обеспечения во внешнеполитической, экономической, общественной, оборонной, экологической, информационной сферах, сфере охраны здоровья населения и иных.

Общее руководство государственными органами обеспечения безопасности осуществляет Президент Российской Федерации. Он возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, определяет стратегию внутренней и внешней безопасности; контролирует и координирует деятельность государственных органов обеспечения безопасности; в пределах определенной законом компетенции принимает оперативные решения по обеспечению

¹ См.: Воронов А. М. Управление органами внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности: Монография. М.: Юридический институт МВД России, 2002.

безопасности; представляет Федеральному Собранию ежегодный доклад об обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и основных задачах политики национальной безопасности на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективы.

Координирующим межведомственным органом системы обеспечения национальной безопасности является Совет Безопасности Российской Федерации. Он обеспечивает реализацию функций Президента Российской Федерации по управлению государством, формированию внутренней, внешней и военной политики в области безопасности, сохранению государственного суверенитета России, поддержанию социально-политической стабильности в обществе, защите прав и свобод граждан.

Организационно-правовые реформы, проводимые в России в последние годы, одной из основных целей преследуют повышение эффективности функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления в области обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. Можно вспомнить Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. «О поэтапном формировании муниципальных органов охраны общественного порядка». Примерно в то же время ученые О. А. Овчинников, А. М. Кононов, Л. Л. Попов, А. А. Савостин, В. В. Цветков, А. П. Шергин и другие и практические работники в полный голос начали говорить о создании местных органов обеспечения общественной безопасности, поэтапном формировании муниципальных органов охраны общественного порядка.

За несколько прошедших лет общество пришло к пониманию необходимости реформирования системы обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка. Был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на перераспределение задач и функций среди субъектов обеспечения общественной безопасности, повышение их эффективности (например, Указ Президента Российской Федерации от 16 октября 2001 г. «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти», Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в ст. 7 и 9 Закона Российской Федерации «О милиции» и др.).

Создание института полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах повлекло за собой кардинальные структурные изменения в системе правоохранительных органов. Так, в МВД России созданы главные управления МВД России по федеральным округам. В настоящее время идет процесс их становления, должны быть нормативно закреплены их место и роль в системе обеспечения общественной безопасности и охране общественного порядка.

Уже в 2003 г. претерпели значительные изменения ФСБ России, другие органы государственной власти, входящие в систему обеспечения общественной безопасности.

Концепция национальной безопасности предполагает принятие решений и мер органами государственной власти в области борьбы с преступностью,

которые должны быть открытыми, конкретными и понятными каждому гражданину, носить упреждающий характер, обеспечивать равенство всех перед законом и неотвратимость ответственности, опираться на поддержку общества.

Но решение проблем, непосредственно связанных с усилением борьбы с преступностью, предопределяет объективную потребность в проведении фундаментальных исследований, выявлении на этой основе приоритетов общегосударственного масштаба, предварительного, но рассчитанного на перспективу просчета направлений, ориентиров и средств усиления борьбы с преступностью. Следует четко наметить цели, пути и способы реформирования государственных, правовых, общественных, экономических институтов и органов государственной власти, к каковым относится и МВД России.

Именно поэтому ведется разработка документа, который бы определил основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Национальная стратегия борьбы с преступностью должна предусматривать комплекс согласованных, научно обоснованных, ресурснообеспеченных усилий всех ветвей власти, действующих в единстве. Объединение ветвей власти в данном случае не нарушает принципа их разделения, так как каждая из них, в пределах своих возможностей и полномочий, должна вносить вклад в решение комплексной проблемы борьбы с преступностью. Национальная стратегия борьбы с преступностью, кроме того, должна учитывать возможности политической системы страны, гражданского общества и отдельных слоев населения, предусматривать меры развития и эффективного их использования, а также меры совершенствования организационных основ борьбы с преступностью и деятельности правоохранительных органов.

Приоритетными задачами государственной политики в области борьбы с преступностью должны стать:

- 1) разработка федеральной целевой Программы борьбы с преступностью, а на ее основе Концепции развития системы МВД России;
- 2) создание по территориально-отраслевому принципу системы обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка. В нее должны войти федеральная милиция; федеральная служба (комитет, департамент, бюро) расследования преступлений; национальная гвардия; муниципальная милиция.

Как нам представляется, следует более четко определить полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере обеспечения общественной безопасности и охране общественного порядка. Следующим шагом должно стать принятие законов «Об органах обеспечения общественной безопасности», «Об органах охраны общественного порядка» и некоторых других нормативных правовых актов.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ УЧРЕЖДЕНИЯ,
ИСПОЛНЯЮЩЕГО НАКАЗАНИЯ:
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

Под деятельностью руководителя учреждения Федеральной службы исполнения наказания (ФСИН) следует понимать определенную совокупность осуществляемых им работ, обладающих общими свойствами и вместе с тем имеющих специфические свойства, отличающие их от других работ. От качества его деятельности зависят результативность функционирования учреждения ФСИН и его структурных элементов, успешность выполнения их основного назначения – *εἰρήνην αἰετὴν ἀσφάλειαν ὁ ἰαεὶς αἰετὴν ἐε*.

Анализ деятельности руководителя учреждения ФСИН позволяет выделить некоторые общие признаки всех осуществляемых им работ, что в свою очередь создает возможность классификации этих работ по следующим критериям: функциональные обязанности руководителя; этапы управленческого цикла; объекты воздействия; степень личного участия в осуществлении тех или иных видов деятельности; основные направления деятельности учреждения.

Согласно первому критерию в деятельности руководителя учреждения ФСИН можно выделить отдельные направления соответственно функциональным обязанностям, предусмотренным в его должностной инструкции.

В зависимости от стадий (этапов) управленческого цикла и от технологических этапов осуществления процесса управления все виды работ, выполняемые руководителем учреждения ФСИН, также можно условно объединить в несколько групп.

В частности, согласно классификации элементов руководящей деятельности, предложенной Б. И. Сазоновым¹, представляется возможным выделить следующие группы: определение целей управления; подготовка и принятие решения; организация исполнения решения; контроль за исполнением решения.

В соответствии со стадиями управленческого цикла, выделяемыми А. П. Корневым², в деятельности руководителя учреждения ФСИН можно выделить следующие основные направления: предварительное управление;

оперативное управление; учет, анализ и контроль. Необходимо отметить недостаточную четкость такой классификации, поскольку между приведенными этапами управленческого цикла нет жестких временных либо содержательных границ.

По аналогии с классификацией типов управления, представленной В. И. Махониным³, управленческую деятельность руководителя можно подразделить на: административно-организационное управление; кадрово-ресурсное управление; процессно-организационное управление.

По своей направленности виды деятельности руководителя учреждения ФСИН делятся на следующие группы: организацию личной служебной деятельности; организацию служебной деятельности личного состава; организацию жизнедеятельности спецконтингента; организацию внешнего взаимодействия учреждения.

В зависимости от степени личного участия в осуществлении тех или иных видов деятельности можно выделить деятельность, осуществляемую непосредственно руководителем учреждения, а также деятельность, участие руководителя в которой является опосредованным (организация взаимодействия, регулирование, контроль, консультирование и т. п.).

Существует также точка зрения, согласно которой деятельность руководителя учреждения ФСИН осуществляется в двух направлениях⁴: реализация задач учреждения; осуществление множества специфических функций руководителя учреждения как должностного лица.

Основные направления деятельности руководителя учреждения, исполняющего наказание, неразрывно связаны с основными направлениями деятельности самих учреждений. По этому основанию можно выделить такие направления деятельности руководителя, как организация охраны, организация надзора, организация оперативной работы, организация воспитательной работы и т. п.

Деятельность руководителя учреждения ФСИН, как и любой другой вид деятельности, безусловно, требует определенных организационных усилий.

В монографии «Проблемы государственного управления в уголовно-исполнительной системе России. Состояние и перспективы (организационно-правовой аспект)» А. А. Аксенов выделяет самоорганизующуюся, организующую и дезорганизующую разновидности организационной деятельности, которые реализуются посредством соответствующих организацион-

³ См.: Махинин В. И. Управление в органах безопасности: Методологические, теоретические, методические основы и основы культуры. М., 2002. С. 31.

⁴ См.: Попов В. И., Попов Г. Л. Организация работы начальника исправительно-трудовой колонии. М., 1982.

¹ См.: Сазонов Б. И. Руководитель ОВД: стиль и методы работы. М., 1983. С. 6, 7.

² См.: Основы управления в органах внутренних дел: Учебник / Под ред. А. П. Корнева. М., 2001. С. 18.

ных механизмов (оргмеханизмов): «самоорганизации», «организации», «дезорганизации»⁵.

Можно предположить, что каждое из направлений деятельности руководителя учреждения ФСИН осуществляется посредством сразу нескольких организационных механизмов, но в то же время можно выделить и один основной, доминирующий организационный механизм. Причем в зависимости от направлений их деятельности доминирующие организационные механизмы могут *различаться*, что напрямую обусловлено *различием* объектов управленческого воздействия со стороны руководителя (табл.).

Однако это вовсе не означает, что указанные организационные механизмы должны быть дифференцированы строго по отдельным направлениям деятельности руководителей. Комплексный подход, вытекающий из единства процесса управленческой деятельности руководителя, предполагает обеспечение направленности всех предпринимаемых усилий на достижение цели функционирования учреждения, используя при этом возможности всех указанных организационных механизмов.

Т а б л и ц а

Доминирующие организационные механизмы

Направления деятельности руководителя	Доминирующий оргмеханизм
1. Организация личной служебной деятельности	Самоорганизация
2. Организация служебной деятельности личного состава	Организация
3. Организация жизнедеятельности спецконтингента	Дезорганизация
4. Организация внешнего взаимодействия учреждения	Организация

Учитывая вышеизложенное, можно, на наш взгляд, классифицировать отдельные направления деятельности руководителя учреждения ФСИН в зависимости от реализуемых им в своей работе организационных механизмов и выделить соответственно **самоорганизующуюся, организующую и**

⁵ См.: Аксенов А. А. Проблемы государственного управления в уголовно-исполнительной системе России. Состояние и перспективы (организационно-правовой аспект): Монография. Рязань, 1996. С. 19.

дезорганизирующую деятельность. Каждая из них, безусловно, обладает существенной спецификой; в то же время, необходимо отметить условность такого деления, учитывая комплексный характер применения перечисленных оргмеханизмов.

Такая классификация основных направлений деятельности руководителя имеет теоретическое и практическое значение. Ее теоретическая значимость заключается в том, что она дает возможность научно дифференцировать все виды деятельности руководителя, служит задачам упорядочения его работы, помогает определить принципиальный подход к классификации видов деятельности и управленческих решений руководителей учреждений ФСИН. Практическое значение этой классификации состоит в том, что она позволяет выделить основные направления деятельности руководителя, описать их, упорядочить весь комплекс осуществляемых им работ, определить тенденции их образования и развития.

Рассмотрим подробнее особенности и возможность *приложения* того или иного организационного механизма к различным направлениям деятельности руководителя учреждения ФСИН.

Организация личной служебной деятельности. Рассматривая вопрос о возможности использования руководителем процессов самоорганизации в личной служебной деятельности, следует обратить внимание на то, что система управления учреждением ФСИН испытывает воздействие различных внешних факторов и сама способна оказывать воздействие на внешнюю среду. Следовательно, указанные учреждения являются относительно открытыми системами, в которых, в принципе, возможно возникновение процессов самоорганизации. Однако, по мнению многих авторов, самоорганизация в системе государственных органов имеет меньше всего прав на существование, так как «свободное развитие государственного органа не может являться автономной правовой ценностью, государство и право выполняют чрезвычайно важные функции, связанные с наличием властных полномочий, а самоорганизация власти чревата многими серьезными опасностями»⁶. Все же отдельные проявления самоорганизации присутствуют в деятельности учреждений ФСИН, несмотря на достаточно жесткое правовое закрепление полномочий руководителей и подчиненных им сотрудников.

Полное искоренение самоорганизации из деятельности учреждений ФСИН неоправдано, так как это может привести к полному подавлению инициативы руководителей при принятии решений, к возникновению значительных трудностей при разрешении нестандартных проблем, к сниже-

⁶ Ветютнев Ю. Ю. Синергетика в праве // Государство и право. 2002. № 4. С. 64-69.

нию гибкости организационной структуры управления и управленческой деятельности руководителей, а, следовательно, к снижению эффективности работы учреждения.

Личная служебная деятельность руководителя учреждения ФСИН осуществляется прежде всего в рамках самоорганизации. Последняя выражается в отсутствии внешнего субъекта организационной деятельности в большинстве процессов организации указанной деятельности руководителя. Внешнее воздействие проявляется, в основном, в создании, развитии и поддержании условий и правовых рамок этой деятельности. Говоря о самоорганизации, следует понимать последнюю в буквальном смысле слова. Ее суть состоит в том, что руководитель, как правило, самостоятельно организует свою личную деятельность (планирование личной служебной деятельности, выбор и применение форм и методов руководства и др.). О самоорганизации в том ее виде, который представлен и изучается в теории самоорганизации, здесь можно говорить лишь с определенной долей условности, рассматривая руководителя как часть коллектива учреждения, как элемент данной социальной системы.

В то же время не стоит принижать и значение оргмеханизма «организации», реализуемого в форме директив и указаний вышестоящего руководства, осуществления контроля за деятельностью руководителя, оценки его работы.

Организация служебной деятельности личного состава. В рамках данного направления деятельности руководителя учреждения ФСИН оргмеханизм «организация», безусловно, занимает доминирующее положение. Очевидно, что руководитель призван создавать, поддерживать и развивать благоприятные условия для эффективной деятельности своих подчиненных. Так, среди основных обязанностей руководителя учреждения ФСИН можно назвать: организацию и обеспечение целенаправленного и эффективного взаимодействия между структурными подразделениями учреждения; организацию ресурсного обеспечения деятельности исполнителей и др.

Именно руководителю отводится основная роль при определении разумных пределов самоорганизации. При этом ему следует руководствоваться принципом, основанным на использовании преимуществ самоорганизации только при обязательном соблюдении условия поддержания порядка и равновесия, не допускающего ни малейшей возможности возникновения дезорганизации в работе учреждения.

Что же касается возможности применения оргмеханизма «дезорганизации» при организации деятельности личного состава учреждения, то он реализуется в ходе противодействия руководителя неформальным объединениям сотрудников, если их существование угрожает нормальному функ-

ционированию учреждения, и деятельности их неформальных лидеров, если последняя направлена на дезорганизацию деятельности учреждения. Кроме того, указанный оргмеханизм может быть задействован в процессе устранения различного рода конфликтов среди сотрудников, а также в целях пресечения недозволенных связей сотрудников учреждения со спецконтингентом.

Организация внешнего взаимодействия учреждения направлена на согласование и объединение усилий и возможностей учреждения и других государственных органов и учреждений, общественных объединений, предприятий и организаций, использование преимуществ их совместной деятельности в целях наиболее успешного решения различного рода задач. Данное направление деятельности руководителя учреждения ФСИН осуществляется главным образом в рамках механизма «организации».

О возможности применения здесь такого оргмеханизма как «самоорганизация», на наш взгляд, говорить можно только при условии рассмотрения учреждения ФСИН в качестве структурного элемента социальных систем более высокого порядка. Например, учреждение ФСИН как часть *всей пенитенциарной системы* в лице его руководителя может самостоятельно, без инициативы вышестоящего руководства, устанавливать взаимоотношения с различными общественными институтами, научными центрами, способными оказывать помощь в организации исполнения наказания и исправления осужденных, в оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве освобожденных.

Механизм «дезорганизации» в рамках организации руководителем внешнего взаимодействия учреждения можно с определенной долей условности рассматривать как средство конкурентной борьбы за рынки сбыта произведенной учреждением продукции (работ, услуг). Так, например, стремление дезорганизовать работу конкурента может быть реализовано путем «захвата» части принадлежащих ему рынков сбыта продукции, а также «перехвата» его основных поставщиков и клиентов.

Организация жизнедеятельности спецконтингента. В целом можно согласиться с мнением А. А. Аксенова, что в ФСИН Минюста России «внешнее управление реализуется в своей основе в отличие от многих видов социального и государственного управления в пределах дезорганизации, и что другие организационные механизмы этого класса (самоорганизация, организация) выступают дополнительными средствами решения задач, выполняемых в рамках дезорганизации»⁷. В качестве дополнения следует лишь отметить, что осуществление внешнего управления в деятельности

---

⁷ Аксенов А. А. Указ. соч. С. 187.

таких учреждений ФСИН, как уголовно-исполнительные инспекции, предполагает применение «организации» в качестве основного организационного механизма.

Здесь необходимо учитывать и обстоятельство, что такой организационный механизм, как «организация», может являться составной частью механизма «дезорганизации». Так, в процессе организации жизнедеятельности осужденных в целом реализуется механизм «дезорганизации», а «организация» осуществляется лишь в ходе руководства сотрудниками, задействованными в «дезорганизации», или для упорядочения отдельных сторон жизнедеятельности осужденных. Следовательно, рассматриваемые оргмеханизмы обладают системными свойствами, в том числе структурностью (иерархичностью), целенаправленностью и т. д.

Деятельность руководителя учреждения ФСИН происходит в условиях определенного противодействия осужденных и некоторых других заинтересованных лиц. Этим она отличается от управленческой деятельности руководителей большинства иных органов управления. Объекты, на которые воздействуют работники учреждения ФСИН, способны в ряде случаев оказывать на них обратное, дезорганизирующее воздействие⁸.

Таким образом, несмотря на схожесть всех выше рассмотренных организационных механизмов, в том числе и по совокупности составляющих их элементов, необходимо учитывать особенности реализации каждого из них применительно к определенным управленческим ситуациям, их системное построение, необходимость комплексного использования при разработке методик (рекомендаций) осуществления руководителем учреждения ФСИН своих функций и отдельных направлений деятельности.

Кроме того, необходимо тщательно подходить к разработке даже одних и тех же оргмеханизмов, поскольку конкретное содержание каждого из них существенно определяется существующими или *потенциальными* условиями осуществления служебной деятельности. Несоблюдение этого требования может вызвать негативные явления в деятельности руководителя и персонала учреждения ФСИН, привести к снижению эффективности выполнения управленческих функций, а тем самым стоящих перед организацией задач.

---

⁸ См.: Калинин Ю. В. К вопросу о психологических аспектах управленческой деятельности в ИТУ // Актуальные проблемы научной организации исправления и перевоспитания осужденных: Материалы науч.-практ. конференции. Рязань, 1973. С. 45 – 47.

С. П. Ломтев,
доктор юридических наук, профессор
(ВНИИ МВД России);
Л. В. Иванова
(Академия экономической безопасности
МВД России)

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В обеспечении экономической безопасности РФ важное значение имеет организация разработки и реализация федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ комплекса нормотворческих и правоприменительных мер по охране интеллектуальной собственности.

Основополагающую юридическую основу охраны интеллектуальной собственности составляют положения Конституции РФ, согласно которым «правовое регулирование интеллектуальной собственности» находится в ведении РФ (ст. 71), а сама «интеллектуальная собственность охраняется законом» (п. 1 ст. 44).

Одним из таких законов является Кодекс РФ об административных правонарушениях (ст. 7.12 «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав» КоАП РФ), которым посягательство на интеллектуальную собственность признается административным правонарушением, а его объективная сторона характеризуется, в частности, «ввозом, продажей, сдачей в прокат или иным незаконным использованием экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода в случаях, если экземпляры произведений или фонограмм являются контрафактными в соответствии с законодательством Российской Федерации об авторском праве и смежных правах либо на экземплярах произведений или фонограмм указана ложная информация об их изготовителях, о местах их производства, а также об обладателях авторских и смежных прав, а равно иное нарушение авторских и смежных прав в целях извлечения дохода»).

Противоправным посягательством на интеллектуальную собственность административный закон признает также «незаконное использование изобретения, полезной модели либо промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели либо промышленного образца до официального опубликования сведений о них, присвоение авторства или принуждение к соавторству» (ч. 2 ст. 7. 12.).

Интеллектуальную собственность, помимо конституционного и административного законодательства, регламентирует гражданское, трудовое, уголовное и ряд иных отраслей права, образующих определенную систему, включающую различные по юридической силе, территории¹ и субъектам

---

¹ См.: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 9 декабря 2000 г. «О предложениях по совершенствованию

действия международно-правовые (например, соглашения между отдельными государствами) национальные акты.

В последние годы в российские законы об интеллектуальной собственности внесены существенные изменения и дополнения, которые, по мнению правоведа В. И. Еременко, обусловлены, «помимо восполнения пробелов и исправления недостатков в правовом регулировании, необходимостью приведения их в соответствие с международными договорами, в которых Россия участвует или намеревается участвовать, а также восприятия передового опыта других стран в этой сфере правового регулирования»².

В июле 2002 г. взамен понятия «использование топологии в целях получения прибыли» (ранее – «в коммерческих целях») поправкой к ст. 1 Закона Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. «О правовой охране топологий интегральных микросхем»³ введено новое понятие – «охраняемая топология», под которой понимается лишь та, которая отвечает условиям правовой охраны, указанным в настоящем Законе.

Федеральным законом от 24 декабря 2002 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных»⁴ внесены изменения в абз. 4 п. 1 ст. 18 Закона, согласно которым правообладатель вправе требовать возмещения лицом, нарушившим исключительное право, причиненных убытков в соответствии с гражданским законодательством (ранее в размер возмещаемых убытков включалась также сумма доходов, неправомерно полученных нарушителем, что в ряде случаев приводило к необоснованному обогащению правообладателя).

В целях реализации положений ст. 6-bis Парижской Конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (по состоянию на 14 июля 1967 г.)⁵ Федеральным законом от 11 декабря 2002 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»⁶ включена отдельная глава 2.1 («Общезвестный товарный знак, его правовая охрана»), регламентированы основания признания товарного знака охраняемым (абз. 1 п. 1 ст. 19.1 Закона), сформулированы основания признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку (ст. 28 «Оспаривание и признание недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку»).

Следствием последних изменений и дополнений, внесенных в Патентный закон РФ от 23 сентября 1992 г. (с изм. от 27 декабря 2000 г., 30 дека-

бря 2001 г., 24 декабря 2002 г., 7 февраля 2003 г.)⁷, явились, в частности, регламентация в п. 1 ст. 3 Закона единственной формы охраны изобретений, полезных моделей и промышленных образцов – получение патента, включение в Закон пяти статей, образующих самостоятельный раздел, – «Особенности правовой охраны изобретений», закрепление в ст. 32 положения о том, что за нарушение Закона наступает гражданско-правовая, административная или уголовная ответственность.

Таким образом, очевиден комплексный, межотраслевой подход законодателя к регламентации отношений, складывающихся по поводу возникновения объектов интеллектуальной собственности, управления и контроля за осуществлением интеллектуальных прав, реализации исключительного (авторского) права, а также договорных отношений и отношений автора (авторов) по поводу служебных, но творческих по своему характеру результатов трудовой деятельности с администрацией предприятий, учреждений, организаций.

Но, как пишет правовед Д. Шестаков, «разобщенное, лоскутное правовое регулирование интеллектуальной собственности характеризуется сегодня противоречивостью, коллизиями, пробелами в нормативно-правовом решении многих проблем». Далее он делает вывод о необходимости «...кодификации законодательства, его объединения, приведения в соответствие с современными экономическими, политическими и правовыми реалиями»⁸.

Проблема совершенствования правового регулирования интеллектуальной собственности дополняется задачей охраны от преступных посягательств авторских и смежных прав и аудиовизуальной продукции, которая является одним из «новых и приоритетных направлений государственной политики в области правовой защиты интеллектуальной собственности», а «интеллектуальное пиратство»⁹, как один из видов криминального предпринимательства, в силу своей высокой доходности и низкой степени рискованности остается благоприятной экономической средой для формирования организованных преступных групп¹⁰ противоправная деятельность которых составляет прямую угрозу экономической безопасности Российской Федерации.

К приоритетным направлениям государственной политики в области правовой защиты интеллектуальной собственности, согласно перечню направлений сотрудничества и полномочных органов Российской Федерации, ответственных за выполнение Соглашения о сотрудничестве по пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности, заключенного государствами – участниками СНГ 6 марта 1998 г., в частности, относятся:

национального законодательства государств – участников СНГ в области интеллектуальной собственности с учетом требований современных международных стандартов» // Патенты и лицензия. 2001. № 2.

² Еременко В. И. Изменения в российском законодательстве об интеллектуальной собственности // Гражданин и право. 2003. № 6.

³ См.: СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2786.

⁴ См.: СЗ РФ. 2002. № 52. Ч. I. Ст. 5133.

⁵ См.: Вестник ВАС РФ. 1996. № 2.

⁶ См.: СЗ РФ. 2002. № 50. Ст. 4927.

---

⁷ ВВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2319.

⁸ Шестаков Д. Интеллектуальная собственность в системе российского права и законодательства // Российская юстиция. 2000. № 5.

⁹ Смыслина Е. Борьба с пиратской вольницей в «мировой паутине» // Российская юстиция. 2001. № 6.

¹⁰ См.: Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 21 ноября 2000 г. № 36/948-00 «О защите интеллектуальной собственности в сфере производства и реализации аудиовизуальной продукции».

гармонизация национального законодательства в области охраны интеллектуальной собственности с учетом требований международных договоров в этой сфере;

обмен информацией о предупреждении и пресечении правонарушений в области интеллектуальной собственности;

создание общей информационной базы данных о предупреждении и пресечении правонарушений в сфере интеллектуальной собственности;

обмен опытом работы по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию правонарушений в области интеллектуальной собственности;

обмен нормативными правовыми актами, учебной, методической и специальной литературой;

организация совместных научных исследований, семинаров и конференций;

содействие в профессиональной подготовке, переподготовке и повышении квалификации кадров¹¹.

В комплексе мер обеспечения экономической безопасности страны в части, касающейся охраны интеллектуальной собственности, не менее важное значение имеют задачи оптимизации организационной структуры полномочных органов охраны интеллектуальной собственности и координации их деятельности и решения на правительственном уровне вопросов «проведения единой государственной политики в области противодействия нарушениям в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации; разработки предложений о совершенствовании нормативной правовой базы в сфере интеллектуальной собственности и т. д.»¹² в целях повышения результативности правоприменительной практики в данном направлении, поскольку, как свидетельствует Е. Дубинский, «в России доля нелегального (пиратского) рынка по некоторым видам программ достигает 94%, что наносит ощутимый ущерб как обладателям прав на данные программы, так и государству (в виде неуплаты налогов, утраты международного престижа и т. п.)»¹³.

Дальнейший и более глубокий анализ связей законотворческого и правоприменительного процессов может образовать теоретико-прикладную основу для более эффективной охраны интеллектуальной собственности как элемента обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

---

¹¹ См.: Постановление Правительства России от 23 ноября 2001 г. № 812 «Об утверждении перечня направлений сотрудничества и полномочных органов Российской Федерации, ответственных за выполнение Соглашения о сотрудничестве по пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности» // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4625.

¹² Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2002 г. № 934 «О Правительственной комиссии по противодействию нарушениям в сфере интеллектуальной собственности» // СЗ РФ. 2003. № 1. Ст. 129.

¹³ Дубинский Е. Ответственность за нарушение авторских прав на компьютерные программы и базы данных // Финансовая газета. 2001. № 44.

В. А. Дорофеев,
(ЗС Ростовской области)

ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТА УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ, ВЗИМАЕМЫХ С ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА (СТ. 194 УК РФ)

В соответствии с диспозицией ст. 194 УК РФ уголовная ответственность наступает за уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых как с организаций, так и физических лиц. Вместе с тем субъектом преступления по российскому уголовному праву могут быть только физические лица. Уголовно-правовая характеристика субъекта преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, основывается на положении таможенного законодательства. Анализ признаков субъекта по ст. 194 УК РФ и признаков лиц, ответственных за уплату таможенных пошлин и налогов (ст. 320 Таможенного кодекса), позволяет сделать вывод о том, что, с юридической точки зрения, уголовное и таможенное законодательство не находятся в противоречии.

Пункт 1 ст. 320 Таможенного кодекса устанавливает, что лицом, ответственным за уплату таможенных пошлин, налогов, является декларант. Если декларирование производится таможенным брокером (представителем), он является ответственным за уплату таможенных пошлин, налогов в соответствии с п. 2 ст. 144 ТК РФ. При неуплате таможенных пошлин, налогов, в том числе при неправильном их исчислении и (или) несвоевременной уплате, ответственность перед таможенными органами несет лицо, ответственное за уплату таможенных пошлин, налогов (п. 3 ст. 320 ТК РФ). Таким образом, ТК в качестве субъектов уклонения называет прежде всего декларанта и таможенного брокера.

Декларантом признается лицо, которое декларирует товары либо от имени которого декларируются товары (п. 15 ст. 11 ТК РФ). Очевидно, что к числу лиц, от имени которых декларируются товары, могут относиться юридические лица. Таковыми могут быть российские лица (по терминологии ТК¹): 1) перемещающие товары через таможенную границу в соответствии с внешнеэкономической сделкой; 2) перемещающие товары без заключения такой сделки, но имеющие при этом право владения и (или) пра-

---

¹ В соответствии с п. 13 ст. 11 ТК российскими лицами признаются юридические лица с местонахождением в РФ, созданные в соответствии с законодательством РФ, а также физические лица, постоянно проживающие в РФ, в том числе зарегистрированные на территории РФ в качестве индивидуальных предпринимателей.

во пользования товарами на таможенной территории РФ; 3) иные лица, совершающие юридически значимые действия в соответствии с ГК РФ или ТК РФ от собственного имени с товарами, находящимися под таможенным контролем (ст. 16, п. 1 ст. 126 ТК РФ). Однако ограничение круга декларантов российскими лицами не является абсолютным. Как указывает Ю.Г. Давыдов, таможенные органы вправе определить исключения из данного правила. Кроме того, иностранное лицо, не могущее подать декларацию на товары ввиду такого ограничения, вправе использовать российского таможенного брокера, чтобы исполнить свою обязанность декларировать товары и транспортные средства². Юридическая оценка такого субъекта уклонения от уплаты таможенных платежей, как таможенный брокер, уточнена Б.В. Волженкиным, по справедливому замечанию которого при применении ст. 194 УК РФ речь должна идти не о таможенном брокере (поскольку в соответствии с федеральным законодательством таможенный брокер – юридическое лицо, коммерческая организация), а о специалистах по таможенному оформлению, которые состоят в штате таможенного брокера и декларируют товары от его имени³. Данное уточнение находится в полном соответствии с новой редакцией Таможенного кодекса. Таможенным брокером (представителем) также может быть только российское *юридическое лицо* (выделено нами), включенное в Реестр таможенных брокеров (ст. 139, 140 ТК РФ). Пункт 17 ст. 17 ТК РФ определяет таможенного брокера как посредника, совершающего таможенные операции от имени и по поручению декларанта и иного лица, на которого возложена обязанность или которому предоставлено право совершать таможенные операции в соответствии с данным Кодексом. Таможенный брокер совершает от имени декларанта или других заинтересованных лиц по их поручению таможенные операции в соответствии с ТК РФ, при этом правовые отношения между ними строятся на договорной основе. Таможенный брокер вправе ограничить сферу своей деятельности совершением таможенных операций в отношении определенных видов товара в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности либо в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу определенными видами транспорта, а также совершением отдельных таможенных операций или регионом деятельности того или иного таможенного органа. Таможенным брокером не может быть казенное предприятие.

Кроме декларантов и таможенных брокеров, ст. 328 ТК в качестве плательщиков таможенных пошлин, налогов признает владельцев складов временного хранения, владельцев таможенных складов, перевозчиков, а также иных лиц, на которых возложена обязанность уплачивать таможенные пошлины, налоги (п. 2 ст. 320 ТК РФ). Деятельность юридических лиц в каче-

² См.: Давыдов Ю.Г. Комментарий к Таможенному кодексу Российской Федерации (новая редакция). М., 2003. С. 181.

³ См.: Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб., 1999. С. 203.

стве владельцев складов временного хранения, владельцев таможенных складов, а также таможенных перевозчиков может признаваться законной лишь в том случае, если данные лица включены в соответствующие Реестры, составляемые и обновляемые каждые три месяца Федеральной таможенной службой. Исключения составляют таможенные органы, которые сами могут быть владельцами таких складов и при этом не включаться в Реестр.

Временное хранение товаров – самостоятельная таможенная процедура (ст. 99 ТК), а склады временного хранения – особая территория для обеспечения данной процедуры (ст. 100 ТК), являющаяся зоной таможенного контроля. Такие склады предназначены для осуществления таможенной процедуры, при которой иностранные товары, задержанные к вывозу или ввозу таможенными органами, размещаются в специально выделенных и оборудованных помещениях и (или) на открытых площадках, соответствующих специальным требованиям (связанным, главным образом, с обеспечением сохранности и неприкосновенности). Владелец склада временного хранения может быть только российское юридическое лицо. В обязанности владельца склада временного хранения закон вменяет уплату таможенных платежей в следующих случаях: 1) если владельцем такого склада получено разрешение на внутренний таможенный транзит; 2) в случае утраты полученных на хранение товаров либо их выдачи без разрешения таможенного органа (ст. 112 ТК). Таможенный склад понимается в ТК как самостоятельный таможенный режим (ст. 215 ТК) либо как специально выделенное и обустроенное в целях обеспечения сохранности товаров, подлежащих дальнейшему таможенному оформлению, помещение или открытая площадка (ст. 216, 217 ТК). Основания для обязывания владельца таможенного склада уплачивать таможенные платежи аналогичны тем, которые предусмотрены и для владельца склада временного хранения (ст. 230 ТК РФ). Закон делает исключение лишь для форс-мажорных обстоятельств (авария, действие непреодолимой силы, естественная убыль при нормальных условиях хранения). Перевозчиком в соответствии с п. 16 ст. 11 ТК РФ признается лицо, осуществляющее перевозку товаров через таможенную границу и (или) перевозку товаров под таможенным контролем в пределах таможенной территории РФ или являющееся ответственным за использование транспортных средств. Таможенный перевозчик вправе ограничить сферу своей деятельности видом товара, видом транспортного средства, регионом деятельности таможенного органа. Закон прямо возлагает обязанность уплаты таможенных платежей на перевозчика и экспедитора, сопровождающего товар (ст. 90, 92, 97 ТК РФ). При этом оговаривается, что перевозчик и экспедитор не несут ответственности за уплату таможенных пошлин, налогов в случае, если товары уничтожены либо безвозвратно утеряны вследствие аварии, действия непреодолимой силы или естественной убыли при нормальных условиях перевозки. В связи с особенностями прохождения товара через

перевозчика ТК прямо называет еще одного субъекта, на которого может быть перенесена обязанность уплаты таможенных платежей. Часть 2 п. 1 ст. 90 ТК устанавливает: «Если товары переданы перевозчиком получателю или иному лицу без разрешения таможенного органа, лицо, получившее указанные товары во владение, несет ответственность за уплату таможенных пошлин, налогов, если будет установлено, что при получении таких товаров это лицо знало или должно было знать о нарушениях таможенного законодательства Российской Федерации».

Проведенный анализ положений Таможенного кодекса позволяет говорить о том, что данный источник прямо указывает на особенности деятельности субъектов, которые несут полную ответственность за уплату таможенных платежей и налогов. Эта деятельность должна быть связана с пользованием и распоряжением товарами, выполнением иных требований и условий, установленных для применения таможенных процедур и таможенных режимов, содержание которых предусматривает полное или частичное освобождение от уплаты таможенных пошлин, налогов. Иными словами, указанные лица официально, в установленном законом порядке, включены в таможенные правоотношения, стали участниками механизма фактического осуществления внешнеэкономической деятельности, а особенности их деятельности и создают основания для возложения на них обязанности по уплате таможенных платежей. Наличие специальной обязанности действовать определенным образом (уплачивать таможенные платежи) при наступлении определенных обстоятельств (осуществление внешнеэкономической деятельности, связанной с перемещением товаров через таможенную границу) существенно сужает круг потенциальных субъектов уклонения от уплаты таможенных платежей. Данное обстоятельство органически связывает признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, и его субъекта. Субъект может совершить данное преступление исключительно в связи со спецификой своей деятельности в сфере внешнеэкономических отношений. Такая особенность юридически значимых признаков субъектов уклонения от уплаты таможенных платежей позволяет отнести их к группе специальных в рамках уголовно-правовых отношений.

Особенностью криминализации сферы внешнеэкономической деятельности является активная роль организованных преступных групп. Действия криминальных группировок направлены на извлечение неконтролируемой государством прибыли, укрытие доходов от налогообложения, размещение валютной выручки в иностранных банках и расходование в личных целях за рубежом. В арсенале преступных группировок используются различные методы, начиная от документального подлога, регистрации фирм-однодневок и заканчивая силовым давлением и подкупом сотрудников та-

моженной службы⁴. Устанавливая ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, уголовный закон в качестве квалифицирующего признака называет совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 194). Несомненно, совместная преступная деятельность значительно расширяет круг субъектов данного общественно опасного деяния.

Характерно, что на признаки соучастия при уклонении от уплаты таможенных платежей указывает и ТК, что было несвойственно его предыдущей редакции. Так, п. 4 ст. 320 ТК определяет: «При незаконном перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу ответственность за уплату таможенных пошлин, налогов несут лица, незаконно перемещающие товары и транспортные средства, лица, участвующие в незаконном перемещении, если они знали или должны были знать о незаконности такого перемещения, а при ввозе – также лица, которые приобрели в собственность или во владение незаконно ввезенные товары и транспортные средства, если в момент приобретения они знали или должны были знать о незаконности ввоза, что надлежащим образом подтверждено в порядке, установленном законодательством РФ. Указанные лица несут такую же ответственность за уплату таможенных пошлин, налогов, как если бы они выступали в качестве декларанта незаконно вывозимых или незаконно ввезенных товаров». Фактически в данной норме указаны некоторые ключевые признаки соучастия – деятельность нескольких лиц, совместный характер деятельности, осведомленность субъектов о незаконности данной деятельности.

Анализ положений ст. 32 УК РФ «Понятие соучастия в преступлении» позволяет выделить основные признаки соучастия: участие в совершении одного и того же преступления двух и более лиц; совместность их преступной деятельности; умышленный характер этой деятельности; наличие причинной связи между действиями всех соучастников и наступившим результатом. Соответственно, соучастие возможно там, где имеется: взаимная осведомленность соучастников о преступной деятельности друг друга; единое намерение совершить преступление при возможном несовпадении целей и мотивов преступных действий⁵. Для уточнения круга субъектов, действующих по предварительному сговору при уклонении от уплаты таможенных платежей, следует обратиться к некоторым вопросам соучастия, касающимся разграничения его простых и сложных форм. Так, А.В. Наумов

⁴ Криминогенные условия и преступность в сфере внешнеэкономической деятельности в России. <http://newasp.omskreg.ru/bekryash>.

⁵ См., напр.: Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999. С. 70; Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Онтологический аспект. Саратов, 1991. С. 115-118; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 51; Зелинский А.Ф. Соучастие в преступлении. Волгоград, 1971. С. 4; Алиев Я.Л. Формы соучастия и их отражение в действующем уголовном законодательстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 7 и др.

классифицирует формы соучастия по такому признаку, как наличие или отсутствие предварительного соглашения: а) соучастие без предварительного соглашения (ч. 1 ст. 35 УК); б) соучастие с предварительным соглашением: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК); совершение преступлений организованной группой (ч. 3 ст. 35 УК); совершение преступления преступным сообществом (ч. 4 ст. 35 УК)⁶. Таким образом, наличие или отсутствие предварительного сговора становится тем обстоятельством, которое позволяет разграничить простую и сложную форму соучастия. Степень общественной опасности данных форм различна. В.Д. Иванов и С.Х. Мазуков подчеркивают: «Соучастие без предварительного соглашения является наименее опасной формой соучастия, которое имеет место в момент совершения преступления либо непосредственно перед совершением, когда умысел у лиц возникает внезапно и реализуется немедленно. Для данной формы соучастия свойственна минимальная степень согласованности, что обусловлено невозможностью сговора до начала совершения преступления⁷. Этой же точки зрения придерживаются М.И. Ковалев⁸, А.В. Галахова⁹, А.В. Наумов¹⁰, Н.Ф. Кузнецова¹¹, ряд других ученых. Не вызывает сомнений, что сложные формы соучастия никоим образом не распространяются на так называемые спонтанные преступления, т. е. общественно опасные деяния, характеризующиеся внезапно возникшим умыслом и присоединяющимся поведением. Напротив, преступления при сложных формах соучастия заранее обдумываются, между моментом возникновения умысла и моментом его реализации находится такой интервал времени, в течение которого не только достигается предварительная договоренность, но и детализируются обстоятельства предполагаемого преступления. По мнению Р.Р. Галиакбарова, именно эти признаки позволяют провести четкую границу между сложным соучастием и любым конкретным проявлением группового преступления: «В отличие от группового преступления сложное соучастие (соучастие в тесном смысле слова) распространяется на такие случаи, когда некоторые соучастники (или хотя бы один из них) выполняют роль исполнителей, другие исполнителями не являются, выступая в качестве организаторов, подстрекателей или пособников. В сложном соучастии организаторы, подстрекатели и пособники объективно лишь создают условия для более успешного выполнения преступления исполнителем (исполнителями). Это обстоя-

⁶ Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 299.

⁷ Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Соучастие в преступлении. Ростов н/Д. С. 18-19.

⁸ См.: Ковалев М.И. Соучастие в преступлении // Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1998. С. 232.

⁹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2001. С. 82.

¹⁰ См.: Наумов А.В. Указ. соч. С. 300.

¹¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 78-79.

тельство предопределяет предметное содержание умысла этих соучастников. Каждый из них сознает, что в определенной роли оказывает содействие исполнителю и желает совершить такие действия»¹².

В случае, предусмотренном п. «а» ч. 2 ст. 194 УК РФ, речь, несомненно, идет о соучастии по предварительному сговору, т.е. о сложной форме соучастия. По общему правилу соучастниками могут быть вменяемые физические лица, достигшие возраста уголовной ответственности (в данном случае – шестнадцати лет). Однако, как показывает анализ правоприменительной практики по делам о таможенных преступлениях, соучастниками уклонения от уплаты таможенных платежей в подавляющем большинстве случаев становятся лица, так или иначе участвующие во внешнеэкономической деятельности. Иными словами, на практике соучастие по ст. 194 УК РФ имеет место со стороны специальных субъектов. Специфика данного преступления такова, что осуществить совместные действия, направленные на неуплату таможенных платежей, вступив при этом в предварительный сговор, могут в основном лица, осуществляющие перемещение товаров, с одной стороны, а с другой стороны, – помещающие товар под специальные режимы (склад временного хранения, таможенный склад), либо осуществляющие контроль за исчислением и уплатой таможенных платежей. Такими соучастниками становятся декларанты, перевозчики, специалисты по таможенному оформлению, руководители и сотрудники таможенных складов и складов временного хранения, должностные лица таможенных органов. В последнем случае должностным лицам таможенных органов инкриминируется не только соучастие в уклонении от уплаты таможенных платежей, но и должностные преступления – злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК), получение взятки (ст. 290 УК), служебный подлог (ст. 292 УК), разумеется, при наличии признаков соответствующих преступлений.

Таким образом, субъектами преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, могут выступать декларанты, специалисты по таможенному оформлению (работающие от имени таможенного брокера), таможенный перевозчик, экспедитор, получатель или иное лицо (при установлении осведомленности о том, что таможенные платежи не уплачены перевозчиком или экспедитором в установленном порядке), руководители или сотрудники склада временного хранения, таможенного склада. Соучастниками данного преступления могут являться как общие, так и специальные субъекты, в том числе должностные лица таможенных органов.

¹² Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 7.

М. А. Кочубей,
кандидат юридических наук,
доцент
(МосУ МВД России)

ТАМОЖЕННАЯ ГРАНИЦА КАК ПРИЗНАК СОСТАВА КОНТРАБАНДЫ

Диспозиция ст. 188 УК РФ «Контрабанда» в качестве ключевого признака объективной стороны данного преступления называет место его совершения – таможенную границу Российской Федерации. Мы разделяем представленное в науке уголовного права суждение о том, что нормативные предписания, имеющие отношение к уголовной ответственности, могут выполнять функции регулирования общественных отношений в сфере уголовного преследования лишь посредством взаимосвязи с нормами уголовного права, причем лишь при наличии прямой или подразумеваемой ссылки в УК¹. Бланкетный характер диспозиции данной нормы предполагает обращение к источникам российского законодательства, устанавливающим юридически значимые критерии таможенной границы. Как родовое понятие таможенная граница определяется в специальной литературе следующим образом: «Это пределы таможенной территории государства. Таможенная граница, как правило, совпадает с государственной границей страны. Исключения могут составлять территории свободных таможенных зон и свободных складов, имеющих на территории страны. Пределы территорий таких зон и складов являются составной частью таможенной границы государства»². Данная формулировка находится в соответствии с нормами ранее действовавшего Таможенного кодекса (ТК) РФ. В свете законодательных новелл она требует пересмотра. Статья 2 ТК РФ дифференцирует понятия «таможенная территория» и «таможенная граница». Данная норма определяет, что территория РФ составляет единую таможенную территорию РФ (п. 1). Таможенная территория РФ также включает в себя находящиеся в исключительной экономической зоне РФ и на континентальном шельфе РФ искусственные острова, установки и сооружения, над которыми РФ осуществляет юрисдикцию в соответствии с законодательством РФ (п. 2 ст. 2 ТК). На территории РФ могут находиться создаваемые в соответствии с федеральными законами особые экономические зоны, являющиеся частью таможенной территории РФ. Товары, помещенные на территории особых

¹ См.: Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. С. 97.

² Чмель Г.Н. Малая таможенная энциклопедия. М., 1997. С. 203.

экономических зон, рассматриваются как находящиеся вне таможенной территории РФ для целей применения таможенных пошлин, налогов, а также запретов и ограничений экономического характера, установленных законодательством РФ о государственном регулировании внешнеторговой деятельности, за исключением случаев, определяемых ТК РФ и иными федеральными законами (п. 3 ст. 2 ТК). Пределы таможенной территории Российской Федерации, а также пределы территорий, указанных в п. 2 и 3 ст. 2 ТК, являются таможенной границей (п. 4 ст. 2 ТК). Таможенная граница совпадает с Государственной границей Российской Федерации, за исключением пределов территорий, указанных в п. 2 и 3 ст. 2 ТК (п. 5 ст. 2 ТК РФ).

Формулировки ТК РФ, относящиеся к таможенной территории и таможенной границе, опираются на положения целого ряда других источников федерального законодательства, непосредственно обеспечивающих нормативную регламентацию рассматриваемых категорий. Речь идет о таких нормативных актах, как Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»³, Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе»⁴, Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации»⁵, Федеральный закон от 22 января 1996 г. № 13-ФЗ «Об особой экономической зоне в Калининградской области»⁶. Кроме того, следует указать, что российское законодательство в части регламентации государственных и таможенных границ коррелируется с положениями Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.⁷ Статья 1 Закона «О государственной границе» пределы государственной территории Российской Федерации (суши, вод, недр и воздушного пространства), т.е. пространственные пределы действия государственного суверенитета Российской Федерации, определяет государственной границей Российской Федерации, т.е. линией и проходящей по этой линии вертикальной поверхно-

³ См.: Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

⁴ См.: Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4694.

⁵ См.: Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6273.

⁶ См.: Федеральный закон от 22 января 1996 г. № 13-ФЗ «Об особой экономической зоне в Калининградской области» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 4. Ст. 224.

⁷ См.: Согласно ст. 33 Конвенции в зоне, прилегающей к территориальному морю и называемой прилегающей зоной (прилегающая зона не может распространяться за пределы 24 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря), прибрежное государство может осуществлять контроль, необходимый для предотвращения нарушений таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов и правил в пределах его территории или территориального моря, а также для наказания за нарушения данных законов и правил, совершенные в пределах его территории или территориального моря. См. подробнее: Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. // СЗ РФ. 1998. № 1.

стью. Как мы отметили, понятие «единая таможенная территория Российской Федерации» в ТК РФ помимо государственной территории включает в себя находящиеся в исключительной экономической зоне Российской Федерации искусственные острова, установки и сооружения, над которыми Россия обладает исключительной юрисдикцией в отношении таможенного дела. Целевая юрисдикция устанавливается, таким образом, в отношении исключительной экономической зоны РФ, под которой в соответствии с Федеральным законом «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» понимается морской район, находящийся за пределами территориального моря РФ, и прилегающий к нему район, обладающий особым правовым режимом, установленным данным Законом, международными договорами РФ и нормами международного права. Определение исключительной экономической зоны применяется также ко всем островам РФ, за исключением скал, которые не пригодны для поддержания жизни человека или для осуществления самостоятельной хозяйственной деятельности. Это положение коррелируется также с содержанием ст. 4 Федерального закона «О континентальном шельфе», регламентирующей юрисдикцию РФ над указанными объектами в отношении таможенных, фискальных, санитарных, иммиграционных законов и правил.

Представляется важным решение вопроса о таможенной границе РФ в связи с наличием территории свободных таможенных зон и свободных таможенных складов. Здесь также произошли существенные изменения в регламентации. В соответствии с предыдущим ТК РФ территории свободных таможенных зон и свободных складов рассматривались как находящиеся вне таможенной территории Российской Федерации, за исключением специальных случаев, предусмотренных законодательством. Таким исключением является статус Калининградской области. Статья 1 Федерального закона «Об особой экономической зоне в Калининградской области» устанавливает, что данная зона является частью государственной и таможенной территории Российской Федерации. Кроме того, ст. 1 регламентирует, что в отношении взимания таможенных пошлин и иных платежей, в том числе налогов, уплачиваемых при таможенном оформлении ввозимых и вывозимых товаров, особая экономическая зона рассматривается как находящаяся в таможенном режиме свободной экономической зоны с особенностями, устанавливаемыми эти же Законом. Как указывает Ю.Г. Давыдов, именно из-за этих особенностей территория, которую занимает Калининградская особая экономическая зона, несмотря на действие ее в пределах режима свободной таможенной зоны, не была выведена из состава таможенной территории РФ⁸. Новый ТК содержит иной подход к понятию исключения из

таможенной территории. В соответствии с п. 2 ст. 3 ТК РФ территории свободных таможенных зон и свободных складов являются частью таможенной территории РФ. При этом товары, перемещенные в свободные таможенные зоны и на свободные склады для таможенных целей, рассматриваются как находящиеся вне таможенной территории России (за исключением особых случаев, определяемых ТК и иными законодательными актами Российской Федерации в области таможенного дела).

Следовательно, мы приходим к выводу о том, что законодатель принципиально изменил определение исключения из таможенной территории. Представляется, что данная новелла существенно повлияет не только на реализацию таможенных, но и уголовно-правовых правоотношений, возникающих в связи с незаконным перемещением товаров через таможенную границу Российской Федерации.

Вернемся к понятию «таможенная граница», используемому законодателем как в Таможенном, так и в Уголовном кодексах. «Таможенная граница, – пишет Ю.Г. Давыдов, – является юридической фикцией (воображаемой линией), в отличие от государственной границы, представляющей собой реальную линию на местности. Практика таможенного регулирования (чаще всего в связи с разбирательством дел о контрабанде) не раз обращала внимание на возможность несовпадения таможенной и государственной границ и юридические последствия, вызванные этим несовпадением. ...В связи с различием в подходах российского законодателя к определению исключения из таможенной территории претерпело изменение и определение понятия «таможенная граница Российской Федерации», которое теперь включает пределы таможенной территории Российской Федерации, в том числе пределы (в прежней редакции ТК – периметры) свободных таможенных зон и свободных складов»⁹. Действующий ТК РФ указывает, что пределы таможенной территории, а также пределы исключительных экономических зон и особых экономических зон являются таможенной границей РФ (п. 4 ст. 2 ТК РФ); таможенная граница совпадает с Государственной границей РФ, за исключением пределов территорий, указанных в п. 2 и 3 ст. 2 ТК (п. 5 ст. 2 ТК РФ). Пункт 2 ст. 5 Закона РФ «О таможенном тарифе» определяет ее как границу таможенной территории РФ.

В таможенном праве различают также внешнюю и внутреннюю таможенную границу. Внешней границей являются пределы таможенной территории РФ, разделяющие таможенные территории смежных государств. Как правило, внешняя таможенная граница совпадает с государственной. Именно поэтому на такой границе действует административно-правовой режим, устанавливаемый законодательством о государственной границе, т.е. охра-

⁸ См.: Давыдов Ю.Г. Указ. соч. С. 21.

⁹ Давыдов Ю.Г. Указ. соч. С. 22.

на внешней таможенной границы осуществляется таможенными органами совместно с пограничными войсками. В последние годы практикуется также создание совместных с сопредельными государствами таможенных пунктов в местах наиболее интенсивных транспортных грузовых и пассажирских потоков. Так, в 2003-2004 гг. на границе России и Украины создано 6 таких пунктов, оснащенных специальной техникой, обеспечивающей качественный, своевременный и относительно полный досмотр транспортных средств, грузов, багажа пассажиров, быстрое оформление таможенной документации. Внутренние же таможенные границы находятся в глубине таможенных территорий. Как правило, режим внутренней таможенной границы устанавливается в местах свободной таможенной зоны, свободного таможенного склада. Таможенная граница может существовать в районах дислокации международных аэропортов (в последнем случае таможенная граница оборудуется как временная, на период контроля перед выпуском или принятием самолетов, выполняющих международные рейсы, и локализуется непосредственно местом проведения таможенного контроля). Таможенное законодательство различает таможенную границу и зоны таможенного контроля (ст. 362 ТК), которые создаются для целей проведения таможенного контроля в формах таможенного осмотра и таможенного досмотра товаров и транспортных средств, их хранения и перемещения под таможенным наблюдением. Зоны таможенного контроля могут быть созданы вдоль таможенной границы, в местах таможенного оформления, свершения таможенных операций, в местах перегрузки товаров, их осмотра и досмотра, в местах временного хранения, стоянки транспортных средств, перевозящих находящиеся под таможенным контролем товары, и в иных местах, определенных ТК. Зоны таможенного контроля могут быть постоянными и временными.

Соответственно мы приходим к выводу о том, что таможенная граница очерчивает пространственные пределы действия таможенного законодательства нашего государства и разделяет таможенные территории сопредельных стран, устанавливая тем самым область действия таможенного суверенитета. Несомненно, обновленное содержание термина «таможенная граница» имеет непосредственное влияние на уголовно-правовую конструкцию состава контрабанды, устанавливая критерии таможенной границы как одного из ключевых признаков состава данного преступления.

Н. А. Телешева - Курицкая
(Черемушкинская межрайонная
прокуратура г. Москвы)

НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЮВЕНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

«Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения». (Из Декларации прав ребенка).

Ювенальная уголовная политика, будучи по своей сути одной из государственных стратегий в области социального управления и контроля, предполагает формирование некоторых критериев (показателей) ее эффективности. Показатели эффективности данной стратегии, на наш взгляд, связаны как с состоянием нормативно-правовой базы, так и практикой ее применения. При этом мы оцениваем качество нормативной основы ювенальных правоотношений (регулятивного, охранительного или наказательного характера) как основной, системообразующий показатель эффективности ювенальной политики государства.

Представляется, что один из важнейших показателей качества ювенального законодательства – соответствие его принципам и нормам международного ювенального права. К числу фундаментальных источников данной отрасли относятся Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»), принятые на 96-м пленарном заседании ООН 29 ноября 1985г.¹, Конвенция о правах ребенка от 5 декабря 1989 г., Резолюции VIII конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990)², Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Руководящие принципы, принятые в Эр-Рияде) от 14 декабря 1990 г., Правила ООН, касающиеся защиты несо-

¹ См.: Сборник Международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. М., 1998. С. 22.

² См.: Резолюции VIII конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990). М., 1990.

вершеннолетних, лишенных свободы, от 14 декабря 1990 г. и ряд других источников. Свод данных норм международного права фактически сформировал политику обращения с несовершеннолетними, совершающими правонарушения. Данная политика включает в себя в качестве структурных элементов профилактические меры; социальную реинтеграцию; обеспечение гарантий соблюдения прав человека в отношении несовершеннолетних правонарушителей; применение мер, альтернативных лишению свободы; осуществление ареста, задержания или тюремного заключения ребенка лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого периода времени; отказ от назначения наказания несовершеннолетним в виде смертной казни или пожизненного тюремного заключения³.

За последние несколько лет в России проведена значительная работа по развитию ювенального законодательства. Активная законодательная деятельность, направленная на защиту прав несовершеннолетних, создание для этого твердых гарантий, реализующихся в том числе и в процессе правосудия, отмечена в докладе ООН о реализации Российской Федерацией Конвенции о правах ребенка⁴. Были приняты Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (1998 г.), устанавливающий гарантии прав несовершеннолетних во всех сферах социальной жизни, в том числе в отношении правосудия; Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1999 г.), регламентирующий некоторые процедуры, направленные на исправление подростков, дела в отношении которых прекращены по нереабилитирующим основаниям. К числу системообразующих актов в области ювенальной политики государства следует отнести также Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», Федеральный закон от 21 декабря 1999 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики», постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1996 г. № 829 «О приемной семье», постановление Правительства Российской Федерации от 27 июля 1996 г. № 906 «О федеральных целевых программах по улучшению положения детей в Российской Федерации», постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 1996 г. № 1092 «Об утверждении Примерного положения о специализированном учреждении для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации», Феде-

³ См.: Сборник международных стандартов... С. 5.

⁴ См.: Периодический доклад ООН о реализации Российской Федерацией Конвенции о правах ребенка. М., 2003. С. 77.

ральная целевая программа «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 19 сентября 1997 г. № 1207, Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 г. (национальный план действий в интересах детей), принятые на основе Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 90-е годы. Представляется, что ювенальное законодательство России, в том числе уголовное, в последние годы строится с учетом мировых тенденций социализации несовершеннолетних, развития соответствующих отраслей законодательства и перспективных направлений развития международного права. С некоторой долей осторожности можно говорить о том, что в современном мире наблюдается конвергенция ювенальной уголовной политики, о чем свидетельствует содержание рамочных конвенций ООН по обеспечению прав и интересов детей, а также содержание международных договоров, участником которых стала и Российская Федерация.

Нормативная база ювенальной уголовной политики России в настоящее время также самым тесным образом связана с международными правовыми нормами, предметом регулирования которых являются материальные уголовные отношения с участием несовершеннолетних. Данная особенность отечественного законодательства является объективным результатом интеграции России в мировую правовую систему, позитивного восприятия концептуальных гуманистических идей современного права, а также понимания значимости того опыта, который уже накоплен и мировым сообществом, и отдельными государствами при решении проблем снижения детской и подростковой преступности, девиантного предкриминального поведения, гуманизации процессуальных и пенитенциарных правоотношений, субъектами которых становятся несовершеннолетние.

Вместе с тем качество законодательства России в данной области вряд ли можно признать безупречным. Следует согласиться с обоснованным мнением В.В. Панкратова о том, что не всегда в правотворческой деятельности учитываются изменения в правовой регламентации основных сфер жизнедеятельности несовершеннолетних, что особенно важно в условиях происходящей в настоящее время правовой реформы; международно-правовые обязательства Российской Федерации по выполнению требований Конвенции о правах ребенка Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия среди несовершеннолетних (так называемых Пекинских правил), Руководящих принципов ООН по предупреждению преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядских руководящих принципов), соглашений, подписанных Россией в связи с вступлением в Совет Европы, а также двух- и многосторонних договоров с государства-

ми – участниками СНГ и иными государствами бывшего СССР⁵. Одной из причин дефективности правовых норм, как отмечает Г.И. Забрянский, является нарушение взаимосвязи между отдельными элементами системы правового регулирования отношений, возникающих в разных сферах жизнедеятельности подростков, например, в сфере образования, труда и социальной защиты⁶. Такая постановка вопроса в проекции к ювенальному уголовному праву не кажется нам чрезмерно широкой. Данная область уголовно-правовых отношений в принципе ориентирована на превенцию преступлений, в том числе посредством задействования механизмов, содержащихся в иных отраслях права. Кроме того, институт освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности предполагает их ресоциализацию за счет включения в трудовые, учебные, воспитательные процессы и процедуры.

Несомненно, межотраслевая несогласованность норм как на уровне национального, так и международного права создает препятствия для достижения целей уголовного закона на практике. Так, например, в соответствии с п. 7 ст. 19 Закона РФ «Об образовании» обучающийся, достигший четырнадцатилетнего возраста, при определенных условиях может быть исключен из образовательного учреждения еще до получения им общего образования, однако при этом по общему правилу вступить в трудовые правоотношения лицо может лишь по достижении шестнадцати лет (п. 1 ст. 63 Трудового кодекса РФ), а при оставлении общеобразовательного учреждения – с пятнадцати лет (п. 2 ст. 63 ТК РФ). Вступление в трудовые правоотношения для лиц, достигших четырнадцати лет, сопровождается в соответствии с законом (п. 3 ст. 63 ТК) особыми процедурами, соблюдение которых изначально затруднительно для несовершеннолетнего, совершившего преступление, как правило, находящегося в самых сложных жизненных условиях. Фактически законодательно закреплена криминогенная ситуация, когда в возрасте между четырнадцатью и пятнадцатью годами подросток оказывается «выключенным» из позитивных социальных отношений, сам социальный контроль за ним практически невозможен и, соответственно, недостижимы специальные цели уголовно-правового воздействия. Терминологические и смысловые разночтения встречаются также и в тех источниках законодательства, которые, собственно, и образуют нормативную основу ювенальной уголовной политики. Мы отмечаем терминологическую несогласованность положений ряда источников российского законодатель-

---

⁵ См.: Панкратов В.В. Информационно-аналитическая работа прокуратур районного звена – важное средство совершенствования надзора за исполнением законов о несовершеннолетних. nadzor.vvsu.ru.

⁶ См.: Забрянский Г.И. Предупреждение преступности несовершеннолетних в системе социального контроля. nadzor.vvsu.ru/analit/show.

ства, относящуюся к обозначению специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа органа управления образованием. В Уголовном кодексе речь идет о «специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа органа управления образованием» (ч. 2 ст. 92 УК РФ), в Уголовно-процессуальном – о «специализированном учреждении для несовершеннолетних» (ст. 5, 430, 432 УПК РФ предполагают, что – это «специализированный государственный орган, обеспечивающий исправление несовершеннолетних и созданный в соответствии с федеральным законом»). Статья 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» среди прочих субъектов профилактики называет специальные общеобразовательные школы закрытого типа; специальные профессиональные училища закрытого типа; специальные (коррекционные) образовательные учреждения закрытого типа. По общему правилу кодексы имеют приоритет над иными законами РФ. Однако в рассматриваемом случае два кодекса – Уголовный и Уголовно-процессуальный – не согласованы между собой, имея при этом равную юридическую силу. Несомненно, некачественная с точки зрения законодательной техники регламентация одного и того же учреждения в смежных областях законодательства в определенной степени затрудняет возможность реализации освобождения несовершеннолетнего от наказания с направлением его в соответствующее учреждение.

Другой пример. Конвенция о правах ребенка в ст. 17 предлагает государствам – участникам разработать надлежащие принципы защиты ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию. Данная рекомендация воспринята российским законодательством – ст. 14 Закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» предусматривает защиту ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от распространения печатной продукции, аудио- и видеопроductии, пропагандирующей насилие и жестокость, порнографию, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение. Однако как справедливо отмечает О.В. Пристанская, «в стране в настоящее время отсутствуют концептуально-методологические, методические, правовые, организационные и материально-технические основы разрешения проблемы предупреждения вредного, социально неприемлемого информационного воздействия на несовершеннолетних»⁷. В частности, до настоящего времени не решена проблема «недопуска» несовершеннолетних к порнографическим сайтам в сети Интернет (хотя, например, в Китае, данная проблема успешно решается, а виновные в несоблюдении соответствующих правовых запретов провайде-

---

⁷ См.: Пристанская О.В. Правовая защита несовершеннолетних в сфере массового сексуального просвещения // Прокурорский надзор. nadzor.vvsu.ru.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Касаясь понятия системы административных наказаний, отметим следующее. Анализ литературных источников свидетельствует о том, что понятие системы административных наказаний до недавнего времени не раскрывалось и чаще всего сводилось к перечню этих санкций, закрепленному в действующем законодательстве¹. Однако сам перечень административных наказаний не образует систему наказаний, более того, в действующем КоАП РФ не раскрывается правовое понятие системы административных наказаний (имеется лишь ст. 3.2 «Виды административных наказаний»). На наш взгляд, система представляет собой более сложное образование ее составляющих, предполагающее как определенную самостоятельность каждого вида административного наказания, так и наличие интегрирующих связей всех ее элементов. В настоящее время понятие и признаки системы административных наказаний остаются недостаточно исследованными. Единственная работа, в которой на монографическом уровне представлена система административных наказаний, выполнена И. В. Максимовым². Анализируя суждения ряда ученых-правоведов (В. Г. Чмутова, А. С. Михлина, Д. А. Керимова, М. С. Студеникиной и др.) он приходит к выводу, что «система административных наказаний в своем философско-правовом (широком) понимании представляется... как внутренне организованное единство, состоящее из иерархически упорядоченного множества относительно самостоятельных видов административных наказаний, совокупность которых выражает функциональное предназначение административного наказания в социальной среде»³. Мы поддерживаем сформулированное И. В. Максимовым понятие системы административных наказаний и придерживаемся четырех признаков системы, которые он выделил в указанной дефиниции (первый – общий, который образует логику системообразующих связей элементов любой системы, в том числе и административных наказаний; второй признак – структурно-иерархического единства. Система наказаний построена в зависимости от степени их суровости; третий признак – относительная самостоятельность. Каждый вид административного наказания имеет свои особенности, которые образуют присущую ему инди-

¹ См.: Якуба О. М. Административная ответственность. М., 1972. С. 72; Лазарев Б. М. Административная ответственность. М., 1976. С. 24; Административное право России: Учебник / Под общ. ред. А. П. Коренева, В. Я. Кикотя. М., 2002. Ч. 3. С. 20 и др.

² См.: Максимов И. В. Административные наказания: понятие, правовое содержание и их система / Под общ. ред. проф. И. М. Конины. Саратов, 2003.

³ См.: Там же. С. 162.

ры привлекаются к юридической ответственности). На наш взгляд, российское ювенальное законодательство в данной области явно несовершенно.

Представляется, что во всех приведенных правовых ситуациях нарушен закон структурных соответствий (как криминологическая категория введен В.В. Панкратовым⁸). Данный закон в его криминологическом (в широком смысле) преломлении предполагает, что каждое проявление преступности должно получать соответствующее отражение в законодательстве, в нормативно-правовой реакции государства на то или иное криминальное явление. Представляется, что закон структурных соответствий должен распространяться и на ювенальное законодательство. Нормативная база ювенального законодательства, в том числе уголовного, может считаться качественной не только в том случае, если она адекватна преступности несовершеннолетних или преступности в отношении данных субъектов, но и тогда, когда она является внутренне непротиворечивой, согласованной на межотраслевом и внутриотраслевом уровне.

Таким образом, показатели эффективности ювенального уголовного законодательства мы связываем со следующими его содержательными характеристиками:

концептуальное соответствие принципам и нормам международного ювенального права;

системная регламентация ювенальных правоотношений в различных отраслях российского права; концептуальная соподчиненность отраслевой регламентации ювенальных правоотношений;

содержательная непротиворечивость нормативных актов, обеспечивающих ювенальную политику государства, в том числе ювенальную уголовную;

наличие конкретных механизмов реализации норм ювенального права;

частота применения норм ювенального уголовного права.

В данной статье мы отметили наиболее существенные показатели эффективности ювенального законодательства, имеющие формально-юридический характер. Представляется, что система данных показателей может быть расширена за счет качественных результатов правоприменительной практики, прежде всего, частоты применения норм ювенального уголовного права, динамики показателей рецидива преступлений несовершеннолетних и т.д.

⁸ См.: Панкратов В.В. Структурные и методологические основы системной организации профилактики преступности несовершеннолетних. nadzor.vvvsu.ru.

видуальность; четвертый признак – относительная устойчивость. Система административных наказаний – относительно устойчивая правовая категория, в пределах которой допустимы изменения свойств ее элементов – видов административных наказаний и их связей)⁴.

Остановившись на признаках относительной устойчивости, отметим следующее. Анализ предусмотренных видов административных наказаний свидетельствует о том, что в КоАП РФ из перечня административных наказаний обоснованно исключены исправительные работы, которые выполняли функцию «штрафа» в рассрочку. В условиях современного социально-экономического развития нашего общества данный вид наказания, конечно, потерял свою актуальность, и с этой позицией законодателя мы согласны.

Таким образом, законодатель сохранил в общем традиционный перечень мер административной ответственности, чем избавил себя, как подчеркивает Ю. С. Адушкин, от сложной работы по коренной перекройке не только собственно КоАП, «но и всего объемного, разноотраслевого, многоуровневого нормативно-правового массива, содержащего самые различные уже известные и нестандартные санкции, природу части которых как мер административной ответственности следовало бы оценить, подтвердить и легализовать»⁵. Отметим, что проектом КоАП РФ предусматривались специальные виды административных наказаний, в частности, – приостановление и лишение лицензий. Подобные наказания способствовали бы реальному повышению эффективности борьбы с правонарушениями в налоговой, банковской, валютной, биржевой и других сферах⁶. В этой связи полагаем, что проработка подобного вопроса требует действительно специального исследования. Считаем, что на сегодняшний день вместо ранее предусмотренных КоАП РСФСР исправительных работ в существующий перечень административных наказаний целесообразно внести такой их вид, как «обязательные работы».

Отметим, что предложения о необходимости внесения в перечень видов административных наказаний «обязательных работ» озвучивались и применительно к ранее действовавшему КоАП РСФСР. Так, А. П. Стуканов подчеркивал: «Правоприменительная практика показывает, что из семи основных видов административных взысканий судьями Российской Федерации активно используются только два: административный арест и штраф. Другие виды административных взысканий ввиду своей неэффективности используются крайне редко. Поэтому назрела необходимость... в дополнении ст. 24 КоАП РСФСР таким видом административного взыскания, как обязательные работы, которые бы заключались в выполнении лицом... бесплат-

ных общественно полезных работ в свободное от основной работы или учебы время»⁷.

В настоящее время существуют проблемы, связанные с взиманием административного штрафа у лиц, не имеющих постоянного источника дохода. Не менее остро стоит проблема взимания административного штрафа с несовершеннолетних правонарушителей.

Например, законодатель определяет, что при отсутствии самостоятельного заработка либо стипендии и иного источника дохода (вознаграждения, пенсии по инвалидности) у несовершеннолетнего административный штраф взыскивается с его родителей или иных законных представителей. Подчеркнем, что с позиции целесообразности подобное решение вопроса законодателем вполне оправдано. Но целесообразность должна неуклонно сочетаться с законностью. И в этом аспекте, как верно считает А. Бриллиантов (применительно к штрафу как уголовному наказанию), «возможность переложения бремени наказания на третьих лиц, пусть и с их согласия, вызывает сомнения. Они обусловлены следующими обстоятельствами. В соответствии со ст. 5 УК РФ, раскрывающей содержание принципа вины, лицо подлежит уголовной ответственности, а, следовательно, и наказанию только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Основанием уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления... Иными словами, уголовная ответственность связана с виновностью и должна быть личной»⁸. В этой связи считаем, что применительно к административному штрафу, назначенному несовершеннолетнему, но уплачиваемому его родителями, ясно одно, что с рассматриваемых позиций – вины родителей и третьих лиц нет. А им, по существу, предлагается «отбыть» административное наказание в виде штрафа за своего несовершеннолетнего ребенка, совершившего административное правонарушение. Таким образом, имеется явное противоречие в нормах закона, в частности, нарушается принцип виновности (личной ответственности). На наш взгляд, снятие указанного противоречия возможно все теми же «обязательными работами», которые в случае отсутствия денежных средств у несовершеннолетнего необходимо применять лично к нему.

В этой связи мы предлагаем дополнить ст. 3.2 КоАП РФ определяющим виды наказания п. 9 «обязательные работы», главу 3 КоАП РФ – ст. 3.12 «Обязательные работы», а ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ – после слов «административный арест на срок до пятнадцати суток» словами «либо обязательными работами на срок до 60 часов». С такой точкой зрения согласны 87 %

⁴ Более подробно см.: Максимов И. В. Указ. раб. С. 162 – 165.

⁵ Адушкин Ю. С. Квазиадминистративная ответственность // Административное право на рубеже веков: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. С. 211.

⁶ Там же. С. 210.

⁷ Стуканов А. П. Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции Российской Федерации. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. С. 74.

⁸ Бриллиантов А. Изменения законодательства о наказании // Российская юстиция. 2004. № 5. С. 38 – 39.

опрошенных нами сотрудников милиции (8 % - не согласны и 5 % – затруднились ответить).

На наш взгляд, *ст. 3.12 «Обязательные работы»* необходимо дать в следующей редакции:

«Обязательные работы заключаются в выполнении лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ, вид которых определяется органами местного самоуправления.

Обязательные работы назначаются судом на срок до 60 часов и отбываются не свыше четырех часов в день.

В случае уклонения правонарушителем от отбывания обязательных работ они заменяются административным арестом.

Обязательные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет, женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, а также военнослужащим и сотрудникам правоохранительных органов»⁹.

Порядок исполнения обязательных работ должен осуществляться по «правилам» привлечения к труду лиц, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста. То есть организация трудового использования лиц, привлеченных к обязательным работам, возлагается на местные органы исполнительной власти, которые по согласованию с руководителями органов внутренних дел, в структуре которых находятся специальные приемники для административно арестованных, определяют перечень организаций, где правонарушители могут быть использованы на физических работах. С руководителями этих организаций должны заключаться соответствующие договоры.

Таким образом, изложенные предложения по совершенствованию системы административных наказаний, касающиеся расширения их перечня, позволят органам административной юрисдикции обеспечивать дифференцированный подход к выбору меры административной ответственности, что в конечном итоге будет способствовать укреплению принципов законности и индивидуализации наказания.

Т. А. Мартиросян
(ВНИИ МВД России)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правовое регулирование информационной безопасности Российской Федерации представляет собой систему правовых норм, организующих поведение и деятельность конкретных лиц, общественных групп, государственно-властных структур по защите интересов личности, общества и государства в информационной сфере. Эти нормы призваны блокировать деструктивное поведение указанных субъектов, являющееся одним из источников информационных угроз, и стимулировать их положительную активность, направленную на повышение защитных свойств объектов информационной сферы.

Правовое регулирование информационной безопасности охватывает нормотворческую деятельность государства, его специальных органов, а также деятельность непосредственных участников общественных отношений по реализации правовых предписаний в сфере обеспечения информационных интересов субъектов безопасности, защиты информации и информационных ресурсов.

Анализируя современный подход к правовой регламентации общественных отношений, возникающих в сфере обеспечения информационной безопасности, необходимо отметить ряд недостатков, влияющих в первую очередь на эффективность правового регулирования.

Говоря об изъянах правового обеспечения информационной безопасности, во-первых, следует обратить внимание на важность четкого разграничения интересов государства, общества и личности в информационной сфере.

Граница информационных государственных, общественных и личностных интересов весьма подвижна. Объем и содержание интересов каждого из названных субъектов в конкретной общности людей определяются исходя из множества обстоятельств. К их числу относятся уровень культурного развития общества, идеология и мировоззрение его членов. Имеют влияние также политические факторы. Так, для тоталитарного политического режима характерна тенденция к абсолютизации государственных интересов во всех сферах общественной жизни, в том числе и в информационной: вспомним, что при советской власти в нашей стране фактически не существовала такая категория информации, как личная тайна, а разглашение све-

⁹ Отметим, что обязательные работы как вид наказания предусмотрены и в УК РФ (ст. 44, 49).

дений о личной жизни человека в отдельных ситуациях приветствовалось обществом.

Детализация содержания информационных интересов государства, личности и общества образует основу для грамотного и результативного правового регулирования в сфере информационной безопасности, поскольку под воздействием правовых средств интересы данных субъектов трансформируются в информационные права граждан, общественных объединений, должностных лиц и т.п.

На настоящий день в России на уровне юридической регламентации еще существует терминологическая путаница в отношении содержания некоторых категорий информационной сферы: например, конфиденциальная информация, коммерческая тайна и др. Это является одним из свидетельств неопределенности границ и содержания интересов государства, общества и личности в информационной сфере.

Второе обстоятельство, негативно влияющее на эффективность правового обеспечения информационной безопасности, связано с недостатком его «прогностичности».

Правотворческий процесс, ориентированный на удовлетворение назревшей в обществе потребности в упорядочении взаимосвязей, взаимодействия людей в определенной сфере общественных отношений или по поводу конкретных объектов, по сути, представляет собой юридическое опосредование информации о прошлом. При этом нормативные акты, концентрирующие положительный прошлый опыт и знания людей, всегда рассчитаны на применение в будущем. В этом смысле правовое регулирование всегда имеет прогнозный характер¹. Здесь также важно учитывать, что общественные отношения постоянно развиваются, и взаимодействие людей в конкретной сфере может измениться даже во временной промежутке, необходимый для преобразования «общественной потребности в упорядочении» в юридическую норму. Поэтому правовое регулирование всегда неадекватно характеру общественных связей, а величина разрыва между ними определяется степенью различия скоростей нормотворчества и развития общественных отношений. Данное утверждение полностью справедливо для информационных отношений.

Центральным блоком обеспечения информационной безопасности является противодействие внешним и внутренним информационным угрозам. Возникновение новых угроз, как правило, также связано с развитием общества. При этом существует такая зависимость: чем выше темпы эволюции общественных отношений в конкретной сфере, тем больше скорость появления новых угроз. Наиболее очевидно данная закономерность проявляется

ся, если обратиться к вопросу технического и технологического развития в сфере информационного взаимодействия: совершенствование средств и способов получения, накопления, обработки, хранения и передачи информации порождает появление новых составов и новых способов совершения правонарушений и преступлений в информационной сфере.

Учитывая объективные закономерности правотворческого процесса и темпов технического и технологического развития в сфере информационного взаимодействия, следует отметить существование в целом непреодолимой неадекватности правового регулирования характеру общественных связей в отношении средств и способов получения, накопления, обработки, хранения и передачи информации. Если обратиться к российской практике нормативной регламентации обеспечения информационной безопасности, можно установить, что разрыв между «регулируемыми» и реальными общественными отношениями в области защиты информации чрезвычайно велик. Причиной этого является в первую очередь несовершенство российской правовой системы, которая в настоящее время проходит этап становления.

Однако и в данной ситуации имеются средства достижения эффективности юридического воздействия. Например, это возможно, если, привлекая научный инструментарий прогнозирования информационных угроз, ориентировать применяемые правовые регуляторы не столько на реальные, сколько на предсказываемые общественные отношения в означенной области.

Результативность правового регулирования во многом зависит от системности соответствующего законодательства. Несистемность, изолированность российского законодательства в сфере защиты информационных интересов личности, общества, государства является третьим фактором, определяющим несовершенство правового обеспечения информационной безопасности.

Наиболее явной причиной разрозненности российского законодательства можно назвать неразвитость отечественной правовой системы. В то же время известно, что система законодательства неразрывно связана с системой права конкретного общества, является ее формой, внешним выражением. Несистемность законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности может быть обусловлена объективным структурным строением соответствующей части системы права.

Проверяя эту гипотезу, автор выделяет регулятивные, охранительные, обеспечительные, дефинитивные правовые нормы в сфере информационной безопасности, анализирует их внутренние взаимосвязи, взаимодействие этих норм с нормами различных отраслей права. В области правового обеспечения информационной безопасности особое значение приобретают нор-

¹ См. подробнее: Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М., 2004.

мы процессуального права, отраженные в ГПК, УПК, КоАП, с точки зрения их применимости к информационным отношениям.

Анализ структуры информационного права позволяет сделать вывод о том, что данная отрасль в нашей стране еще не полностью сформировалась². Конструкция, содержание информационного права, полномочия и обязанности его субъектов, принципы и методы регулирования, его структура и состав определяются в значительной степени признаками, особенностями информации, которая является основным объектом информационного права.

По итогам изучения системы права в сфере обеспечения информационной безопасности следует сделать вывод о том, что совокупность норм права, регулирующих вопросы защиты информационных интересов личности, общества, государства, образует самостоятельный правовой институт.

Правовой институт информационной безопасности по содержанию является комплексным, или сложным³, поскольку объединяет нормы различных отраслей права: информационного, административного, гражданского и т.п. При этом предмет регулирования составляют однородные общественные отношения, возникающие в связи с конкретной деятельностью людей и их объединений по защите информационных интересов личности, общества и государства. Объектом этих отношений могут быть информация, информационные ресурсы, средства хранения, получения, передачи информации.

² См.: Копылов В.А. О теоретических проблемах становления информационного права. М., 1998.

³ Здесь подразумевается вариант классификации, согласно которой выделяются простые, т.е. включающие в себя юридические нормы одной отрасли права, и сложные правовые институты. См. подробнее: Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. М.: Юристъ, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

Антонян Ю. М. Понятие преступности, ее вечность.....	3
Плешаков В. А. Причинно–следственные связи и социальная база преступности.....	17
Шестаков А. Д. Причины преступности.....	28
Ломтева В. С. Методологические принципы прогнозирования творчества и правоприменения.....	31
Космынина П. В. Основные детерминанты преступности в условиях чрезвычайных ситуаций.....	36
Довнар О. В. Причины правонарушений несовершеннолетних в современном российском обществе.....	45
Лаушкин А. С. Криминогенные факторы преступности неработающих и неучащихся несовершеннолетних.....	50
Новосельцева Е. А. Семейное неблагополучие как причина безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.....	58
Андрюхин Н. Г., Калмыков Г. И. Возможности применения международно-правовых рекомендаций и зарубежного опыта в совершенствовании отечественного законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних.....	63
Шиян В. И. Детерминационные проблемы женской преступности.....	70
Долженкова Г. Д. Некоторые проблемы социальной защиты жертв преступлений в Российской Федерации.....	77
Галахов С. С., Ситковский А. Л. Особенности виктимологической профилактики мошенничеств.....	85
Леонтьева Л. В. Правовые основы защиты собственности в современных условиях.....	97
Гончарова М. В. Профилактическая деятельность органов внутренних дел по предупреждению краж, совершаемых лицами с патопсихологическими особенностями.....	103
Калманов Г. Б., Рассыпина Л. В. Насильственные преступления, совершаемые сотрудниками милиции, как последствия психической дезадаптации.....	110
Боровков Д. В. К вопросу о предупреждении рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья в сверхкрупном городе.....	119
Антонян Ю. М., Могачев М. И. Особенности личности сексуального преступника.....	127
Рассыпина Л. В. Социология коррупции в органах внутренних дел.....	137

Щегулина А. К. Современные правовые и организационные аспекты предупреждения коррупционной преступности.....	141
Афиногенов А. И. Методические рекомендации по ведению переговоров о готовящемся террористическом акте.....	146
Гобозов Т. Я. Правовые и организационные основы регулирования миграционных процессов в Российской Федерации.....	150
Аманбаев А. М. Анализ наркоситуации в Кыргызстане и меры по усилению борьбы с незаконным оборотом наркотических средств.....	157
Дугенец А. С. Административные наказания в российском обществе.....	162
Радюшин Я. Н. Место и роль субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения общественной безопасности.....	170
Голодов П. В. Деятельность руководителя учреждения, исполняющего наказания: организационный аспект.....	177
Ломтев С. П., Иванова Л. В. Охрана интеллектуальной собственности как элемент обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.....	184
Дорофеев В. А. Признаки субъекта уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ)....	188
Кочубей М. А. Таможенная граница как признак состава контрабанды.....	195
Телешева-Курицкая Н. А. Некоторые показатели эффективности ювенального законодательства.....	200
Бутков А. В. Некоторые вопросы совершенствования системы административных наказаний.....	206
Мартиросян Т. А. О некоторых проблемах правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.....	210

ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

*Сборник научных трудов
№ 214*

Редактор *И.Е. Савельев*
Технический редактор *Е.Г. Александрова*
Корректор *Г.О. Киселева*
Компьютерная верстка *Г.В. Корнеевой*

Подписано в печать 09.02.05

Формат 60x84¹/₁₆ Печ. л. 14,0

Изд. лиц. ИД № 02096 от 19.06.2000

Уч.-изд. л. 15,4

Цена договорная

Тираж 150 экз.

Заказ №

Издатель: ВНИИ МВД России
123995, Москва, Г-69 ГСП-5, ул. Поварская, 25

УОП РИО ВНИИ МВД России

УДК 343.97

Антонян Ю. М. Понятие преступности, ее вечность // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 3.

Рассматривается понятие преступности с исторической и этнологической точки зрения, начиная от первобытного общества и древности и заканчивая современными трактовками понятия преступности.

УДК 343.97

Плешаков В. А. Причинно-следственные связи и социальная база преступности // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 17.

Рассматриваются основные криминогенные факторы, характерные для современной ситуации, сложившейся в РФ (экономические, социальные, нравственные, преступность как фактор самовоспроизводства и др.) и показывается их функциональная связь с преступностью.

УДК 343.97

Шестаков А. Д. Причины преступности // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 28.

Рассматриваются причины преступности через уяснение причин конкретного преступления. В частности, в качестве основной причины выделяются личностные особенности правонарушителя (славолюбие, сластолюбие и сребролюбие). Предлагается проводить специальные исследования, направленные на изучение этих особенностей.

УДК 340.11

Ломтева В. С. Методологические принципы прогнозирования правотворчества и правоприменения // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 31.

Рассматриваются актуальная тема – разработка и реализация методологических принципов прогнозирования правотворчества и правоприменения в различных сферах жизнедеятельности общества и государства, а также научно-практическое решение этой проблемы.

УДК 340.135

Космынина П. В. Основные детерминанты преступности в условиях чрезвычайных ситуаций // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 36.

Анализируются причины преступности в условиях чрезвычайных ситуаций. Приводятся такие причины преступлений при чрезвычайных ситуациях, как превышение пределов крайней необходимости; невозможность удовлетворения абсолютных потребностей в пище, одежде и жилье; возрастающий уровень тревожности; крайняя степень враждебности населения и напряженность личностных отношений; маргинализация широких слоев населения; незанятость, особенно молодежи; минимизация потенциала социального контроля; доступность предметов криминального посягательства и др.

УДК 343.85

Довнар О. В. Причины правонарушений несовершеннолетних в современном российском обществе // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 45.

Рассматриваются проблема преступности несовершеннолетних, а также причины, ее порождающие. Среди основных причин выделяются социально-экономическая нестабильность в стране, распространение безнадзорности и беспризорности подростков и детей, распространение алкоголизма и наркомании, обострение вопросов общественно-полезной деятельности несовершеннолетних, недоступность и слабая организованность досуга, кризис морали и правовая безграмотность несовершеннолетних.

УДК 343.85

Лаушкин А. С. Криминогенные факторы преступности неработающих и неучащихся несовершеннолетних // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 50.

Анализируются факторы и обстоятельства, присущие преступности неработающих и неучащихся несовершеннолетних, а именно: неблагоприятная обстановка в семье несовершеннолетних, пьянство родителей, бедность, безнадзорность и беспризорность детей, недостатки деятельности образовательных учреждений, недостатки трудоустройства несовершеннолетних и др.

УДК 343.85

Новосельцева Е. А. Семейное неблагополучие как причина безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 58.

Обосновывается точка зрения автора на проблемы безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, выделяя неблагополучие семьи в качестве одной из основных причин этих социальных явлений. На основании анализа семейного неблагополучия как негативного фактора формулируется ряд предложений, позволяющих решить указанные проблемы.

УДК 347.157

Андрюхин Н. Г., Калмыков Г. И. Возможности применения международно-правовых рекомендаций и зарубежного опыта в совершенствовании отечественного законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 63.

Рассматривается проблема совершенствования уголовно-правового законодательства Российской Федерации, касающегося уголовной ответственности несовершеннолетних. Предлагаются для достижения этой цели два пути: обращение к зарубежной практике и применение международно-правовых рекомендаций в области отправления правосудия.

УДК 343.221.5

Шиян В. И. Детерминационные проблемы женской преступности // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 70.

Рассматриваются дискуссионность и неоднозначность детерминантов женской преступности с конца XIX века до наших дней. Отмечается связь детерминантов с предупреждением преступлений, совершаемых женщинами.

УДК 343.988

Доженкова Г. Д. Некоторые проблемы социальной защиты жертв преступлений в Российской Федерации // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 77.

Раскрываются актуальные проблемы социальной защиты жертв преступлений, решение которых непосредственно связано с выполнением конституционных обязанностей Российского государства по защите жизни и здоровья граждан.

УДК 366.46

Галахов С. С., Ситковский А. Л. Особенности виктимологической профилактики мошенничеств // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 85.

Рассматриваются уголовно-правовая характеристика мошенничества, его способы, цели, основные тенденции и причины. В качестве одной из основных причин выделяется виктимное поведение потерпевших (низкий уровень гражданско-правового опыта и знаний, корысть и др.). Приводится характеристика личности мошенника и предлагается перечень организационно-практических мероприятий, направленных на профилактику мошенничества.

УДК 347.23

Леонтьева Л. В. Правовые основы защиты собственности в современных условиях // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 97.

Анализируется институт собственности как юридическая категория, охрана которого гарантирована Конституцией РФ и ГК РФ. Делается попытка уяснить правовой режим общественных отношений, складывающихся по поводу собственности, их регулирование и защиту.

УДК 351.74

Гончарова М. В. Профилактическая деятельность органов внутренних дел по предупреждению краж, совершаемых лицами с патопсихологическими особенностями // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 103.

Исследуются вопросы профилактики краж, совершаемых лицами с патопсихологическими особенностями, подразделениями органов внутренних дел во взаимодействии с психиатрическими учреждениями.

УДК 343.61

Калманов Г. Б., Рассыпина Л. В. Насильственные преступления, совершаемые сотрудниками милиции, как последствия психической дезадаптации // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 110.

Рассматриваются психическая дезадаптация как фактор, дестабилизирующий поведение, и ее влияние на природу насильственных преступлений среди сотрудников милиции. На основании проведенного исследования предлагаются новые аспекты анализа преступного поведения лиц с психической дезадаптацией, предпринимается попытка их типологизации.

УДК 343.6

Боровков Д. В. К вопросу о предупреждении рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья в сверхкрупном городе // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 119.

Рассматривается специфика изучения проблемы рецидива тяжкого насилия против жизни и здоровья в сверхкрупном городе, вносятся конкретные предложения по совершенствованию законодательства и предупредительной деятельности в указанной сфере.

УДК 343.61

Антонян Ю. М., Могачев М. И. Особенности личности сексуального преступника // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 127.

Приводятся результаты исследования личности сексуального преступника. Рассматриваются социально-демографические, уголовно-правовые характеристики лиц, совершивших преступления, предусмотренные гл. 18 УК РФ, ст. 30 и 131, 135 УК, а также анализируются образовательный и культурный уровни этих лиц, их психопатологические особенности, выявляются тенденции сексуальной преступности.

УДК 351.74

Рассыпина Л. В. Социология коррупции в органах внутренних дел // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 137.

В конструктивном ключе рассматриваются перспективы совершенствования источников соответствующей информации, а также социологических интерпретаций с привлечением зарубежных научных данных.

УДК 328.185

Щегулина А. К. Современные правовые и организационные аспекты предупреждения коррупционной преступности // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 141.

Раскрываются механизмы современного коррупционного поведения, предлагаются обоснованные меры его предупреждения, приводятся примеры государственного противодействия подобным деликтам.

УДК 351.74

Афиногенов А. И. Методические рекомендации по ведению переговоров о готовящемся террористическом акте // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 146.

Рассматриваются методические аспекты ведения переговоров о готовящемся террористическом акте.

УДК 325.1

Гобозов Т. Я. Правовые и организационные основы регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 150.

Раскрываются организационно-правовые основы регулирования миграционных процессов, особенно после образования Федеральной миграционной службы МВД России.

УДК 343.57

Аманбаев А. М. Анализ наркоситуации в Кыргызстане и меры по усилению борьбы с незаконным оборотом наркотических средств // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 157.

Рассматривается наркопреступность в Кыргызстане (состояние, структура, тенденции и др.). На этом основании сформулированы предложения по внесению изменений в действующие административное и уголовное законодательства Кыргызстана, которые позволят изменить наркоситуацию к лучшему.

УДК 342.09

Дугенец А. С. Административные наказания в российском обществе // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 162.

Рассматриваются виды административных наказаний, обращается внимание на целесообразность и эффективность некоторых из них.

УДК 351.746

Рядюшин Я. Н. Место и роль субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения общественной безопасности // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 170.

На основе анализа конституций республик раскрывается место и роль субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения общественной безопасности.

Голодов П. В. Деятельность руководителя учреждения, исполняющего наказания: организационный аспект // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 177.

Анализируется деятельность руководителя учреждения, исполняющего уголовное наказание, дается понятие такой деятельности, рассматриваются классификация проводимых работ и типов управления, отдельные направления деятельности руководителя; организация служебной деятельности личного состава, внешнего взаимодействия учреждения и жизнедеятельности спецконтингента.

Ломтев С. П., Иванова Л. В. Охрана интеллектуальной собственности как элемент обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 184.

Анализируются понятия охраны интеллектуальной собственности. Рассматриваются юридическая основа, приоритетные направления государственной политики в области охраны интеллектуальной собственности и приводится комплекс мер обеспечения экономической безопасности в части, касающейся указанного понятия.

Дорофеев В. А. Признаки субъекта уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ) // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 188.

Анализируются положения уголовного и таможенного законодательства, касающиеся регламентации субъекта уклонения от уплаты таможенных платежей. Рассматриваются имеющие значение для квалификации по ст. 194 УК РФ признаки декларанта, таможенного брокера, перевозчика, владельца таможенного склада и склада временного хранения. Анализируются признаки субъекта при соучастии в данном преступлении.

Кочубей М. А. Таможенная граница как признак состава контрабанды // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 195.

Раскрывается содержание понятия «таможенная граница» как признака объективной стороны контрабанды (ст. 188 УК РФ). Учтены изменения в Таможенном кодексе РФ по регламентации данного вопроса. Решается вопрос о признаках таможенной границы Российской Федерации в связи с наличием территории свободных таможенных зон и свободных таможенных складов, внутренней и внешней таможенной границы.

Телешева-Курицкая Н. А. Некоторые показатели эффективности ювенального законодательства // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 200.

Исследуются некоторые показатели эффективности ювенального уголовного законодательства, имеющие формально-юридический характер, – соответствие его принципам и нормам международного ювенального права; системность регламентации ювенальных правоотношений в различных отраслях российского права; концептуальная соподчиненность отраслевой регламентации ювенальных правоотношений; содержательная непротиворечивость нормативных актов, обеспечивающих ювенальную политику государства, в том числе ювенальную уголовную; наличие конкретных механизмов реализации норм ювенального права.

Бутков А. В. Некоторые вопросы совершенствования системы административных наказаний // Преступность и общество: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 206.

На основании приведенных автором результатов анализа литературных источников и опроса сотрудников милиции делается вывод о том, что в настоящее время понятие и признаки системы административных наказаний остаются недостаточно исследованными и указывается на необходимость внесения в существующий перечень административных наказаний такого их вида, как «обязательные работы».

Мартиросян Т. А. О некоторых проблемах правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации // Преступность и общество: Сб. науч. трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 210.

Выделяются основные проблемы правового обеспечения информационной безопасности и обстоятельства, негативно влияющие на его эффективность.

ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВО